

Prix 8 Francs

№ 221 Mai 1970

PÉRIODIQUE

ВОЗРОЖДЕНИЕ

«LA RENAISSANCE»

НЕЗАВИСИМЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 221

МАЙ 1970 ГОДА

c/o. S. S. Obolensky
Chemin de la Côte-du-Moulin
78 — L'Etang-la-Ville

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
САМОЕ ВАЖНОЕ. Редакционная статья.	5
Иван ЛУКАШ. Чудо. Рассказ.	7
Борис ФИЛИППОВ. I. Идиллия. II. Мотив из «Баядерки». III. Сыновья.	13
Темира ПАХМУСС. Зинаида Гиппиус : Коричневая Тетрадь.	25
Зинаида ГИППИУС. Коричневая Тетрадь.	28
Александра РОЗЕНШИЛЬД-ПАУЛИН. Стихи.	40
Николай АРСЕНЬЕВ. Религиозный кризис наших дней и роль Православной Церкви в современном мире.	42
С. АНДОЛЕНКО. Ренненкампф.	55
П. КОВАЛЕВСКИЙ. Последнее русское правительство.	69
В. МАРКАДЭ. Выбор невесты московского государя.	76
Эммануил РАЙС. Движущие силы истории.	85
Е. НИКОЛАЕВА. Еще о Михаиле Булгакове.	100
А. САГАЦКАЯ-ТОЛСТАЯ. Памяти Е. Н. Рощиной-Инсаровой.	111
К. АРЕНСКИЙ. В гостях у Рейнгардта.	114
Л. ДОМИНИК. К концу театрального сезона.	122
А. МИЩЕНКО. Парадоксы советской уголовной юстиции. 1. Преступление.	129
Б. СИБИРСКИЙ. Всеобъемлющий кризис?	135
Я. Н. ГОРБОВ. Литературные заметки: Михаил Булгаков «Собачье Сердце».	146
Кн. С. ОБОЛЕНСКИЙ. Мао Цзе-дун это Ленин сегодня.	150
Объявления.	160

« LA RENAISSANCE »

ВОЗРОЖДЕНИЕ

**НЕЗАВИСИМЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Под редакцией

Кн. С. С. ОБОЛЕНСКОГО и Я. Н. ГОРБОВА

№ 221

МАЙ 1970 ГОДА

c/o. S. S. Obolensky
Chemin de la Côte-du-Moulin
78 — L'Etang-la-Ville

VOZROJDENIE

« LA RENAISSANCE »

REVUE LITTÉRAIRE ET POLITIQUE

Comité de rédaction :

PRINCE S. OBOLENSKY ET J. GORBOF

N° 221

MAI 1970

c/o. S. S. Obolensky
Chemin de la Côte-du-Moulin
78 — L'Etang-la-Ville

Всю переписку просят временно направлять по адресу :

Mr. S. Obolensky. Chemin de la Côte-du-Moulin

78 — L'Etang-la-Ville

Статьи неприятые к напечатанию не возвращаются, и Редакция не вступает в переписку по их поводу.

Самое важное

« Заботиться о судьбе советских заключенных, таких, как Синявский, Даниэль, Губанов, Григоренко, Марченко, всех бесчисленных русских политических заключенных, находящихся в ужасных тюрьмах и « трудовых » лагерях по всей огромной территории России, — вот самое важное ».

Так говорит человек, который сам только что вышел из тюрьмы, однако другой, не советской. « Тюрьма, конечно, не завидное место для жизни, но то был и не немецкий и не сталинский лагерь », пишет он в письме на английском языке, размноженном и разосланном его бесчисленным друзьям и сочувствующим во всем мире : « Югославия не Россия... Медленно, но верно она становится страной действительной легальности ».

Добиваться водворения правового порядка, « действительной легальности » там, где малейшее стремление к ней подавляется с наибольшей жестокостью, т. е. в России, — вот, следовательно, теперь важнейшая мировая задача. И ясно, что мы, русские эмигранты, в первую очередь обязаны внять и этому призыву, и живому примеру его автора, который с нами связан самыми тесными кровными узами.

Михаил Николаевич Михайлов — югослав, он в Югославии родился, он верен этой своей родине и о ее мировом назначении он пишет так, что на первый взгляд это может вызвать даже недоумение, — хотя мы увидим, что основания для этого у него есть. Вместе с тем, он теперь даже по своему новому паспорту уже не Михайло, а Михаил, сущий россиянин по происхождению — русский с примесью осетинской крови. Притом русский из тех социальных слоев, которые дали основную массу русской эмиграции, а раньше бесспорно играли первостепенную роль в созидании русской жизни, государственности и культуры. С материнской стороны — дед его из чисто военной небогатой дворянской семьи, сам участник обороны Порт-Артура, тяжело контуженный в первую мировую войну, после революции чуть не погибший в Чека; бабушка — тоже из скромной дворянской семьи, где все по традиции были юристами. Род отца — из осетин, когда-то переселенных с Кавказа, ставших помещиками Херсонской губернии и служивших уже поколениями в русской армии, а мать отца — дочь священника. И благодаря этой своей первостепенно российской основе М. Н. Михайлов, как он сам подчеркивает, оказывается теперь человеком особо приемлемым для всех многочисленных национальностей Югославии, как известно, далеко не всегда между собою сходящихся.

Его борьба — в Югославии, за то, чтобы она первой из коммунистических стран стала окончательно страной реальной свободы и полной «легальности». И можно понять мировое значение, которое М. Н. Михайлов придает тому, что именно там этот процесс раньше всего может дойти до конца. К сожалению, мы не можем забыть и того, что за попытку создать независимую печать на духовной христианской основе сам он был приговорен к трем с половиной годам тюрьмы, полностью этот срок отсидел, притом больше полугодом в одиночном заключении, теперь не имеет права в течение четырех лет что либо публиковать в Югославии, отстранен от университетской работы, а его мать оказалась задержанной на аэродроме за несколько минут до того, как ей предстояло лететь в Америку на свидание с дочерью. Остается надеяться, что всё это — только «отрыжки», которые не опровергнут веру М. Н. Михайлова в «положительное» развитие Югославии.

Но борьба за это положительное развитие для самого М. Н. Михайлова с того и началась, что он своим знаменитым «Летом Московским» засвидетельствовал о духовном гнете и о полном бесправии в СССР. Это был прямой показ того, от чего надо спасаться. И теперь, если М. Н. Михайлов верит, что первой спасается от этого Югославия, то он не сомневается и в том, что спасется от этого и Россия. Он уверен в этом потому, что сам познал духовную силу, обретаемую в борьбе против бесправия. Он сам не захотел просить «условной» амнистии, потому что — пишет он — «это могло по своей форме означать отречение от моих идеалов». Он сам в тюрьме «всё время чувствовал Божию помощь, которая меня укрепляла, чтобы я не сломился».

Те, кто читал Солженицына, знают, что это и есть тот же самый мучительно обогащающий опыт, через который столько людей прошли в России. И вот почему М. Н. Михайлов, предвидя «новую духовную революцию и возрожденную религию в Югославии», то же самое предвидит «потом и в России, но не в западной части мира, так как Запад... не прошел через огонь и опыт безбожия, не страдал так много и поэтому не имеет духовной глубины».

Во всех местах нашего рассеяния, сколько есть русских людей, по своей наследственности совсем таких, как Михайлов. Но много ли среди нас тех, кто озабочен, как он, «самым важным»? А между, это *самое важное* — безусловная солидарность с людьми, борющимися в России за дух и за право, — это, по всей вероятности, для нас самих единственный способ избежать всех нас подстерегающего духовного небытия.

«В»

Иван ЛУКАШ

(К 30-летию со дня
кончины 15 мая 1940 г.)

Чудо

(Рассказ)

Понимаешь, больше никогда не было такой тишины, как в ту прохладную ночь. Роса проступала на красных щитах, шлемы от росы потускнели.

Тихо подошли дружины Александра Пересвета и Андрея Осляби. Иноки привели два полка монахов. Так по монгольским летописям.

Я точно вижу их, в черных мантиях и в берестяных лаптях. Они стоят, опираясь на громадные, в зазубринах, мечи. Отроки высокими голосами читают молитвы. На аналоях шуют свечи.

— Ты так говоришь, точно, и правда, видишь.

— Я еще вижу, как на самой заре стали выблескивать шлемы, как утренний ветер захлопал черным княжеским стягом с золотым Спасителем и крест на вершине древка стал румяным.

А за рекой, за Доном, Непрядвой, всю ночь небо смутно светилось и степь гудела от топота татарских табунов. На заре татарская конница с визгом кинулась в воду, еще в летучем пару, молочно-румяную. Мокрые, отфыркиваясь, как кони, татары вынеслись на русский берег. Куликовская битва началась. Она раскинулась на десять верст. Русская сила то выгибалась, под вихрями татар, то разгибалась снова, как натянутый лук, и вот татары прорвали живую грудку красных щитов, золоченых шлемов. Русские бегут.

Но в засаде еще не тронута, еще свежа русская конница князя Владимира Серпуховского и воеводы Боброка. Я представляю князя Владимира старым, сине-зеленые волосы метет ему на сухое лицо, князь на гнедом коне. А воевода Боброк кажется мне очень молодым, светловолосым, с прозрачными глазами, блистают его кольчужные рукавицы. Я представляю, как он горячил коня, упрасивая князя пустить конницу. Он, может быть, плакал от нетерпения. Но князь Владимир угрюмо ждал, когда татары откроют тыл.

И тогда князь ударил. Понеслись склоненные русские хоругви на красных древках.

Это, действительно, был удар двух грозowych туч, и блеск мечей и копий, как частые молнии. Вот когда решалась судьба русской земли.

И русская туча, выблискывая молниями, охватила тучу татарскую, смешалась с ней, рассекла в клочья, разметала, погнала, понесла. Куликовская битва стала Мамаевым побоищем. До самой Красивой Мечи русские гнали татар.

Это было наше древнее чудо, 8 сентября 1380 года. Русь на Куликовском поле сбила Степного Зверя, обломила ему рога.

Когда по всей Руси журчали в потемках быстрые реки крови — по настоящему журчали, — в Козельске, например, люди захлебывались в крови, когда Чингисханы и Батый во все концы Руси проложили мертвые дороги, — что могло стать с выпустошенной Русью?

Ее душа исыкла от мучительств и страха. Отлетел дух. Один холопский страх ордынский, рабья дрожь были оставлены живыми. Люди рождались, жили и умирали, как бледная нежить, в нестерпимом страхе орды. Татарская ночь.

Русь светлая, радостная, в золотых венцах, с красными пирами, звонами, хмелем, охотами на буйтуров и удалыми князьями, была нечаянно застигнута татарскими полчищами, перевалившими Урал, и под татарами погасла. Легла замертво.

И вот тут-то и начинается. Тогда, я думаю, многие затаивались от ордынского страха в лесах. Ушел и он в пустыни лесные. Ты можешь представить себе, как он один, отрок, в тесном срубе выстаивал лесные вьюги?

— Ты о Сергии Радонежском?

Да, и посмотри, во всех житиях о Преподобном вначале и хлеб-то такой гнилой, что, когда его есть, изо рта идет пыль, и одежда так плесневеет, что расползается сукно, ржавую воду отказываются пить иноки, и коптящие лучины вместо свечей. Точно все в самой тьме, в сени смертной. И во тьме начинает сквозить тихий свет. Одни замечают, что свет исходит от рук Преподобного, — другие — что от креста и от риз и от причастной чаши, иноки видят двух святых ангелов, прислуживающих ему в алтаре, и вот самому Сергию на Маковице, у Троицы Живоначальной, является Матерь Божия, осенянная светом, сильнее солнечного.

Старые жития о Сергии полны рассказов о таком восхождении света из тьмы. Так его чувствовала Русь. Измученная, застрашенная, она увидела необыкновенный свет, восходящий из лесной чащи, и припала к нему, утоляя печаль свою.

В одном старом житии о Сергии сказано, что он рассыпал

монастыри по Руси, как звезды по полуночному небу. Так и было.

Авраамий Чухломский, ставивший чудесные обители Богородичные, Умиления Сердец, Успения, Покрова, Собора Пресвятой Богородицы и Положения Ее Пояса, или Павел Обнорский и Сергий Нурымский, преподобные Андроник и Савва Сторожевский на Звенигороде, Яков Железноборский, Григорий Голутвинский, — все они были учениками Сергия Радонежского. От Сергия началась Святая Русь, от его обительских братств. На Руси стало светать.

А утро Руси — на Куликовом поле. И какой утренний свет был уже разлит по всем русским душам от бревенчатых келий Троицы, засыпанных сосновыми иглами и сухими листьями, и как было вдохновлено всё, когда ветхий игумен Сергий склонился, наконец, к уху князя Дмитрия и шепнул ему:

— Ты победишь.

Именно так сказано в житиях Преподобного: шепнул, вдохнул. Можно сказать — от его дуновения, от его шопота стала Русь. На Куликовом поле был сметен ордынский страх. Степной Зверь был ранен смертельно. Он еще будет кидаться, но он уже не страшен.

Вот это и есть чудо. И я хочу сказать, что чудо никогда не бывает внезапным. И наше древнее чудо не было внезапным. До Куликова поля прошли годы вдохновения Руси, Сергиева дуновения.

**
*

Я сижу на шатком балконе гостиницы за Пегомасом, в горах. Подо мной терраса деревенского кафе, увитая диким виноградом. От террасы в сухую траву падает желтоватая полоса света.

Сначала мне были неприятны русские голоса («опять русские»), потом я стал слушать невольно.

Два голоса. Говорит больше тот, кто постарше, а кто помоложе, — соглашается изредка: «да, да», или «верно, конечно». У того, кто говорит, голос горячий и торопящийся. Так бывает. Затронет что-нибудь душу, и у самого неловкого и неречистого человека польется вдруг взволнованная речь. Внизу, может быть, отец и сын или братья-погодки. Я слушаю их, и русские голоса, и это торопливое «ты понимаешь» мне необыкновенно близки.

Ночь душная. Над головой в темном небе тени гор. От горной сухой духоты трудно дышать. Зарницы иногда пролетают совершенно бесшумные, голубоватые. В горах идет далекая

гроза. Гром прокатывает в темном небе, невнятными низкими взрывами.

А ты помнишь видения Сергия: демоны в островерхих шлемах? Ты представляешь себе, как звенели от стужи бревна его лесного сруба, как демоны, визжа, кидались о бревна, грызлись, бросались в келью Преподобного? «Уходи, уходи, или мы тебя разорвем». Точно в самом начале Руси видел Сергей Радонежский конец ее: демонов в островерхих шлемах...

А перед концом была железная империя Николая Павловича с ее медными киверами, тугими лосинами, солдатскими сапогами на одну колодку, придворными балами, львицами большого света, парадами, заревыми пушками, барабанами, победами, казармами, статуями, арестантскими ротами, академиями наук. Всё захватывало дух своим студеным величием и во всем веяла страшная скука. Уже Пушкин отчаивался — «чорт догадал меня родиться в России», и Лермонтов видел кругом одну мертвую пустоту, и вот, как приговор всему, «Мертвые души».

Но именно тогда, в нижегородских лесах, под Арзамасом, в маловедомой Саровской пустыньке объявился инок Серафим, в миру — Прохор Мошкин, сын курского купца.

Есть странное сходство между Сергием Радонежским и Серафимом Саровским.

Серафима, как и Сергия, долго звали в монастыре плотником, Прохором-плотником, а то и столяром. И у Серафима был смиренный медведь. И от Серафима исходил тихий свет. И к нему в келию, в столпе света, приходила с небесной свитой Госпожа Богородица.

Только свет Сергия засквозил в самой тьме, в сени смертной, когда и хлеб-то гнилой, и ржавая вода, и расплзается монашеское сукно. Сергей, как свет утра в мертвую ночь.

А Серафим кажется светом вечерним, последним. Понимаешь, так бывает, когда нет уже солнца, и сумрак в вечернем воздухе, а одна дальняя стена еще белеет тепло... Преподобный Серафим точно сосредоточил в себе последний свет Святой Руси. И заметь: он всегда ходил в белом, в холщевой долгой рубахе, в белой монашеской камилавке. Светился.

Уже сумрак настал, уже веяло холодом ночи, а в Арзамасской пустыньке светился он дальним белым светом. И странно, что ни Пушкин, ни Гоголь не видели преподобного Серафима, не побывали у него в Саровском или в Дивеевском, под Ардатовым. Кажется, они и не слышали о нем и никогда не упоминают его имени. Прошли мимо, не коснулись. А шли рядом.

Тогда одни простые бабы-богомолки, окрестные мужики

и кое-кто из помещиков да дивеевские монашки знали, что в Саровской пустыни, в самой чаще, на белом камне стоит и молится праведный белый старец Серафим. Он тысячу дней и тысячу ночей стоял на камне. Он всё знал и всё видел. Он видел конец России, тысячу дней и ночей молился за нее, а когда сошел с камня, сказал, что наступят в России такие времена, что ангелы не будут успевать принимать души человеческие.

И такие времена наступили. Какое рабство настало, страшнее татарского. Какая страшная ночь. Серафим Саровский, как последний отблеск света в ночном небе.

Но почему же такая полнота радости у Саровского старца, и как хорошо он приветствовал всех: «Радость моя, здравствуй, радость моя»? Я думаю, потому, что он всё видел. И он один оставил нам обетование, что после наших времен, когда ангелы притомились уже принимать замученные души человеческие, придут такие времена радости, воскресения, когда Россия запоет летом: «Христос Воскресе». Тому он и радовался.

Он один знал, что будет чудо, и он знал, как дойти России до чуда. Ведь он всегда учил одному, только одному: стяжанию Духа Святого.

Стяжание Духа. Тут смысл всего, что творится в России, и почему мы, эмигрантская братия, колотимся здесь. Отдать или не отдать дух Божий, предать или не предать в себе и в других человека, Сына Человеческого. Вокруг этого, именно этого, всё кипит во всем мире. Одни предали. Другие нет. В России, разве не чуешь, как миллионы живых сокровенно стоят в духе и не предали Духа Святого, а стяжали.

— Да, да, я понимаю. Потаенная Серафимова Россия. Да, дышит...

— А мы почему сюда ушли? Вот и мы с тобой, бедняки, беднее церковных крыс, бывшие студенты, бывшие пулеметчики, — мы кто — буржуи, помещики, капиталисты? Нет, мы потому ушли, что не могли и не хотели отдать своей совести, предать человека в себе и в других. Мы ради Духа Святого ушли. И духа не отдадим. Понимаешь, это каждому надо понять, пережить, что Бог, как сказано у апостола Павла, не в слове, а в силе. В силе Духа. В силе духа нам всем и надо жить и действовать. Только от нового христианского вдохновения явиться новой России. Одна дорога к обетованному Серафимову чуду: стяжание духа.

Понимаешь, Сергей и Серафим, они над всеми русскими временами. Свет Сергея наполнил Россию на многие века. Серафимов свет наполнит будущую Серафимову Россию...

**
*

Я спускаюсь по скрипучей лесенке вниз, чтобы узнать, кто они, чтобы сесть с ними и слушать — слушать еще. Зарницами освещает белёную стену, ступеньки. Низкие взрывы грома в горах стали грубее, внятнее.

На террасе, черноглазая девочка-служанка, с худым бледным личиком, укладывает зеленые стулья. Я заметил на столике две чашки, одна с недопитым кофе.

— Они ушли? — спросил я служанку.

— Да. Я говорила о грозе, они отвечают: ничего, пройдет мимо. Кажется, они тоже русские.

— Да.

Я сошел в сад. Сухая трава шуршит от теплого ветра. Уже не слышно их шагов. Два голоса, может быть, они мне послышались?

Я постоял в темноте. На руку и на лицо упали крупные капли, они мне показались горячими. Те два голоса, русские, ушли на самую грозу.

Иван Лукаш

10 октября 1934 года.

ИДИЛЛИЯ

Городишка — южный, но ни одного кустика не было на его улицах. Только в пыльном и заплыванном подсолнухами « Саду культуры и отдыха » стояли чахлые деревца, заключенные в выкрашенные ядовитой зеленой краской загородки, сквозь которые изредка застенчиво просовывались рахитичные веточки с изъеденными червями и гусеницами листьями.

Зато уж чем-чем мог похвастаться этот городишка, так это парикмахерскими. На насмерть забитом солнцем базаре каждая вторая лавка, каждая вторая палатка были парикмахерскими. Казалось, что по крайней мере половина жителей городка была брадобреями. Чем жили эти бидолаги? Одни со скучающим видом подпирали наличники дверей своих заведений, другие дремали над газетой « Клич Мировой Коммуны », а большая часть, забыв обо всем на свете, забивала козла, шваркая облезлыми плиточками домино с таким остервенением, что игру свободно можно было бы принять за генеральную репетицию к кровной мести.

Редкие торговки семечками и бубликами, помидорами и огурцами отличались зато завидной толщиной. Они лениво переругивались с единственным представителем мужского торгового класса — тощим седым армянином, привезшим на запаленной лошади какие-то куски посиневшего мяса с надписями химическим карандашом на воткнутых в мясо просаленных дощечках: « баранына » и « гавядна ». Половина небрадобрейских лавчонок пустовала, а в действующих продавали водку, ароматический желудевый кофе « Ленинский Эльбрус » и сапожный крем « Навсегда ».

Рядом с входом в ветхую двухэтажную гостиницу « Гранд Отель », по-местному « Грандотель », расположился фотограф, расставивший ширмы с пышной черно-серо-белой декорацией: бравый всадник на лихом коне, вставшем на дыбы, в черкесске и папахе, с обнаженной шашкой в руке, на фоне удручающей высоты Кавказских гор. Вместо лица у всадника была обтрепанная по краям дыра, в которую клиенты покорно всовывали свою голову. Фотограф, накрывшись черной попной, возился, согнувшись, у допотопной треноги, а в дыре всад-

никовой верхней конечности глупо крутилась чья-то курносая и веснучатая типично расейская голова.

— Ша, товарищ, ну, сколько вас уговаривать! Если вы будете так круговращаться, я спорчу еще целую уйму дефицитного материала.

— Да ты гони его, Григорий Мосеич, — ведь парень — сразу видать — несамостоятельный, малохольный, с него разживы грош, а в сердце нож, — лениво сплевывая подсолнухи басовито и медлительно процедил ближний брадобрей.

У «фотоателье» остановились низенький казак с высокой дородной женой. Парень-непоседа вылез, наконец, из-за лошади и Эльбруса.

— Сняться, что ли, Феня?

— И то.

Казак залез за Эльбрус, всунул в дырку голову, окончательно обесмыслив и остановив глаза, а перед вздыбленным конем установил жену, приказав ей вставить левую ручищу в дыру: «быдто рука на мужнем плече». По полотняным облакам, горам и лошади заходили могучие волны.

— Спокойно. Одну небольшую секундочку. Смотрите на мене. Вот сюда. Ну! Еще секундочку — для лучшей выдержки. Готово. Мерси вам.

Нет, никакой НЭП не оживил это сонное царство!

— Вам в «Грандотель»? — спросил меня фотограф. — Подождите самую маленькую секундочку. Управляющий ушел, и я его заменяю. Вот сниму только мадам и товарища командира, — и покажу вам свободный номер. На выбор.

Черт дернул меня приехать в этот первозданный рай с лекцией «о новейших течениях в русской поэзии». Меня командировал Губполитпросвет, лекторское бюро которого возглавлял восторженный студент-коммунист, вечно обуреваемый идеей продвижения искусства и науки в массы.

— Ну, вот. Теперь я свободен. Сарра, подежурь в ателье. Одну минуточку.

Одна из торговок бубликами нехотя поднялась, прихватив и свою табуретку, и корзину с товаром, и заколыхалась к коню и Эльбрусу.

По скрипучей, расщелившейся лестнице мы поднялись во второй этаж.

— Вот вам первоклассный номер. Клопов почти нет. Тараканы? Так они, товарищ, к счастью. Верная примета. Окно не закрывается? Так сейчас лето же, лето. И даже лучше: ветерок будет, вентиляция. Не нравится? У нас, конечно, не Париж и не Одесса, но...

И тут мы оба провалились прямо в незанятый номер пер-

вого этажа, а на нас посыпались гнилые щепки перекрытия, куски штукатурки, мусор. Упали мы, к счастью, на соломенные матрацы коек.

— А что я вам говорил? — отряхиваясь, как пудель после купанья, продолжал Григорий Моисеевич, — Видите? У нас все предусмотрено : даже при катастрофе ничего не может случиться : у нас солома меняется каждый месяц...

На мою лекцию в летнем досчатом театре Сада культуры и отдыха явилась вся местная интеллигенция : аптекарь, пять или шесть брадобреев и военком Варейкис. Я комкал лекцию, как только мог, но ничего не отражалось на каменных лицах моих слушателей.

— Нет ли вопросов?

— А скажите, товарищ лектор, где больше клопов — у нас или в империалистических странах?

— Правда ли, что на Западе стригут уже не ножницами, а при помощи электричества?

И только военком Варейкис, подозрительно уставившись на меня, спросил : — И чего это вы, гражданин, рассказываете всё про стишки, да еще буржуазно-интеллигентские? Вы бы нам лучше о текущем моменте...

Аптекарь же не говорил ничего.

II

МОТИВ ИЗ «БАЯДЕРКИ»

Эй, вы там, огоньки, а ну-ка, очистите место для моего кореша. Живо! Скучно мне с ними. Хочется ведь культурного разговору. А вам ли лежать возле параша, когда здесь, у окна, всякая шпана. Ну, вот, располагайтесь. Как вас зовут? Николай Иваныч? Меня-то... Меня-то — по-разному : слыхали ведь и сами — на проверке : Шультакашвили-Газарьян-Сидоренко-Павлов... Да разве это все мои имена и клички?! Всех, сказать по-правде, я и сам не упомяну. Мне-то ведь шестьдесят уже. Зовите, скажем, Иван Абрамыч.

У вас шпанка уперла продуктовую передачу с дому? Ну, это дело поправимое. Эй, ширмачи! Тащите назад моему корешу его сидор. И чтобы его никогда не смели курочить. Сожрали уже его конфеты? Вы их простите, Николай Иваныч. Ведь шпана — что твои ребята, очень к сладкому неравнодушны. Остальное цело? Ну, и хорошо.

Вас удивляет, что меня так слушаются? Так ведь я — пахан, да еще какой! Мне вот — шестьдесят, а у меня соро-

капятилетний производственный, так сказать, стаж. И всё больше по банкам и подлогам. Как ушел с пятого класса гимназии, так и пошло, и пошло. Нет, учился хорошо. Я ведь из интеллигентной семьи: отец — хирург, мать — пианистка. Музыка и я люблю до самозабвения. А вот с отрочества потянуло на эдакую житуху. И ведь потом много читал, не раз побывал в Европе, учился всяческому — больше, правда, для основной своей специальности. Ведь чтобы очистить в царские времена банк — нужно было обычно устроиться туда на работу: кассиром, бухгалтером, скажем. А потому — диплом с бухгалтерских курсов, — это как минимум. Четыре языка знаю. Конечно, говорю с акцентом, но свободно.

Понятно, в тюрьмах посидел изрядно. Отсюда и то, что частенько не только имя, но и шкуру менять приходилось. Но долго в тюрьмах такие, как я, не засиживаются: чуть на этап, так уже на первой или второй ночевке подаемся до зеленого прокурора — в лес, то-есть. Ведь и конвой на нас смотрит сквозь пальцы: у таких, как мы, дружков на воле хоть отбавляй, — и конвоиры и тюремное начальство нас побаиваются, даже рады, когда избавятся от нашего брата. Ну, конечно, бывает им от нас и материальная польза: не подмажешь — не поедешь, как говорится.

Эта пересыльная еще хорошая, столичная. Всего девяносто, к примеру, гавриков в нашей камере — на ее двадцать две койки. А поглядели бы в провинции! Я-то нагляделся... Ведь меня и к вышке приговаривали, да не здесь, а на Кавказе, — вот там можно узнать — почем фунт лиха...

Да. Это было дело нелегкое. Знаете, был я молодым совсем, а уже известным — по банкам орудовал не только у нас, на юге России, а и в Бухаресте, и в Адрианополе. А тут революция. Будто праздник какой. У всех красные банты, март месяц, а все обнимаются как на Пасху, оркестры впереди шествий, красные знамена, «Вставай, подымайся», на каждом углу митинги. Увлекло, захватило и меня. Решил я завязать. Ну, решил порвать с блатным миром. Даже в партию вступил. Конечно, в большевицкую. Коль идти в революцию, то до самого конца, в самый «наш последний, решительный бой». В гражданку брал Ростов, дошел до командира полка, гнал белополяков.

В двадцатых годах направила меня партия в погранвойска. Комсоставу, надо сказать, была там жизнь, что надо. Тепло и не дует. На советско-турецкой границе нужно было только на плечах иметь голову, а не дырявый казанок, чтобы жить прямо на старорежимный масштаб. Доход и от турков-контрабандистов, и от наших советских — и контрабандистов, и нэ-

пачей: только орудуй поосторожнее и знай — кому и сколько нужно из начальства в лапу. А начальство, особенно в те годы, и особенно в Закавказьи, — тоже умело и любило жить в свое удовольствие.

Ходил я тогда щеголем, особенно, как наезжал с границы в город. Отчасти по форме, отчасти — на кавказский манер. И хотя, как видите, ростом я не вышел, но был тогда стройным, подтянутым. Да и много интеллигентнее местного начальства — советского и партийного. У баб потому успех имел большой. А тут еще всегда мог и заграничные подарочки им делать.

И была в том городе оперетта. Для провинции очень даже недурная. Даже в оркестре было всегда не меньше десяти-одиннадцати музыкантов. По столичным масштабам не судите: в провинции для оперетты это — могучий оркестр. А уж примадонна была — и безо всякой скидки на захолустье — превосходная: и голосок хоть куда, и танцевала легко, и кокетлива, а уж сложена, а глазищи — ну, словами не опишешь...

Тут уж я не в порядке краткосрочного флирта, а врезался на совесть. Вскоре даже зарегистрировались, стали жить как муж и жена — на законном основании. Ну, тут, конечно, меня и закрутило. Жил один — одни потребности. Там, для подарков бабам, много ли было нужно? Какие-никакие там заграничные лифчики, помада губная, духи, конфет коробка. А Офелия — так жену по сцене звали: Офелия де-Бинелли (в жизни Елена Петровна Дубинина) — Офелия-то изголодалась по хорошей жизни. Вот и пришлось мне рвать жизнь в куски. И ведь чем больше гребешь с клиентуры — контрабандистов и нэпачей, значит, — тем больше и начальству совать в лапу, и тем больше с бойцами-пограничниками своими делиться надо. А превysить сильно активность контрабандистов на своем участке границы — тоже опасность немалая: другие гепеушники могут из зависти накапать — и загребут тебя, как цуцика.

А Офелии, конечно, это всё до лампочки, ни к чему. Родилась она в дворянской семье, да что толку: отец был мелким чинушей, рано загнулся, еще до империалистической войны, а мать поместили, из жалости, в старческий дом, по-старому — дом призрения неимущих дворянских вдов. Там и выросла Офелия. И всё с дрожью в голосе вспоминала, бывало, как до обеда и после обеда в маленьком квадратном дворике богадельни старухи, все в черном, попарно или вразнотычку, кружили вокруг прогнившей беседки и куста захирелой сирени, — и шипели друг на дружку, как дикие кошки. И

запах в доме призрения всё вспоминала — особый стойкий и крепкий старушиный настой.

Ну, ясно, после такого детства и юности, потянуло в жизнь. Голосок обнаружился. Фигурка стала завлекательной. Встретилась как-то на благотворительном концерте с маэстро Рикардо Гурины, по-просту с Рувимом Исаичем Гуревичем, дирижером передвижной музыкальной комедии, — он и заманил ее в свою оперетту, вопреки даже своей жене, каскадной певице, грозившей перервать мужу горло и устроить в опереточном коллективе гармидер за такие недозволенные шашни. Было это уже в 22 или 23 году. А там — легкие победы над нашим братом, — но так-то — разве что подарочки : одеколон или тувельки. В остальном — нищета непроглядная. На сцене « О баядера », а в комнате — пшенка со шматком старого сала и старая шинелишка одного из хахалей вместо одеяла.

Сегодня — ладно, завтра — как-нибудь, а затем вижу — начал зарываться. А тут еще мой начальник ГПУ стал на Офелию свои бараньи глазенапы запускать. И притом он — не только большое по тому городу начальство, но и сам по себе парень, что надо. Стройный такой грузд, талия стрекозиная, в классной черкеске с серебряными газырями, сапожки шевровые, а то и ноговицы, тонкий пояс-ремешек с набором серебряных бляшек, кроме маузера — старинный кинжал на поясе. Прямо — герой из оперы « Демон ».

Приезжаю как-то с границы, — а Офелии нет как нет. У меня на душе всё кверху лапами — хоть стреляйся. Является наконец. Вполпьяна — и чужим табаком попахивает. Я даже и спрашивать не стал : всё мне ясно, как вишенка на блюдецке. Ну, думаю, тебя-то я сейчас не трону. Ты еще зеленая. И не время. Но Николадзе, стервецу, не спущу его кобеляж.

Долго я их выслеживал. Но уследил : поехали они, значит, в горы — а там, в одном из селений, кунак у Николадзе был : там решились они с Офелией переспать всласть. Ну, машинка-то, автомобилишко, у Николадзе, что твой самовар был : больше пыхтит и тарыхтит, чем везет. На большом расстоянии услышишь его. Спрятался я на одном повороте горной дороги, затаился за скалой, и как подкатила машина к тому месту, — сразу уложил на месте и Николадзе, и Офелию, и шофера. Его-то, чтобы дело было шито-крыто : скажем, чтобы подумали, что это дело контрабандистов, что ли. А так я против этого парня, шофера, не имел ничего. Первого, понятно, пришел Николадзе. А Офелия как вскинется, как вскинется, — ну, как куропатка. До сих пор забыть не могу. Сам, понятно, сразу к себе на границу, как ни в чем ни бывало. Да только, оказывается, вышла большая промашка : шофера, значит,

убил-то убил, да не совсем: очнулся он, как наехали гепеушники по следам, успел показать на меня, и только после этого дал дуба. И как это я не догадался тогда для безопасности их еще раз пришить — сам не понимаю. Должно быть, слишком тяжело было мне на Офелию еще раз посмотреть. Бывает, знаете ли, такое состояние, когда всего не утчесть.

Арестовали меня через день. Как меня били, как терзали — не хочу и вспоминать. И дали вышку. Потом, по апелляции, заменили катушкой: полная десятка. Но я, ясно, не стал свою десятку отсиживать. Не таковский! Через год уже снова промышлял. Но уже конец пришел моей честной работе. Опять стал, понятно, блатным.

Но вот, понимаете, Николай Иванович, много я на свете на своем веку повидал разного, много и баб знавал, много и крови, по правде говоря, пролил. Но никак не могу забыть Офелию. С тех пор, как не в тюрьге, как на воле, — и в драму хожу, и в оперу, — но только в оперетту ни ногой.

Вот услышал я, насвистывали вы из «Баядерки». И так мне захотелось всё это вам рассказать...

Эй, вы, шпана! потише там! Чтобы слышно было, как муха летит! Нам с корешом чтобы без беспокойства.

III

СЫНОВЬЯ

До чего эти купола-луковицы на белых баварских церквушках напоминают наши северные церковки! Но вот дороги... В Баварии даже проселочные дороги — превосходно ухоженные шоссе, обсаженные яблонями, а кое где густыми кустами ежевики. Это уж не наши разбитые проселки! А на перекрестках баварских дорог — деревянные распятия, то свежеекрашенные, яркие, новешенькие, то источенные временем. Облик Христа — баварский, мужицкий, крепкий, жесткий, суровый, до ужаса выразительный и натуралистический.

— Вот такие же деревянные Спасы и Распятия, Богоматери и святые в Закамьи, в Пермщине и среди коми-пермяков, — говорил мне Сергей, когда мы скитались с ним по дорогам Баварии, ища где-нибудь хотя бы относительно безопасного притула. Шла насильственная репатриация бывших советских подданных, и оставаться долго на одном месте было рискованно. Рюкзак за плечами со сменой белья, миской, кружкой и ложкой, суковатая палка странника — это всё, что мы смогли

захватить, убегая из Мариенбада от вступающих туда советских частей.

Ночевали на деревенских сеновалах, иногда и в лесу. Коротали время, рассказывая друг другу бывальщины и необычщины, пережитое и прочитанное.

Сергей — геолог, не окончивший, правда, института : подвело социальное происхождение. Работал коллектором, техником, младшим сотрудником в геологических экспедициях, забираясь в дремучую глухомань и спасаясь там от чисток, проверок, эпидемий массовых арестов « чужаков ». Геологом стал из-за куска хлеба, а с детства увлекался этнографией. Записывал сказки, песни, легенды, на последние гроши покупал книги по этнографии. Степенная, строгая бабушка, отозвав в уголок Сергееву мать, внушала ей повнимательней присматривать за сыном, увлекающимся порнографией. — « Может быть, этнографией? » — робко возражала мать. — « Говори тебе, порнографией », — обрывала ее бабушка...

— В то лето, — рассказывал Сергей, — жил я неподалеку от Чердыни. Наша партия остановилась в глухой деревнюшке, — не поймешь даже — русской или пермячкой : лица мужиков и баб, как у сарматских каменных истуканов, повадка чисто медвежья. Язык с таким наметом пермяцких, зырянских и татарских слов, что только на вторую неделю стали понимать друг друга.

Председатель сельсовета, распределяя нас по избам, оглядел меня с ног до головы — и решил, что я — неважнецкая птица :

— А ты, гражданин, будешь иметь проживание у Ульяны Богоделовой. Там, ясно и определенно, приварка не заимеешь : хозяйка сама с хлеба на квас перебивается, но изба ее чистая.

Ульяна встретила меня хмуро и неласково. Костистая, скрюченная, вся в черном, она не протянула мне даже руки. Спросила :

— Безбожник, небось?

— Нет, мамаша, в Бога верую.

— И беси веруют — и трепещут. Да веришь-то — поистинну, по-старому? Щепотник? Тогда, уж не обижайся, по судой-то своей пользуйся : нам с сыном нельзя иначе.

В избе, слабо освещенной окнами-гляделками, в красном углу, под почерневшими прадедовскими образами, стояла — в рост человека — почерневшая деревянная Богоматерь с Младенцем. По-крестьянски сурово-сосредоточенная, казалась она подлинной хозяйкой избы.

— Алеша, вынеси-ка Богомать в моленну, — кивнула сыну Ульяна : — не гоже Ей со щепотниками в одной избе быть.

Дед мой ее резал, — уже более милостиво пояснила она мне, — он большой резчик был, все часовни округ, верст на полтора-раста, а то и более, с его Спасами да Распятиями стояли. Вот и звали его — богодел. Оттуда и мы, значит, Богоделовы. Было, как пост Великий, Спаса в черный бархат обряжали, с серебряными позументами. На Светлый праздник, скажем — в золотную парчевую ризу. А на Троицу, наш, мужицкий Спасов день — Зелеными святками ее звали, — в богатую ризу травного шелка с золотым шитьем. Ноне-то все часовни покрывали, иконы и статуи на дрова порубали. В последний, значит, момент я Богомать-то эту спасла — вытащила ночью к себе: она в нашей часовенке была дотоль. Видал, знать, часовенку-то? Разор, искушение. Даже дверь сорвали — на одном навесе болтается. И то председатель наш ко мне всё слоняется: чего ты, говорит, Ульяна, дурман религиозный у себя содержишь? К тебе в избу, вот, и товарищи Алешины забредают, и он сам еще школьного возраста — один соблазн у тебя в избе для несовершеннолетней категории...

Я бывал — и раньше, и потом — и в районных музейчиках, и в музее Пермском, и видал эти пермские деревянные скульптуры: Микол Милосливых, Егоров Храбрых, Распятия, Спасов сидящих — в венцах терновых. Первостатная мужицкая силища и сдержка была в этих величавых Спасах и святых. А плюгавые антирелигиозники-экскурсоводы нудно талдычили зевающим колхозникам и курсантам военных школ, учащимся и педагогам, тыча пальцами в «пермских богов», что вот-де, вот — лучший пример того, как боги создаются людьми по их, людей, образу и подобию. Вот у пермского Спаса — местный монголоидный облик...

Ну, ладно. Вскоре моя хозяйка сильно обмякла. Особенно, когда увидала, что делюсь я с нею и ее Алешкой то окаменелыми пряниками, то цветастыми леденцами, то хлебом и жирами, скупо выдаваемыми нам, участникам геологической экспедиции. Для колхозников же всё это было совсем недоступным лакомством.

Алексей был на диво молчаливым, забитым, пугливым парнем лет пятнадцати. Колхозный пастушонок, пас он трех тцеватых колхозных коровенок, четырех коз; помогал и по птичьему двору. Мать вдовела уже лет десять. От работы в колхозе была освобождена по калечеству — руки и ноги отморозила вконец на лесосплаве: упала в ледяную воду. Но зато и жили они только на скудные Алешины трудодни, да еще помогала кое-какая овощь с крохотного огородишка позади избы. Голодали покорно и привычно.

И каждый вечер долго молились, запираясь накрепко в

моленной — чуланчике без окон, сплошь завешанном дониконскими совсем почернелыми иконами. Там же теперь стояла и особенно чтимая ими статуя Богоматери.

Было это, помнится, в конце сентября. Не вернулся домой Алеша. Ульяна кинулась в сельсовет, вернулась — лица на ней не было : арестовали сына, даже домой зайти не дали. Стояли тогда самые голодные дни. На колхозном картофельном поле, после нерадивой работы колхозников, кое-где оставалась недобранная мелкая картошка — невырытая или рассыпанная. Вот и набрал Алексей эдак фунтов шесть этой картошки, и был тут же, на месте, схвачен деревенскими косяками — так их звали все колхозники.

Ульяну трудно было узнать : она моталась в сельсовет, ездила в город, к прокурору, в НКВД. Проникла в тюрьму. Вернувшись, била бесконечные поклоны в моленной. Я слышал, как она взывала, рыдая и молясь :

— Сама Ты — Богомать. Сама должна понять : никак нельзя, чтоб Алешеньку моего засудили. Ведь он и до дому не донес картовь эту...

А когда узнала, что осудили Алексея на шесть лет лагерей — за шесть фунтов картошки, надолго заперлась в моленной и тихо, совсем тихо о чем-то шепталась в Божьей Матерью. Потом понесла в моленную топор и инструменты дедовы : — Не бывать и Твоему Сыну с Тобою...

Медленно и аккуратно вырубил и вырезала Младенца — сняла с рук Богомати : — Не хочешь возвернуть моего Алешеньку — не быть и Тебе с Сыном.

И вот — поверить трудно! Через месяц с чем-то, что ли, вернулся домой Алексей. То ли шевельнулась совесть у прокурора, то ли еще что-то приключилось, да только перекалфицировали Алексея проступок в мелкую кражу, засчитали ему предварительное заключение и отдали, как несовершеннолетнего, на поруки матери.

Дня эдак через два-три подходит ко мне Ульяна. Стыдоба ее взяла, в глаза боится взглянуть, вижу :

— Сергей Иваныч, — тихо так, на распев, еле слова роняет, а сама мелко и часто крестится двуперстно. — Сергей Иваныч, как не было вас с Алешей в избе, вот и явилась мне Сама Владычица. Строгая, брови сдвинуты, насуплены, на меня глядит так сердито : — « Что ж ты это, — говорит, — Ульяна : где ж совесть у тебя! Я тебе сына возвернула, а ты Моего всё еще на полатях содержишь? Смотри », — грозит. А я, окаянная, на радостях совсем запамятовала... Ну, вчера возвернула Ей Сына — Спаса нашего. А только надоть бы Сынку — Спасу нашему — рубашонку новую соорудить. Освободили

ведь сына моего. А у нас с Алексеем — один хоботья. Стыдобушка одна — не перешьешь из нее для Младеня Богова. Продай бы ты нам, Иваныч, какую свою рубашку. Городские они у тебя. А? Сынку-то ведь Богову...

**
**

— Серега, — рассмеялся я. — Что ж ты это старое раскольничье сказание за с тобою случившееся выдаешь? Сам читал в «Цветниках» староверских, хорошо помню. А ты рассказываешь — и глазом не моргнешь... А предание это, очевидно, в цветники наши пришло как раз из Германии, может и из этих вот мест. Только обрусело у нас совсем.

— Эх, ты, — рассердился Сергей, — эрудит занюханный! Тебе-то что? Ну, из «Цветника» или не из «Цветника»... Тебе не всё ли равно? Хороший рассказ только испортил.

Борис Филиппов

НЕКОТОРЫЕ МЕСТНЫЕ И ВОРОВСКИЕ СЛОВА

Бидолага — беданюха, бедняга, неудачник.

Гаврик — простак, но вместе с тем — хитрец, в данном случае просто человек.

Гармидер — в данном случае в смысле шумного скандала, склоки; не вполне правильное употребление слова.

Грузó — грузин; неуважительное просторечивое название для грузина.

Завязать — покончить с криминальной — воровской, разбойной — деятельностью.

Катушка — самый большой, предельный срок заключения по советскому уголовному кодексу: раньше — 10 лет, ныне — 25.

Кореш — приятель.

Курочить — украсть, ограбить (главным образом — «раскурочить чай нибудь сидор» — преимущественно продуктовую передачу или посылку заключенному издому).

Нэпач — нэпман, купец и промышленник — частный — эпохи НЭП'а — новой экономической политики.

Огонек — мелкий воришка.

Пахан — папаша, атаман, предводитель воровской шайки, крупный организатор ограбления — аристократия уголовного мира.

Пересыльная — пересыльная тюрьма, в которую переводят заключенного после суда над ним и где он ожидает этапа в лагерь НКВД — МВД.

Сидор — передача в тюрьму или посылка в лагерь заключенному «с воли», главным образом, продуктовая.

Ширмач — вор «средней квалификации» и пособник вора.

Шпана, шпанка — мелкое жулье.

Б. Ф.

Зинаида Гиппиус: Коричневая Тетрадь

Дневник Зинаиды Николаевны Гиппиус *Коричневая тетрадь* охватывает период 1921-1936 гг. Последняя в нем запись, сделанная на первой странице с посвящением Дмитрию Владимировичу Философову, ее долголетнему другу и соратнику, датируется кратким «1944». Название дневника объясняется коричневым цветом его обложки. Гиппиус часто обозначала свои дневники по цвету бумаги, например, *Синяя книга*, *Черный блок-нот*, *Серое с красным* и т. д., не придавая, повидимому, никакого символического значения краскам в этом их значении.

Коричневая тетрадь, составляющая своего рода эпилог к трем дневникам Гиппиус *Contes d'amour* (*Возрождение*, 1969, №№ 210, 211, 212), *Варшавский дневник* (*Возрождение*, 1969, №№ 214, 215, 216) и *О Бывшем* (*Возрождение*, 1970, №№ 217, 218, 219, 220), печатается полностью впервые. Отдельные выдержки из текста *Коричневой тетради* были опубликованы В. А. Злобиным, секретарем Мережковских, в его статье «Гиппиус и Философов» (*Возрождение*, 1958, №№ 74, 75, 76). Там же Злобин привел целый ряд цитат из личной переписки Гиппиус и Философова. Целью статьи Злобина было освещение интимной стороны их отношений. Настоящее значение этой переписки, как и значение *Коричневой тетради* и других дневников Зинаиды Николаевны, однако, гораздо шире, чем картина ее отношений с Философовым.

Автор данного предисловия печатает *Коричневую тетрадь* с сохранением системы пунктуации поэтессы и без каких-либо текстуальных изменений. Все четыре вышеобозначенных дневника помещаются в *Возрождении* в их хронологической последовательности — лишь с незначительными купюрами, касающимися глубоко интимной жизни Гиппиус — с целью воспроизведения эволюции ее мысли и неутомимой деятельности во имя осуществления Царства Третьего Завета на земле. По своей художественной форме эти дневники напоминают трехактную трагедию с кратким эпилогом.

На первой же странице *Коричневой тетради* слышится тревожный голос Гиппиус — кто продолжит Главное? 1) Кому

1) Примечания см. стр. 27.

его доверить? Потеряв после бегства из России в декабре 1919 г. всякую реальную возможность продолжения Главного, поэсса с печалью заключает, что только Богу она может доверить свое детище — создание « нового религиозного сознания », « нового Иерусалима ». Только Бог может разобраться в том, что напутал и разрушил человек по своим незнанию и неразумению. Безысходная тоска, сознание бесцельности существования без Главного и горечь звучат в каждой строчке дневника, автор которого утратил все на свете — идеалы, дружбу, верность, любовь, смысл жизни. Потеря Философова, Петербурга, России, Главного! Упреки Философову, оставшемуся в Польше с Савинковым, в измене Главному; Савинкову, « похитившему » Философова, в измене « русскому делу » (освобождению России от большевиков) в Польше; Керенскому, « предавшему » Февральскую революцию и бросившему Россию на произвол судьбы, и т. д. Конец всему, всего! — так формулирует Гиппиус с болью свое заключение о событиях 1917-1925 гг.

Дальше в дневнике она пишет о разочаровании в Савинкове, к которому ее влекли его непримиримость к большевикам и долголетняя дружба с начала века. С другой стороны, однако, изверившись в этической законности методов его борьбы с большевиками, она начинает видеть в нем диктатора, которому нет нужды в помощниках, и даже « оборотня ». В последних двух записях *Коричневой тетради* речь идет о переходе Савинкова через советскую границу и о таинственных обстоятельствах его последующей смерти в Москве в 1925 г. (убийство или самоубийство?). Гиппиус торжествует, но с чувством глубокой горечи о невозвратности Бывшего, что она и раньше, не доверяя Савинкову и предполагая в нем « оборотня », предсказывала ему такой конец. Грусть Гиппиус и ее отчаяние связаны, в первую очередь, с сознанием, что долгожданная катастрофа с Савинковым, обнажение его настоящей сущности, произошли слишком поздно для ослепленного Савинковым Философова. У последнего, по мнению Гиппиус, нет больше уже ни сил, ни веры ни в себя, ни в Главное.

В *Коричневой тетради* Зинаида Гиппиус также подводит итоги своим мыслям о революции, смерти, браке, поле, любви 2), которые она пронесла во всей их полноте метафизического значения через все перипетии и невзгоды в личной жизни. Вопреки мнению многих из ее современников, утверждавших, что философская система Гиппиус отличалась крайней непоследовательностью, « женской капризностью » 3), дневники ее подчеркивают верность мыслям в течение всей ее долгой жизни. Не только к измене своей философской системе, но даже и к компромиссу с самой собою она была неспособна по

всей своей природе. Такая твердость духа принесла ей немало страданий, особенно в период жизни в изгнании.

Коричневую тетрадь, поэтому, эту яркую иллюстрацию мысли Гиппиус, ее темперамента, верности в любви, дружбе, и преданности своим идеям служения на благо человечества, можно назвать итогом ее метафизики, заключительной, печальной страницей в книге ее мятежной жизни. И в этом смысле *Коричневая тетрадь*, как и другие дневники Зинаиды Гиппиус, представляет собой документ высокого литературно-исторического значения, большой художественной ценности, убедительности психологического рисунка.

Темира Пахмусс

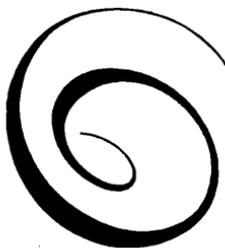
Иллинойский университет

ПРИМЕЧАНИЯ

1) См. « Возрождение » (1970), №№ 217-220.

2) См. Temira Pachmuss, Zinaida Hippus : An Intellectual Profile (Southern Illinois University Press, 1970).

3) См., например, М. В. Вишняк, « З. Н. Гиппиус в письмах », Новый журнал (Нью-Йорк, 1954), XXXVII, 181-210.

Коричневая тетрадь

ОТДАТЬ
ДИМИТРИЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ
ПОСЛЕ

1920

Некому отдавать, он умер.
И он.
Это надо сжечь.

1944.

26 Марта 1921. Париж

Без связи. Без цели. Так.

Мне непонятно : куда исчезает всё, что проходит через душу. Невысказанное. Себе — без слов. Но *бывшее*. Значит и сущее. Или даже очень « слóвное », и не мелькающее, а пребывающее, запомнятое, только никому не переданное, — куда оно? Вот, я умру. И куда оно? Где оно?

Притом оно, такое, не сделано, чтоб не передаваться. И оно никому, навсегда, неизвестно. И столько, столько его!

Пойдет, может, к Богу и у Него разберется. Да, мне и своего не разобрать, а ведь у всех — пропадает! Очевидно, к Богу.

Бог уж по одному этому неизбежен. Только у Него не пропадает, и только Он в силах разобрать. Потому что на многое как-то требуется *ответить*, иначе невозможно и бессмысленно.

В разлуке вольной также ложь.

Уходить так сладко. Я, кажется, во сне видела уход.

Я ни о чем не думаю. Я только несу в себе, во всем моем существе — одно.

В каждом маленьком « никогда больше » — самые реальные глаза смерти.

Банальность этой фразы изумительна. Т. е. изумительно, что она сделалась банальной, *не сделавшись* понятной.

Впрочем, Смерть вообще самая окруженная оградой вещь. Когда говорят Смерть — подразумевают ограду, а еще чаще — ничего.

В сущности, люди не могут выносить в других *измены*, коренной перемены в своем « я ». Люди сами не знают, что именно этого не могут. Однако приходят в самое ужасное негодование и бешенство именно по этому поводу.

Англичане сказали, что грабить мало — нельзя, а по-много — поощряется. Это европейский строй.

М. б. у Савинкова 1) — мимификрия. Так переделся, что сам поверил?

Вчера (28 М.) Чайковский 2) ужасался Савинковской статье в Свободе 3): «Портит и мне, и себе». «И что это ни с того ни сего — "дряхлающими руками"... У меня руки еще не трясутся».

Рэйли 4) окончательно положил Савинкова на полочку «главы боевой организации». Говорит: это не *homme d'Etat*.

Говорит, что в Варшаве более нет смысла оставаться. Предполагает, что Савинков уйдет нелегально соединиться с оперирующими бандами, что Ант. 5) и Махно возьмут его начальником.

Не возьмут.

Только при *ухаживании* друг за другом возможна совместная жизнь. Только.

Значит, при каком-то элементе «пола». Как входящее.

Брак, т. е. нечто строящееся *на поле*, не совместная жизнь (настоящая), ибо пол старый, при котором, обыкновенно, «ухаживание» не взаимно по времени: в начале муж ухаживает за женой. Потом перестает, и жена начинает ухаживать за мужем. (Беру счастливый брак).

Никакой «закон» не может дать истинной совместности.

Савинкова мне очень жалко. Я думала о нем больше. Или не жалко? В нем...

К. 6) — предатель. По самой материи своей. Но я как-то не сержусь, не ужасаюсь, не возмущаюсь. У меня перегорели к нему человеческие чувства.

Нет, не то. У меня всё возмущение, весь ужас перед несправедливостью жизни — слились в один ком, или застыли одним камнем. И я хожу с ним, ношу его, и он меня распирает.

Дима, ты, в сущности, *не* изменился. И тут таится ужасное. Маленькая чуточка ужасного, но именно тут, в пребывании точки какой-то «сущности», не могущей измениться, но очень *видо-изменяться*.

Ты говорил, что ты с нами «покорился» (чему?), «потерял свою личность», а ты «отвечаешь за свою личность». А теперь?

Савинков, м. б., более и более марьируется с *внешним* уклоном твоего «я» (это очень трудно сказать), чем Дмитрий. Но тут нет ничего прекрасного. Тут никакой еще заслуги пе-

1) Примечания см. стр. 38-39.

ред твоей «личностью». (Так как я говорю это для себя, то могу и не договаривать).

Странно! У меня есть какое-то «облегчение», что я не должна всё время «оправдывать» Дм. перед тобой, вечно чувствовать его под твоим судящим и осуждающим взором. Могу позволить ему быть грешным по-своему, быть собой. Без стыда покрывать его своей любовью.

Твой жестокий, вечный суд над ним — твой темный грех, Дима, но он простится тебе, потому что ты в нем был не волен. Ты его не хотел, но ты не мог. Так же, как ты *хотел* любить меня — и тоже не мог.

Я, думая о тебе, никогда как-то не «сужу» тебя. Скорее себя. Даже очень себя. У меня нет твоих оправданий. Я не всё сделала для тебя, что *могла* сделать. Я умела любить тебя, как хотела, т. е. *могла*, но я чего-то с этой любовью не сделала.

Много чего! Много!

Лето 1921 г.

Висбаден

Когда я больна — особенно ярко и неотступно вижу тебя во сне. Сегодня у меня болит горло.

Давно мечтается умереть здесь, в твоём Висбадене (которого мы вместе не видали, куда ты мне *ни разу* не написал), быть похороненной вот здесь, рядом, около русской церкви на Нероберге, под деревьями Таунуса. Здесь спокойно, как на том маленьком кладбище, где мы с тобой искали могилу Жанны, и в траве тихо пели пчелы, а я почему-то (?) всё плакала, плакала, не могла удержаться, и уходила одна по дорожке, чтобы успокоиться.

Никакого страха у меня перед своей смертью. Только предсмертной муки ещё боюсь немного. Или много? Но ведь через нее никогда не перескочишь, теперь или после.

А именно *теперь* хочется покоя. Иногда почти галлюцинация: точно уже *оттуда* смотрю, *оттуда* говорю. Все чужие грехи делаются легки-легки, и странно выясняются, тяжелеют, свои.

Вот это главное, вот эта перемена. Ужасно яркая, но не выразимая.

В эти минуты даже против большевиков нет *злости* (невозможность всякой именно «злости»). Совсем нет «прощения», совсем не то! Но относительно большевиков понимаешь, что они ничего бы не могли без «Божьего попустительства».

А Бога я «отсюда» еще могла бы судить, а когда я «оттуда» — то мысли нет, в голову не приходит, не знаю почему.

Борис 7) *ничего* не знает о смерти, как не знает о любви. Или, вернее, главного не знает. От этого он — слабый. Да, слабый. Он бессилён потерять себя внутренне... Нет, не то. Бесстрашие внешнее, если при том полная немужественность внутренняя — *хуже*, чем внешняя трусость.

Совсем не сужу, но пронзительно жалею.

Соединяю тебя, Дима, — нет, не то, не то!

Последняя точка: дохожу до того, что перестает мучить *невозможность* передать другим мое ясное знание чего-то. Перестает. Это опять, должно быть, что несешь Богу и веришь, что оно там, у Него, не пропадает и не пропадет.

Рассказываю сказки себе. Позволяю себе.

Я со дня этого письма с кровавыми подписями, еще с тех пор, больна.

Как странно, что «мы» только тогда что-нибудь могли бы действительно сделать, когда уже физически ничего не можем.

По горло в жизни — слепота. А чуть видишь — уходишь.

Уход. Ухожу ли я? Или перед настоящим бывают еще предупреждения, образы его, последнего?

Я не хочу хотеть конца. Я его хочу хотеть, когда он придет. Просто.

27 Декабря, Париж, 1921 г.

Мне казалось, что я хочу писать здесь, но вот, взяла тетрадку, и не знаю, что. Верно и не надо. Богу отдавать... однако вот о карандаше думаешь?

Нет, никогда, никогда не пойму я никакой *измены*. Т. е. это слишком громко «измена». Просто не пойму, что *было*, а потом *нет*.

Чего тут не понимать? Очень просто.

«Нет благословения». Дима, ты должен вспоминать эти мои слова, как свои. Быть может, оттого ты так сердишься, такое непомерно грубое, ребячески несправедливое было твое письмо. Оттого такая жалость.

Не стыдись жалеть себя.

Ты это прочтешь только если переживешь меня. Поэтому читать будешь уж наверно без страха и без злобы. Но, может быть, всё-таки без понимания, я и на это готова. Остановись просто, взгляни в себя: ведь можно было уйти от нас, если

мы лично негодны (или даже тебе неуютны), но уйти не так. Не уйти от того, что было когда-то нашим Главным. От этого некуда уйти, а если стараешься, то на делах нет благословенья. Я и не делаю ничего, хотя я не уходила: я только упала, где стояла.

Ты пишешь: это было лучшее время моей жизни (когда ушел) — а я вижу твои стиснутые зубы. Откуда же злоба, если ты доволен собой и счастлив?

Если и ничего нет, всё теряешь — правду нельзя потерять. С ложью нельзя и одного раза вздохнуть. И добьюсь я ее, правды, хоть одна — перед Богом.

В темные минуты я Савинкова ненавижу. Но редко. Ибо не за что. Потом сверху вниз жалею. И опять проходит, опять не к чему. Просто жалею — почти всегда. И этого он достоин. Достоин??

Он — верный (себе). Он — такой. Он никого не может обмануть. Если *им* обманываются — виноваты обманутые.

Какое слово? Какое слово?

1922.

Так много в душе, — и почти без единого слова.

Моя болезнь... «мамочкина» 8) и я была рада светлой радостью, когда это узнала.

Тихо все кругом обрезается, — внутренне, — но еще не обрезалось, еще не совсем готова. Еще лежит какой-то ком, клубок.

Савинкова, когда увидела еще этот последний раз (обед втроем), не ненавидела — и не жалела. Поняла, что и не буду никогда уже ненавидеть, да, вероятно, и жалеть. Я скажу правду: мне было неинтересно. И не то что было, а стало. И не от меня, а от него.

Всё что он говорил, и весь он — был до такой степени не он, что я его не видела. А тот, кого видела, мне казался неинтересным.

Он — *прошел*, т. е. с ним случилось то, что теперь случается чаще всего, и для меня непонятнее всего.

Оборотень. Еще один оборотень.

Может быть, Дима, и ты уже оборотень. По крайней мере всё, что идет от тебя теперь феноменально — идет не от тебя, и для тебя неестественно. Точно совсем от другого какого-то человека.

Если так, то хорошо, что я тебя не вижу и м. б. лучше, ес-

ли я тебя и вовсе более не увижу. Или нет : пусть не лучше, а всё равно. Не знаю, дойду ли до этого, но хочу дойти. До полной реализации того, что ты не погиб, что ты живешь — со мной, в моем сердце (больном), именно ты *единственный*, ты сам.

« Где был я, я сам? » тревожно, в роковую минуту, спрашивает Пер Гинт.

И для него, как для тебя, есть это место. Не бойся.

Но когда я так думаю, мне не хочется (кажется ненужным) даже и после моей смерти отдавать эти слова тебе. Тебе — другому, ибо феноменально ты не он, и читать будешь « другой ».

Смещение порядков. И надо их сначала очень разделять, чтобы потом они могли слиться.

Мне нужна очень большая сила. Чтобы верно хранить тебя. И чисто хранить, отдельно, цельно, не затемняя ничем своим, ни малейшей тенью.

4-5 Янв.

Ну вот, милый Дима. Вчера « он » 9) приехал в Париж. Он написал *petit-bleu* Володе 10), чтоб он к нему зашел в гостиницу. Естественно, что ты бы пришел. И если представить, что он — ты, то даже смешно.

Разделила ли я до конца, т. е. и кожно, тебя от оборотня? Кажется, еще не вполне, но иду на это, и дойду.

Конечно легче бы дольше не видеть оборотня и совсем не видеть, но пожалуй и так хорошо. Значит, я готова, только еще последнее усилие.

Неправда ли, мы понимаем с тобой, почему « он » не может быть равнодушен, так злится без всяких, казалось бы, причин внешних, почему с такой злобной досадой, желающей быть презрительной, говорит о непоколебимости « Мережковских » — и всё остальное? Это его бессилие, и он, кроме того, все время выдает себя. Что он не ты, мой ясный, мой родной, мой бедный.

Он не знает, что ты жив, хотя он и прогнал тебя из тебя. Но он подозревает что-то смутно, и боится.

Под 9 Января такой сон тяжелый. Дима умирает в соседней комнате (неизвестная квартира), а я почему-то не могу войти туда. Хожу из угла в угол. И умер, и какая-то горничная (это будто бы гостиница?). Закрыли ему глаза. А я тут

лишь из двери едва могу выглянуть. Вижу только спину его на кровати.

С необыкновенной физической тяжестью проснулась. Опять заснула и опять то же самое! Продолжение.

В этот день ты не пришел, Дима (ты или он). Я изо всех сил помогала ему казаться тобой. Для этого нужно ни о чем не говорить.

Что Савинков стал видаться с Красиным 11) — меня как-то и не возмутило, и не удивило. Он *должен* был, логически, перейти за эти пределы. В последнее свиданье уже все было видно (у Фондаминского) 12). Да и раньше.

Не удивляет меня и то, что это (помимо всего прочего) *не умно*. Я уже давно поняла, что ум у Савинкова очень второстепенный, а в политике — пожалуй и третьестепенный.

Тот Дима, который следовал и следует за Савинковым понемножечку, шаг за шагом, от интервенции — к восстаниям, к зеленым, к «советам» без коммуны, затем к Его Величеству Крестьянству русскому, потом куда еще? — сам не замечая должен был дойти и до Ленина без Че-ка, т. е. совсем к абсурду. Я не буду с ним говорить об этом и для себя, и для него. Он будет оправдывать все это «политикой», а я не хочу свое больное сердце подвергать бесполезной боли. Не надо.

Господи! Еслиб знали всё это «там» 13). Еслиб они не узнали, и как можно дольше! А я точно там сижу — и всё это знаю. Но пусть я.

8 Февр. 1922.

Нет, я еще не готова. Я еще не достигла той первой черты, за которой, думала, уже я есть. Я еще «как бы», т. е. делаю, думая. И оттого выходит плохо. Не оторвалась окончательно, действительно. И тебя, Дима, люблю еще с самостью, с болью.

Не домололи внутренние жернова. Еще суд и осуждение. Да, да, перед собой не скроешь. В иные минуты, впрочем, — бывает...

Уподобление есть Савинкову (чего мне здесь бояться?). Уподобление в том, что ведь и он, как был вчера — личник, отщепенец, и террорист, — а говорит и *хочет* быть «каплей в море народном», за Ленина без коммуны и т. д. Я — как вчера гордая, злая, бессильно-страдающая, боящаяся боли и всякой смерти, жестоко-любящая — а говорю себе и *хочу* быть внутренне-сжатой и всепрощающей, крепкой и широко-любящей. Так надо.

Но это лишь уподобление. Внешнее. То, что я есть и то, чем надо быть — так далеко от бедного Савинкова. Я, в своем, действительно умею говорить себе его слова «Я не был призван. Был ли я хоть зван?» А ему в голову это не придет. А в этом сила.

Нет, всё не то. Уж важно, что я иду к своей доброте. С каждым мгновением я отрываюсь от тебя, Дима, но это хороший отрыв. Главное, главное — не судить тебя. Не видеть старыми глазами тебя — с Деренталями 14) в одной яме, двух прислушающих, тебя — оборотня... Неужели не побегду эти соблазны? Когда Савинков за обедом в субботу так надтреснуто смеялся — ведь у меня была же и к нему опять жалость, поверх ясного моего взгляда? Ведь не было у меня к нему ни минуты возмущения, или какого-нибудь личного оскорбления? А ведь я его не люблю. Жалость моя любовная к тебе, Дима, должна покрыть тебя, помочь тебе невидимо — на мой счет. Вполне на мой.

Но очень тяжело и трудно. Очень. Очень. Очень.
Прорыв в молитву.

1923. Париж.

Примирение с тем, что кажется нелепостью, невозможно. Говорю о внутреннем, о тебе, опять. Примирение есть. Но от себя не скрываю, это — омертвление тканей. И омертвление не естественно (от старости), а непрерывным усилием воли.

Я не хочу знать то, что знаю. Я, правда, не знаю, как я это знаю, и потому — куда уж другим что сказать! но я и сама этого знания не хочу, я ужасаюсь до боли, и — глаза крепко-крепко закрываю. Достигается желанное... но это омертвление ткани душевной.

Да о чем я? Не всё ли равно — я? А ты не погиб. Тебя только нет там, где ты (с Савинковым). Где ты скитаешься, мой вечный, мой верный тому, чему нельзя не быть верным?

Иногда мне кажется, что никакого Савинкова уже давно нет, и ты в руках злого марева, призрака. Не боюсь тут сказать — дьявольского, чортовой игрушки, да, да! Ведь именно чорт не воплощается, и у него игрушки такие же. Не страшная эта кукла — Савинков. Только для тех, кто не знает, что это. Правда, таких и природа не любит, не терпит, ибо он — пустота. Я сама не знаю, когда я пришла к такой для меня бес-

поворотной формуле (и с таким смыслом :) *пустота*. А смысл такой: Савинков хуже всякого большевика, Троцкого, например. Т. е. он совсем за чертой человеческого и Божьего.

Нет, вот сказала — и мне стало страшно. Как это я смею такое говорить? Откуда? А может это личное, за тебя, Дима, когда я вижу, что тебя он из тебя выгнал?

Право, я сама двоюсь. И говорю — и не смею говорить, и знаю — и хочу не знать, верю, что ничего не знаю.

О, пусть бы ты меня пережил. Может, ты бы увидел в моих словах правду, которой я сама не вижу, не понимаю.

Пусть Бог судит и видит Савинкова, я не умею и не смею. Молчу. Молчу.

Дек. 1923.

Я ощупью пробираюсь. И падаю. В злобу падаю, в боль одиночества, в омертвление. А потом опять, тихонько. Кому долго, как Илюше, тому хорошо. А кому не долго тому плохо добывать. Всё на горы смотрела, а вот тебе пылинки. А ты их люби, как горы. Они — твое. Твоя доля. Немножко, немножечко. Если я так доведу, ускромнюсь так, — я знаю, что мне Бог простит многое. Только надо еще никого не обижать. Враг только один, — Враг; во всех образах — но всегда один.

Горе, что и в малом надо крепко, а я слабая. Т. е. могу крепко, а тогда выходит не мягко. О, какое борение!

Еслиб чем-нибудь послужить к его 16) спасению тоже. Хоть как-нибудь, косвенно. И не «там» (там-то он спасется), а еще здесь, на земле. Чтобы он вернулся в себя, зная, что здесь — правда жизни, и благословение дела *только* в этих трех, и вместе :

верность, крепость, благодать.

Если они будут, будут и другие необходимые: ясность, тишь, скромность.

У меня есть верность, бывает крепость, а благодати я ищу борением, всегда, часто падаю — и опять борюсь. Господи, не для себя! Я-то всегда в страхе для себя.

Тò, что я делаю — не увидишь и в микроскопе. И буду делать, и ему радоваться. И не увижу ничего глазами, и ничего. И не увижу и Диминого здесь восстания, прозрения, возвращения к себе — и ничего. То-есть иду на это, готова на это. Готова, что так он и будет сидеть в Варшаве, с Савинковской Свободой, по-Савинковски ненавидя *всех*, и не узнает правды. Готова. Но не лгу, хочу, чтоб так не было. Но готова.

Нет, не могу сказать. Просто нету для этого выражения.

А если *благость* в том, чтоб не желать ему прозрения? Ведь он *мне* никогда не простит, что не он, а я была права?

Совсем запуталась.

Одно знаю : Савинков — пустота, не страшная только для того, кто ее видит, осязает. Его *нет* и, главное, не *было* никогда. (Если нет, то и не было).

И вся моя боль от этого не за него (еще бы!), не за себя (что мне я!), а только за тебя, Дима. Да какая!

Но не от тебя, милый, боль моя. Я не обижаюсь на тебя. Разве ты виноват?

Декабрь

А иной раз бунт одолевает. Ох какой! Никого не боюсь, ни тебя, Дима, ни за тебя, всё мне равно, так бы, такими бы словами последними выругаться, на « *благость* » смотрю, как на « елей ».

Да нет, знаю, это старая слабость. Еслиб не слабость, были бы строгие, и крепкие, и ясные слова, а ведь нет же их?

Да и не слова, а такой бы нож, и не задумалась бы я *отрезать* тебя от Савинкова, чего бы это ни стоило. Ты бы выздоровел или умер, а о Савинкове я, конечно, не думаю, — о пустоте-то!

Я знаю, что и тогда ты бы не выздоровел *вполне*. Ты никогда не имел бы силы вернуться к прежнему (вечному). Даже и тогда. Но этого не нужно. Т. е. нужно, но на это я не посмотрела бы. Лишь бы выздоровел *ты* хоть немного.

Т. е. : я знаю, что ты и *отрезанный* от Савинкова — никогда не простишь мне, *что я была права*. Именно это, а не то, что я была так виновата (этого я себе не прощу).

Но чужой правоты почти никто не может простить.

Какая боль, какая боль.

Ноябрь 1924.

Неужели? Неужели это совершилось? Дима, Бог рассудил, как я не думала. Как я счастлива эти дни. Я тебя видела, тебя выздоровевшего или выздоравливающего. После этих недель невероятного кошмара с Савинковым 17) (за тебя всё) — какая нечаянная радость! Эта книжка смысл потеряла. Так, для памяти, для себя. Чтоб « *говорила же я...* » А это и не нужно вовсе.

Вместо Савинкова — *обнаружилось* пустое, гадкое место, и я считаю чудом, совершившимся *для тебя*, что эта пустота *обнаружилась*, что ты мог *увидеть*.

Благодарение Богу за тебя, я знала, что ты не погибнешь « там », но какое счастье, что это дано здесь!

И если даже рана твоя болит, и ты скрываешь боль напряжением воли, — ничего, ничего! Всё будет, т. е. всё уже есть, ибо *ТЫ — ТЫ!*

Май 1925.

Савинков погиб?

Да, я думаю, погиб. На меня это не произвело впечатления. Убил ли он себя, или что вообще случилось — не всё ли равно?

Ведь он уже годы как умер. Да и был ли когда-нибудь?

Дима, да ты всё-таки не простишь мне (или не забудешь), что я была права.

1936.

Да, это пришло *слишком поздно* (для Димы).

Зинаида Гиппиус

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Савинков Борис Викторович — см. Зинаида Гиппиус « О Бывшем », примечание 18, в « Возрождении » № 220, стр. 74.

2) Чайковский Николай Васильевич — см. З. Н. Гиппиус « Варшавский Дневник », примечание 7, в « Возрождении » № 214, стр. 87.

3) « Свобода » — газета выходившая в Варшаве 1920-1921, переименованная в « За Свободу » в 1921 г.

4) Railey, Sydney, английский капитан, крупный агент английской разведки, сотрудничавший с Б. В. Савинковым, Д. Ф. Философовым и Мережковскими в их антисоветской деятельности в Варшаве (1919-1921). Долго живший в Москве до революции, отлично владевший русским языком и знавший многих русских как в советской России так и за границей, Р. оказал Савинкову в Польше значительные услуги. Впоследствии он вернулся в СССР, был там « разоблачен » и « ликвидирован ».

5) Антанта?

6) Вероятно, А. Ф. Керенский.

7) Савинков.

8) Мать Зинаиды Гиппиус скончалась в 1903 г. от сердечного приступа.

9) Имеется в виду Д. В. Философов, как « оборотень », которого в нем часто видела Гиппиус.

10) Злобин Владимир Ананьевич (1894-1967), личный секретарь З. Н. Гиппиус с 1916 г., поэт и публицист. Учился на юридическом факультете СПб. Университета, в декабре 1919 г. вместе с Мережковскими и Философовым бежал из сов. России. В Варшаве был помощником Гиппиус по литературному отделу газеты «Свобода». В 1921 г. поселился в Париже с Мережковскими и продолжал работать для них в качестве секретаря. Читал также доклады на русские темы на различных литературных вечерах в Париже, помещал свои стихи и очерки в выходивших во Франции русских газетах и журналах. При содействии Гиппиус, вошел в состав редакций нескольких литературных журналов, как «Новый Корабль» (1927-28). В 1951 г. вышел в свет том его стихов посвященных памяти З. Н. Гиппиус «После ее смерти». Читал лекции в Канзасском университете (Lawrence, Kansas, США) в 1966 г.

11) Красин Леонид Борисович (1870-1926), известный советский дипломат, в 1922-26 гг. был первым советским полпредом во Франции, до его перевода на ту же должность в Лондон.

12) Бунаков-Фондаминский Илья Исидорович — см. Зинаида Гиппиус «О Бывшем», примечание 17, в «Возрождении» № 219, стр. 75.

13) «Там», — в Петрограде, — после бегства Мережковских в Польшу остались сестры З. Н. Гиппиус Татьяна и Наталья. **Татьяна Николаевна Гиппиус** (1877-1945?) была моложе З. Н. Гиппиус, окончила Художественную Академию в СПб. по живописи, после этого преподавала на курсах им. Шидловского с 1911 г. до революции. Была близка с А. Блоком, А. В. Карташевым, Евгением Ивановым. Ее рисунки «земных тварей» вдохновили Блока на некоторые стихотворения его цикла «Пузыри земли» (см. **Твари весенние**. Из альбома «Kindisch» Т. Н. Гиппиус, СПб. 1905). Иллюстрировала сборник А. Калмыкова «Колокольчики» (СПб., 1918), «Елку» Поликсены Соловьевой (СПб., 1906-1907), «В лесу и дома: рассказы» Е. П. Иванова (Москва, Л. Д. Сытин, 1915) и мн. др. В 1914 г. участвовала в выставке русских художников в Доме Искусств в Риге. Ее картины, выставленные вместе с работами Е. Е. Климова и Е. М. Савченко, вызвали много интереса и похвал. Особое впечатление произвела ее «Молитва Матери» (изображение Богородицы). **Наталья Николаевна Гиппиус** (1880-1945?) была младшей из сестер. Окончила Художественную академию в СПб. по отделению скульптуры. Вместе с Ф. Штернбергом иллюстрировала произведение Барто Агния «Почтальон стучится в дверь» (Москва, 1932). Обе сестры, Татьяна и Наталья, пропали без вести в Латвии в 1945 г. при попытке пробраться во Францию к З. Н. Гиппиус.

14) Дикгоф-Деренталь, бар. Александр Аркадьевич (ок. 1877-?), и его жена Любовь Ефимовна. Прекрасный оратор и хорошо воспитанный человек, А. А. Д. -Д. принимал участие в революционной деятельности Савинкова, с которым впервые встретился в Париже. Был одним из участников в убийстве свящ. Гапона, позже стал адъютантом Савинкова. В 1924 г. вместе со своей женой вернулся в Советский Союз, поселился с ней в Москве, где стал работать в ВОКСе. Спустя несколько лет сотрудничал с известным русским актером Яроном по переводу ряда французских опер на русский язык. Любовь Ефимовна Д. -Д. (род. ок. 1900 г.), будучи очень красива, выступала в испанском танцевальном ансамбле в Париже в 1916-17 гг. Была личным секретарем и любовницей Б. В. Савинкова, «подготавливать» возвращение которого она и вернулась с мужем в СССР в 1924 г. Однако Савинков был там арестован и подвергнут заключению. В тюрьме она жила с ним, но незадолго до его загадочной смерти вернулась к своему мужу. После этого сотрудничала в «Женском Журнале».

15) И. И. Бунаков-Фондаминский.

16) Т. е. Д. В. Философова.

17) Речь здесь идет о возвращении Савинкова в Советский Союз с его последовавшим арестом.

РАБ

Усталый раб вернулся поздно с поля.
Господь сказал :
« Теперь корми меня ».
Раб принял хлеб, вином наполнил чашу
и стал служить.

НА ПОРОГЕ

Три старушки стояли
у дверей заключенных,
три старушки молились
недоступной святыне.

Ты стоишь у предела
двух миров разлученных,
у границы закрытой
всех начал и свершений.

— Пусть откроются двери,
пусть появится свет!

ВХОДЫ И ВЫХОДЫ

Времена и сроки в Божьей длани,
в Божьей длани встречи и разлуки
— путь дорожный, выходы и входы.
В Божьей воле все слова и речи,
все сердца и вечное молчанье.

ДО КОНЦА

Всё любить любовью прощальной,
всё омыть последнею слезой
до того, как ночи безначальной
подойдет покой.

До конца нести земное бремя,
до предела насыщая время
— Сердцем стать и хлебом и вином.

АСТРЫ

Подернутые пеплом аметисты,
вы в полноте роскошного цветенья
всю силу лета в круге заключили.
Но лепестки, направленные к сердцу,
в серебряном отливе затаили
грядущей осени последнюю печаль.

СЛОВО

Гравировать по дереву, по меди,
на камне вырезать,
и высечь наконец
из сердца человека как венец
резцом Любви недвижимое Слово.
И пусть — конец!

ХОЧУ

Я хочу, чтоб из глаз моих
вырос цвет,
я хочу, чтоб стопа моя
стала в след.
Чтоб из следа бил
сильный свет!

Александра Розеншильд-Паулин

Религиозный кризис наших дней и роль Православной Церкви в современном мире

1.

Какая роль принадлежит Православной Церкви в современном мире? Роль эта ответственна и велика, настолько велика, что даже можно сомневаться, способны ли отдельные члены — более того, весьма многие из членов — Православной Церкви эту ответственность нести. Но вопрос идет не об отдельных членах Православной Церкви — отдельных иерархах, мирянах, ученых богословах, школах, приходах, а о *всей* Церкви в ее основе, в глубочайшем ее вдохновении. В своей глубочайшей основе эта Церковь противостоит той субъективизации, вернее, распылению, или даже *подмене* веры, которая охватила широкие круги современного христианского мира. Православная Церковь там, где она жива, продолжает жить из неослабного созерцания великой тайны *исторического прорыва Бога в мир*: великой тайны *Воплощения*. История и — всепревосходящая Божественная Реальность, Вечная Жизнь, вошедшая в мир. « То, что мы видели, что рассматривали нашими глазами, что руки наши осязали », было — Вечная Жизнь, — говорит апостол Иоанн; « и мы видели и свидетельствуем и возвещаем вам сию Вечную Жизнь, которая была у Отца и теперь открылась нам ».

Невозможное стало возможным. Мост установился между Богом и миром, и этот мост — Сын Божий. В этом « недоуменном », радостном и трепетном созерцании тайны христианское благовестие верно себе с самого начала проповеди до наших дней. И это благовестие живо в недрах Православной Церкви, неотъемлемо от нее, составляет всю сущность ее. Это касается, конечно, не только Православной Церкви. Это составляет основную сущность христианского благовестия вообще везде и повсюду. Но западный христианский мир в современном протестантизме, особенно в Америке, но и в Европе, всё более отходит от этой сущности, этой основы Благой Вести, заменяя веру в *совершившийся факт*, встречающий нас в центре истории, исключительным ударением на субъективные мои переживания. Но мои переживания сами по себе не спасут, а то, на что устремлены и из чего они родились : исторический

прорыв Божий в мир в лице Единородного Сына Божия, совершившийся для нашего спасения.

2.

« Иоанновское » трепетное созерцание тайны Воплощения, это то, чем христианство живет в своей глубочайшей сущности, это то, чем живет Православная Церковь. Это есть центр и основа и содержание христианского благовестия. Против этого в христианском мире нарастают две тенденции: *моральное размягчение*, боязнь подвига, боязнь победного и радостного призыва к самоотречению, и *размягчение религиозное* — отсутствие трепета, отсутствие сознания *трепетной тайны* снисхождения Божия: Бог представляется лишь пантеистическим потоком в жизни, в котором мы участвуем и который проявляется через нас. Новозаветное учение о Боге-Спасителе, но и о предшествовавшей этому спасению нашему пропасти между Богом и падшим творением, пропасти, заполненной добровольным отданием Себя Сына Божия, отвергается, как « мифологическое », или более или менее игнорируется. В таком понимании, христианство состоит в том, чтобы служить здешнему нашему миру, не ведя его вверх к Богу « за пределы мира » (если можно так выразиться), и в том, чтобы, просто помогая ему, ввести социальные улучшения. Христианская религия становится резко посясторонней и только посясторонней, тогда как она должна быть *устремленной на Бога и на Его снисхождение*, т. е. захватывающей и Бога, и мир, но и мир и братьев — в Боге. Да, итти в мир, да, проповедывать ему спасение, но прежде всего — спасение в Боге, в вочеловечении Сына Божия, а затем уже разные, вытекающие из этого применения Правды Божией к различным условиям земной жизни, социальным и другим. Акцент, ударение перекладывается у некоторых представителей современного христианства с Бога на социальное законодательство в духе « Народного Фронта ». При этом у одних ударение на демократию, у других на демократию с примесью советского (идеализированного) коммунизма. Между тем и демократия может быть « Богу послушна », и тогда она почтенна. Но она не есть Бог, а только должна *воспитаться* для того, чтобы стать служительницей Божией. С подчиненного, производного, с того, что *само по себе* слабо и убого, как всё человеческое, взор должен самым решительным образом быть переведен на Того, Кто дает силу и освящение.

Эти мысли приходят в голову при слушании или чтении проповедей многих современных западных проповедников, а

также напр. при чтении исходных тезисов («drafts») предложенных собравшемуся летом 1966 года в Упсале Мировому Экуменическому Съезду, где главный упор делается — несколько односторонне — на материальное и социальное положение наших братьев, требующих нашей помощи, а духовной их нужде уделяется меньше внимания *).

Какая формулировка была бы самой современной, ибо написанной с точки зрения и истории и Вечности и — прежде всего — *прорыва Божия в мир*? Первое послание апостола Иоанна так сильно, как Сам Господь в Своей прощальной беседе, подчеркивающее *Любовь к брату*. Как может «не любящий брата своего, которого видит, любить Бога, Которого не видит?» (1 Иоанна, 4, 20). Но всё это вытекает из той любви, которая была показана нам: «Он положил за нас душу Свою. Поэтому и мы должны полагать души наши за братьев» (1 Иоанна, 3, 16)). В этом — христианство.

Рушатся в мире основы «капиталистически-социалистического» благополучия (а коммунистического благополучия вообще пока и в помине не было). Не страшно это для тех, кто имеет Бога, Который превыше мира и может быть опорой для нас, хотя и находящихся в мире, но тем не менее не вполне тождественных с миром. Но тем, для кого Бог сливается с миром, для кого социальное благополучие мира — как для некоторых современных богословов — почти заняло место Бога? За что же им ухватиться, если это благополучие колеблется и рушится? На это они не отвечают.

Формы этой новой квази-христианской религиозности (некоторые из наиболее решительных представителей новых течений прямо говорят о «безбожной религиозности») весьма многообразны и различны. Некоторые, напр., говорят о том, что спасение — в Прогрессивной Демократии, или вообще в Человечестве, в социальном коллективе, в братском единении

*) Несколько односторонне и поверхностно звучит напр. такое определение Церкви :

«Церковь как общество радостных» (это звучит довольно безвкусно-эмоционально не только в переводе), «которые имеют надежду и жизненно значительную весть для мира, которые борются за экономическую справедливость и за человеческое достоинство, которые исполнены заботы о больных и униженных и признают полную ответственную свободу научных изысканий и искусства»... («Drafts for Section. Uppsala, 1968. Edited by World Council of Churches», Geneva, 1968).

Это всё очень хорошо; но неужели Церковь только это? Какое сентиментально-однобокое и легковесное определение! Неужели эти прекрасные и заслуживающие одобрения плоды не указывают прежде всего на основную стихию — на жизнь в Боге и на ту Святуюню, тот Источник, из которого мы живем?

человечества. Получается некое своеобразное религиозное «народничество», какая-то странная религия «Человекобожества»*), которая может быть преддверием или приближением к некоему утопическому коммунизму. Характерна, напр., недавно вышедшая книга католического священника R. P. André Monjardet «Autre Eglise, autre Foi», 1968, в которой от католичества, и христианства вообще, очень мало что осталось, т. к. центральное, основное выброшено: богоустремленность через участие в подвиге Сына Божия, а еще раньше этого, как основа всего, — безмерное снисхождение к нам любви Божией открывшейся в Сыне Любви Его. Вместо этого читаем, что эта новая вера даже не религия, «если под словом «религия» понимать отношение индивидуальной личности или коллектива с каким-то трансцендентным Высшим Существом, со всей окружающей Его свитой догматов, обрядов и законов». Так и Père Cardonnel в своей недавно вышедшей книге «Dieu est mort en Jésus Christ» пишет: «Дело в том исключительно, чтобы итти до конца, чтобы сделать эту землю окончательно обитаемой для нас. Мы не идем по направлению к другому миру; нет Неба, нет потустороннего, нет ничего иного, а только полное углубление того, что мы есьмы» и т. д. в том же духе. Подымает свою голову религия человекобожества, т. е. поставление человека с его страстями, неустойчивостью, извращенностью и преходящестью на место Бога — та мнимая страшная религия, приход которой предносился встревоженному взору Достоевского в его «Бесах» и запечатлен им в словах Кириллова. Человек, утлый, преходящий человек, или Человечество — вместо Бога, вместо Христа. Это приводит уже (неосознанно самими авторами книг, подобных книге Монжардэ) к словам Великого Инквизитора в «Братях Карамазовых»: «Мы не с Тобой (т. е. с Христом), а с ним» (Духом гордыни и лжи, искушающим Христа в пустыне). Это не неверие уже, а утверждение *иного* Бога — абсолютно *посюстороннего*, отвергающее все высшие Корни и Источники жизни и всякую встречу Бога с человеком, всякое *Снисхождение Свыше*. Мы сами себе — Бог, — проповедь Вавилонской башни (или *антихриста*, согласно изображению Владимира Соловьева).

В этом духе был ряд проповедей, произнесенных некоторыми католическими священниками (в том числе отцом Кардоннель) в течение Пасхи 1968 г. в предместьях Парижа.

*) «La vocation dernière des Eglises ne serait-elle pas finalement de disparaître comme Eglises pour laisser la place à cette religion universelle de l'homme?» — André Monjardet.

« Только в революционной воле и революционном действии Бог ныне присутствует и действует среди нас » — так провозглашала одна из этих проповедей *). Это — уже не только « по-сторонность », а — повторяю — опасность полной подмены Царства Божия царством Зверя. Нужно надеяться, что в значительной мере это не осознано самими проповедующими. Они захвачены потоком и плывут по нему.

Конечно, такие взгляды особенно сильно (как мы видели) проявились в протестантизме и англиканстве, в католичестве они представляют — явное или затемненное — непослушание Церкви, разрыв со всей ее традицией, затемненной употреблением освященных всей религиозной практикой и религиозным опытом Церкви богословских терминов, но внутренне « опустошенных », лишенных своего смысла, своего отнесения к Высшей Божественной Реальности. И здесь мы присутствуем при великом религиозном соблазне *капитуляции перед этим нашим миром*, который провозглашается единственно существующим и занимает место Бога. Это может привести к соблазну поклонения Зверю. Это соблазн крайней безблагодатной социализации христианства, отождествление « благой проповеди » с царством сытости и « социальной правды » на земле (а эту « социальную правду » склоняются часто эти проповедники социального нео-христианства отождествить с царством насильственного урегулирования всей жизни человека, — с царством коммунистического деспотизма). Этот соблазн поклонения « Златому веку » здесь на земле, соблазн коллективного « Златого тельца », воспринимаемых притом в коммунистических тонах, захватил немало молодежи (между прочим, и молодых священников) в католичестве и в англиканстве и в протестантизме. В католичестве он вместе с тем соединяется с — часто вполне сознательным — *непослушанием* по отношению к Церкви, чем невольно подчеркивается чужеродность этих стремлений. В протестантизме и англиканстве такой вопрос о послушании Церкви в общем не ставится, можно под прикрытием некоторых христианских формулировок, оставаясь членами христианских обществ, очень определенно проповедывать анти-христианство.

А иногда христианство и анти-христианство в этих учениях смешиваются, но вдохновляющий импульс исходит во

*) Или еще такие слова : « Dieu n'existe pas à l'état pur. Avez-vous déjà vu des âmes? Je crois à la résurrection des corps, et c'est tout » — см. статью Jean de Fabrègues « Un Christianisme "horizontal" » в еженедельнике « La France Catholique (Hebdomadaire d'Information et de Culture chrétiennes) », Paris, 19 Avril 1968.

многих случаях от анти-христианской установки, отрицающей, как басни, как миф, *прорыв Божий в мир* и спасение мира через снисхождение все-превосходящей, творческой, недостижимой и недомыслимой (по выражению Василия Великого) и добровольно отдающей Себя нас ради Любви Божией. Конечно, такие воззрения несовместимы с католическим богословием, и потому эти тенденции гораздо более распространены в протестантском мире чем в католическом. Самый факт появления таких настроений среди лиц (в том числе и духовных), официально с католичеством не порвавших, находится в связи с огромными духовными сдвигами, оживлением и часто даже изменениями, происходящими в католической среде после Второго Ватиканского Собора.

Этот замечательный Собор был созван как раз для обновления жизни Церкви на незыблемой основе апостольской проповеди. Много было им сделано для оживления духа соборности, для пробуждения чувства ответственности верующих. Преодолен был в значительной мере дух внешне-формалистического, схоластического подхода к вопросам духовной жизни, мешающий ее развитию. Но вместе с тем после Собора стала колебаться кое-где церковная дисциплина и раскрылись неожиданно глубины хаотического брожения, существовавшего уже раньше, но теперь получившего большую свободу выражения. Положительные плоды деятельности Собора для жизни Католической Церкви и всего христианского мира следует расценивать очень высоко, но опасность от элементов разложения не устранена. С увеличением плодотворной динамики церковной жизни увеличилась и напряженность духовной борьбы внутри самой Католической Церкви. Изменения в католическом мире идут, таким образом, как в сторону оживления и углубления, так и в сторону ослабления веры и ее сознательной или бессознательной подмены в угоду тенденциям, ярко выступающим в современном мире.

3.

Кризис веры и мирозерцания вообще сейчас в мире огромный. И ставится невольно вопрос: неужели случилось то, что рисует Достоевский во сне Версилова в «Подростке»? Отлетела от людей идея Бога. Борьба кончилась, замолкли яростные крики, стало тихо и спокойно, но... покинула людей эта великая идея, и... люди поняли вдруг, что они осиротели. Но поняли ли это современные люди, те, которые проповедают «религию без Бога», «совсем земную религию» без того, что Свыше?

Перед нами процесс выветривания веры в современном мире. Важно отметить, как это произошло. Всегда было и будет существовать агрессивное неверие. Христианство с самого начала всегда было « для иудеев соблазн и для эллинов безумие » (1 Кор., 1, 23). В этом ничего нового нет. Отрицание Бога с точки зрения атеистического материализма или « научного рационализма » сильно распространилось уже с конца XVIII века, в течение XIX века и мы в XX веке встречаем только продолжение тех же течений. Конечно, успехи техники и научного исследования космоса достигли в XX веке такой высоты, что голова закружилась. Но разве это значит, что современное научное миросозерцание, теперь более чем когда либо, исключает религиозную веру, более, чем когда либо, противоречит религиозному миросозерцанию? Открылись такие глубины строения физического мира, захватывающие дух, там, где глубочайшие основы материального в глазах науки расплываются в энергию, что наивный « научный » материализм XIX века умер навсегда. Что там в глубинах? Что есть конечная основа или пред-основа мира, источник энергии, насыщающей мир? На это наука не может дать ответа. Но, как справедливо замечает Sir James Jeans в конце своей знаменитой книги « The new Background of Science », « мы можем сказать, что современная наука благоприятна идеалистическому миросозерцанию » *).

Артур Эддингтон, другой великий физик XX века, свою книгу « Природа физического мира » заканчивает главой : « Наука и мистика ». « Предпосылку для физических наук — пишет он — составляет некий задний фон, который находится по ту сторону наших физических изысканий. В этом заднем фоне мы должны обнаружить сначала собственную личность, а потом, может быть, и большую Личность. Идея Всемирного Мыслящего Духа, или Логоса, была бы, по-моему, вполне возможным выводом из современного состояния науки, по крайней мере, гармонировала бы с ним ». Мы видим из этих примеров (а их можно было бы умножить), что, в глазах первоклассных представителей и двигателей современной науки, атеизм отнюдь не есть необходимый вывод из достижений современной науки. Картина тайны, а отнюдь не безбожного, пустого мира предносится глазам и Эддингтона, и Джинса.

Вспоминаются слова великого Эйнштейна, что, если кто

*) Цитирую по изданию Sun Arbor Paperbacks, The Univ. of Michigan Press 1969, стр. 307 (первоначальное издание вышло в Кэмбридже : Cambridge Univ. Press).

хочет изучать физическое строение Космоса и не признает Божественной Мудрости, проникающей его, то он советует тому оставить свое изучение, ибо тот всё равно ничего не поймет. Эйнштейн придерживался, конечно, пантеистических воззрений, но признавал Божественное начало, проникающее бытие мира.

Из примера этих больших ученых явствует, что нет никакой необходимости быть «запуганным» развитием науки. И тем не менее такая запуганность есть. Но эта черта присуща самым различным эпохам. «Молчание этих бесконечных пространств меня пугает» — так характеризовал такие переживания еще Паскаль. Это — естественный страх и ужас человека перед кажущимся немymi и безбожными бесконечными пространствами вселенной. И нет на это другого ответа, кроме того, который всегда был и прежде: встреча с Богом. Основание, часто приводимое теперь людьми, запуганными продвижением вперед науки, — что современное научное мирозерцание несовместимо с верой в Бога в христианском (и вообще теистическом) смысле слова, таким образом отнюдь не ново и не убедительно и вызывало в свое время ответы у ряда глубочайших религиозных мыслителей прошлого (так у Паскаля и Достоевского). Но сомнение в традиционной вере в Бога — так говорит нам, напр., ряд «критически» настроенных богословов — вызвано в последнее время еще и специальными причинами — невероятными успехами техники, особенно в исследовании и «завоевании» космического пространства, а, с другой стороны, ужасными потрясениями, связанными с мировыми политическими событиями последнего десятилетия. «Аушвиц» — «немецкие нацистские лагеря смерти!» — так в один голос говорят проповедники нового «безрелигиозного» христианства, напр., американцы Thomas Altizer и William Hamilton.

«Завоевание» космического пространства (конечно, пока еще очень незначительное, находящееся лишь в начальной стадии, несмотря на блестящие успехи с Луной), это завоевание и стало очень подходящим поводом для горделивого провозглашения человеческой цивилизации без Бога и против Бога. «Мы были в космическом пространстве, но Бога не нашли» — так, например, с невероятной примитивностью провозглашала советская антирелигиозная пропаганда устами Юрия Гагарина и других своих космонавтов. Но с «завоеванием» Луны картина вдруг изменилась: человек потрясен — безграничным величием вселенной и единства действующих в ней законов. Борман читает из каюты космического корабля о создании мира из книги Бытия и из Евангелия от Иоанна:

« Вначале сотворил Бог небо и землю »... « Всё через Него начало быть и без Него ничего не начало быть, что начало быть ». Эти достижения — не только величайший вклад в науку, но и поучительным образом показывают внутреннее, основное соответствие законов, управляющих структурой космоса, с познавательными способностями человека. Ибо в основе всего, как чувствуют верующие ученые, — один Источник: *Божественный Разум*.

Третья, и главная, может быть, причина столь сильно пробудившихся ныне — даже в среде « передовых » богословов нашего времени — религиозных сомнений: ужасы страданий, торжествующей несправедливости палачей и муки убиваемых и истязаемых (не только в нацистских, но в еще гораздо большем масштабе — отчасти и *дотеперь* — в советских лагерях; на последнее, впрочем, американские и английские передовые богословы мало обращают внимания). Страдание есть вместе с тем вечная, испокон веков существующая и самая трудная проблема, всегда ставившаяся (ср. у Достоевского), но теперь вставшая перед нашим сознанием может быть с еще особой силой и яркостью. На нее нет теоретического адекватного ответа, кроме одного — мистического, он же исторический ответ: страдание Сына Божия, в котором дается ответ не в смысле объяснения, а в смысле *победы* — над страданием и смертью. Этим чувством и уверенностью в *победе*, уже совершившейся, в подвиге Закланного Агнца Божия, полна напр. книга Откровения Иоанна Богослова.

Вот — три главных корня, приводимых современными протестантскими и англиканскими богословами, проповедующими « благочестивый атеизм », « христианский атеизм », как они это свое мирозерцание называют. Все три источника их неверия (или, может быть, иногда и три *повода* к нему?), все эти факторы, побуждающие их создать и провозгласить современное благочестивое мирозерцание без Бога (или — другая формулировка: « безрелигиозное христианство ») уже давно — как мы видели — существуют в мире. Конечно, очень усилился фактор № 2 — головокружительные, совершенно невероятные успехи человеческой техники, которые у некоторых из этих современных писателей и мыслителей создают веру во всё растущее могущество человека. К чему тогда Бог? — « Мы не видим в Нем нужды ». Таков ход мыслей, напр., у Хамилтона и других столпов американского теоретического направления, назвавшего себя « Death of God theology » — « Богословием смерти Бога » (не смерти Сына Божия — добровольной и искупительной на кресте, а иной совсем « смерти

Бога», будто бы уничтожающей Бога «за Его ненужность» *).

С точки зрения религиозной это, конечно, глубоко кощунственно, но иногда, кроме того, и ребячески наивно, соединено с каким-то дешевым, несерьезным мальчишеским оптимизмом. Хамильтон дает нам обзор важнейших фаз в истории веры; последняя фаза — обнаружение полной ненужности Бога, ибо человек и так превосходно сам справляется со своими нуждами (ибо ответом на страдания и несправедливости в мире оказывается неудержимое и быстрое шествие по пути социального прогресса), — так вот эта религиозная фаза в победе над злом и страданием и в обнаружившейся поэтому полной уже ненужности Бога нашла себе выражение (надолго ли?) в знаменитой речи президента Джонсона в Конгрессе в январе 1965 года (после блестящей победы на выборах), развивающей план «Великого Общества» (The Great Society), т. е. человечества, преодолевшего путем реформ социальных и моральных трудностей сегодняшнего дня. Эти мысли высказывает профессор Хамильтон в своей статье «The New Optimism» 1966 года **). Думаю, что теперь он с радостью эту свою статью уничтожил бы, ибо как раз во время президентства Джонсона по Америке прокатилась волна невероятных насилий, погромов, грабежей, зверских убийств и насильственного истребления политических деятелей, неугодных убийцам и их группам. Горделивая Вавилонская башня профессора Хамильтона обернулась позорнейшим провалом в истории Америки, ибо преступления остаются

*) Хамильтон так определяет, что значит в нынешнее время быть протестантом. Протестант — говорит он в своей статье «Death of God Theologians to-day» — «не имеет ни Бога, ни веры в Бога, и он утверждает как смерть Бога, так и смерть любого рода теизма» (сборник статей «Radical Theology and the Death of God» by Thomas Altizer and William Hamilton, Indianapolis, 1966, p. 37). Поражаешься крайности и определенности этого неверия, не боящегося самых резких и сильных выражений, чтобы провозглашать свой лозунг, что нет Бога; и, вместе с тем, эти проповедники хотят продолжать называть себя христианами: «It is reality, that we do not know, do not adore, do not possess, do not believe in God. It is not just that a capacity has dried up with us. We do not take all this as merely a statement about our frail psyches; we take it as a statement about the nature of the world and we try to convince others that God is dead. We are not talking about the absence of the experience, but about the experience of the absence of God. Let the Death-of-God theologians claim to be Christians» (W. Hamilton, l. c., pp. 27-28). Веру в Бога они абсолютно — как они говорят — потеряли, и торжествующе-агрессивно и радостно заявляют об этом. Хамильтон, более того, утверждает, что «богослов в Америке в нынешнее время есть человек без веры».

***) В цитированном уже сборнике статей «Radical Theology and the Death of God», 1966, стр. 157; ср. Charles Bent, l. c., стр. 88.

ся почти совершенно безнаказанными и власть запугана преступлениями (как некоторые богословы запуганы техникой). Слова профессора Хамильтона теперь звучат почти комически, несмотря на весь страшный контекст, в который они попали. Их дешевый оптимизм провалился. Это не есть доказательство «от противного» в пользу бытия Божия (*доказательство* — другое и только одно: когда Бог открывает Себя сердцу и покоряет нас), но это есть провал или начало провала того ребяческого и неумного оптимизма, с которым некоторые современные богословы (весьма, может быть, добродушные, но и весьма поверхностные, иногда и не стесняющиеся бросать насмешками в веру и святыню других) *) подошли к великим и трудным проблемам нашего времени, впрочем, — в той или иной степени — всех времен: нужен ли Бог? в «наше, столь прогрессивное» время? Самовластен ли человек и в себе *ли самом*, без всякой помощи извне, найдет он спасение? И третье — самое страшное — смысл и ужас страдания и как победить страдание? И здесь безмерный самодовольный оптимизм этих мыслителей сменяется отчаянием перед необъяснимым (они сами его не объясняют) и перед Бездной, в которую они стремятся низвергнуть идею Бога.

Во всем этом, конечно, много искреннего (это видно, напр., из отдельных частей эмоциональной книги епископа Робинсона, полной невероятных внутренних противоречий, неясности, спутанности и волнения). Эти люди, или некоторые и, вероятно, многие из них, — искренни и серьезны и полны желания помочь ближнему освобождая его несколько примитивным и скороспелым образом от его святыни, но есть среди них, вероятно, и рекламисты, любящие громко кричать и декламировать, любящие сенсацию. Но их внутренний мир от нас сокрыт — откажемся от всяких догадок. Одно ясно: это люди не только слабой веры, но некоторые из них, — вероятно, не отдавая себе отчета, — впали в идолопоклонство. Вера у них есть, но не в Бога Живого, а в Современность и Современного Человека, в мнимый наступающий уже теперь Золотой Век (который есть вариант Золотого Тельца, но справедливо разделенного между всеми претендентами). Это очень наивный «атеизм» (они же называют себя «атеистическими» или «безбожными» христианами, ибо отвергают Трансцендентного Бога). Они совсем не атеисты, может быть, а скорее язычники,

*) Срв. вступительные главы, наделавшие много шума, искренней, но довольно незрелой книги англиканского епископа Робинсона. (A. T. Robinson «Honest to God», 1963).

поклоняющиеся Процессу Эволюции, Миру в его становлении (тогда они пантеисты), но часто главная эмоция, главное ударение кладется на становление человеческого общества. Тогда (как у некоторых из этих авторов, напр., у цитированного выше о. Кардоннеля) это — обожествление коллектива, религия Социального Прогресса, утопическая религия коммунизма. Встает перед глазами не Богочеловек (лишенный в этих теориях подлинной Божественности), а всё снова и снова страшный призрак Человекобога (о котором с ужасом говорили и Достоевский, и Владимир Соловьев), веяние *иного*, страшного духа. В общем же в этих богословско-философских построениях поражает *убожество мысли*, при силе пафоса, но тем более, может быть, сильно действует соблазн.

С этими аберрациями сбившегося с толку и *потерявшего силу веры* модного богословия борются честно, мужественно и не столько криками возмущения, сколько внимательным и добросовестным разбором и определенностью суждения многие верующие представители католической, англиканской, протестантской мысли. И здесь как раз Православная Церковь может оказать великую помощь, так как она сама проходит через неослабную борьбу за свою веру в Советском Союзе.

4.

Ибо *есть* ответ на все эти, часто очень серьезные, болезненные и искренно и глубоко пережитые сомнения, тревоги, недоумения, колебания веры. Этот ответ не наш, не наши знания, убеждения, опыт, переживания и т. д. Этот ответ только один: это — *Он Сам*. Он сам — единственный достаточно удовлетворяющий и успокаивающий душу ответ на все эти сомнения. Большая ошибка этих старающихся применить к современности (старающихся часто из истинного человеколюбия) богословов: сомнения, невозможность верить не теперь возникли — они всегда были. Христианское благовестие, проповедь о Кресте с самого своего начала была, по словам апостола Павла, соблазном для одних, безумием для других, и в то же время открывалась верующим, как «*Божья сила и Божья премудрость*». Не в изменившихся взглядах на физическое строение мира, на космологию дело. Христианское благовестие *всегда* было так же неприемлемым, соблазн был в проповеди о бесконечном, Себя отдающем снисхождении Божиим. Соблазн и безумие слышались в провозглашении *иной* действительности, не разделенной непроницаемо от окружающей нас космической данности, но в которой эта космическая данность покоится и из которой она живет и в которой она исчезает.

Ибо « в Нем мы живем и движемся и существуем ». И раскрывается эта Высшая Действительность в непонятном, необъяснимом, невероятном и вместе с тем живительном и истинном *снисхождении* и смирении Бога, в Его снисхождении и победе любви. Это было не менее невероятно (но с другой точки зрения) во времена апостола Павла и апостола Иоанна, чем теперь.

Нет другого доказательства этой Вечной Жизни, как сама эта Вечная Жизнь. Нет другой проповеди, сообщения о Ней, как свидетельство о Ней, как свидетельство тех, кто захвачены ею. И эти свидетельства изобилуют. И их особенно много было и есть в гонимой и подавленной, а часто и изменнически предаваемой Русской страждущей Церкви. И проповедь ее звучит *победой*, она живет из созерцания победы Господа, прорыва Воплощенного Сына Божия в нашу действительность и нашу жизнь. Здесь гонимая Православная Церковь живет из своих истоков, из глубочайших основ своей веры, своего религиозного опыта. Но это есть вместе с тем общий фон, общая основа всего христианства.

Возгревание этого духа, который живет и в Католицизме и в верующих частях Протестантизма (верующих в иоанновском смысле: « Имеющий Сына Божия, имеет жизнь »), возгревание этого духа, которым и она живет, есть та великая поддержка, которую верная своему свидетельству и своему исповедничеству Православная Церковь может принести своим братьям — христианам Запада.

Николай Арсеньев

Ренненкампф

Старая это уже история и история прискорбная. Много о ней было сказано и написано. Мало было в русской армии вождей, которых одновременно бы так хулили и так возносили, как генерала Ренненкампфа. Для одних он самый способный из русских генералов 1914 г., победитель германцев и спаситель Парижа, для других он бездарен, чуть чуть не предатель.

В последнее время, в западной Европе появилось много трудов посвященных первой мировой войне. Авторы обещают нам сказать « всю правду », но обещания своего не сдерживают. Что касается России, то повторяется старая ложь, среди которой « предательство » Ренненкампфа занимает далеко не последнее место.

Обыкновенно русские читатели горячо реагируют на эти писания, обвиняют авторов в черной неблагодарности, систематической клевете и тд. и тд. Не забывают ли они, что во всех небылицах, распространяемых по сей день, вина прежде всего тех русских, которые в свое время эти небылицы создавали, распространяли и передавали своим союзникам?

Достаточно прочесть воспоминания французского посла Палеолога, об откровениях, которые ему делались представителями высшего русского общества. А чего стоят письма великого князя Николая Михайловича, к одному известному историку... всего не перечесать.

Хотя генерал Головин в свое время и разобрал подробно все обвинения, которые были брошены Ренненкампфу и в существенном, казалось бы, окончательно его обелил, но надо думать, что труды его остались неизвестными. Травля генерала Ренненкампфа продолжается.

Может быть, не лишено интереса попытаться, елико возможно, поставить точки над « и » и разобрать беспристрастно, хотя и вкратце, это дело.

Первый упрек который бросают генералу, это его немецкая фамилия. Действительно, он носил немецкую фамилию, как носят и носили такие фамилии и чистокровные французы и англичане. Рыцарь король Бельгии Альберт I тоже носил немецкую фамилию, а ближайший советник нынешнего президента Соединенных Штатов Америки, Киссингер, покинул Гер-

манию только в 1933 г. и до сих пор говорит с немецким акцентом.

Ренненкампфы служили России с XVI века. Со времен Петра их фамилия не сходит со списков Русской Армии. На серебряных трубах Кексгольмского полка, пожалованных Императрицей Елисаветой, была вырезана надпись : « 1760 г. 28 сентября, в знак взятия Берлина, под предводительством Его Превосходительства генерал-поручика и кавалера Петра Ивановича Панина, в бытность полковника Ренненкампфа ».

За 150 лет до 1914 года, русский полковник Ренненкампф дрался с пруссаками и брал Берлин. Только недобросовестные люди могли ставить в упрек генералу его немецкую фамилию.

Генерал родился в 1854 г. и в 1870-м был выпущен корнетом в Литовский уланский полк. Через 9 лет он выдержал экзамен в Николаевскую академию генерального штаба (147 принятых из начального числа 1.500 кандидатов). На штабных должностях он выказал себя выдающимся офицером, посвящая свои досуги пополнению своего образования. Он много писал в военных журналах, неизменно ратуя за возвращение погрязшей в рутине армии к здоровым Суворовским началам.

В 1895 г. он получил в командование Ахтырский полк, которым прокомандовал целых четыре года. Отметим, что до этого в Ахтырском полку служил также и будущий генерал Самсонов.

Под командой Ренненкампфа Ахтырцы стали одним из лучших полков русской конницы. Интересен отзыв о его командире знаменитого генерала Драгомирова : « Ну, этого затереть не смогут. Из него выйдет большой полководец. Люди, подобные ему, оцениваются только во время войны ».

Генерал с молодости отличался кипучей энергией, сильным, независимым характером и большой требовательностью по службе. Резкий, настойчивый, не скупившийся на едкие отзывы, он нажил себе не мало врагов. Не так среди своих подчиненных, многие из которых его не только любили, но временами и прямо боготворили, а среди начальников и соседей.

Война с Китаем застала его на Дальнем Востоке. Крупные силы китайцев угрожали Благовещенску. Генерал Гродеков назначает его начальником отдельного отряда, с которым он в июле 1900 г. выступает в поход. Ренненкампф бросается на китайские части собранные у Айгуна, рассеивает их и, без отдыха, устремляется на Цицикар. С налета берет он город и последовательно атакует большие скопища у Гирина и у Телина. В этих боях он на-голову бьет три китайских армии, в десять раз превосходящие его отряд и берет огромную военную добычу. Восхищенный генерал Гродеков передает ему свой

Георгиевский крест, полученный им от генерала Скобелева. Это было признано не достаточным и он награждается орденом св. Георгия 3-й степени. Таким образом, с первого своего появления на полях сражений Ренненкампф входит в историю как смелый, предприимчивый и счастливый начальник.

Блестяще откомандовав кавалерийской бригадой в Борове, в 1904 г. он вновь на войне, на этот раз против Японии, во главе 2-й Забайкальской казачьей дивизии. В его умелых руках, дивизия совершает чудеса храбрости. Слава генерала растет. Его легендарная храбрость и энергичное командование влекут к нему лучших офицеров конницы.

Дравшийся под его начальством Врангель пишет о нем восторженные письма (см. нашу статью в № 75 «Военной Были»).

В одном из боев он тяжело ранен. Не совсем оправившись от ран, он возвращается в строй и во главе VII-го сибирского корпуса принимает блистательное участие в несчастном Мукденском сражении. Японские маршалы Ояма и Кавамура отзываются о нем с почтением. Войну он оканчивает как всеми признанный лучший генерал Русской армии. Не обрела ли армия в нем наконец того боевого вождя, которого она уже давно ждет?

Наступает революция 1905 г. И тут генерал, на фоне общей нерешительности и растерянности, проявляет непреклонную волю и неустанную энергию. В короткий срок он умиряет и приводит в порядок обширные области. Естественно, он становится врагом всей «революционной общественности». Впоследствии, затаившие злобу т. н. либеральные круги постараются избавиться от опасного для них генерала.

С 1907 по 1913 г. Ренненкампф командует III-м армейским корпусом, который, благодаря энергичной и рациональной подготовке к войне, быстро становится образцовым. Служивший под его начальством генерал фон Дрейер пишет: «Во всю мою жизнь я не встречал лучшего учителя и воспитателя офицеров и солдат», а Юрий Галич вспоминает:

«Он начал с чистки командного состава, поощряя продвижение талантливой молодежи, устраивая постоянно маневры, мобилизации, кавалерийские состязания, пробеги, боевую стрельбу, не взирая на время года, на состояние погоды. Гордый, тревожный, беспокойный был человек. Генералы его ненавидели и боялись. Молодежь и солдаты любили за личность, за смелость, за простоту обращения. Ренненкампф имел массу врагов. Либеральные круги его не переносили, считая надежным стражем режима. Сверстники завидовали успехам и легким китайским лаврам. Высшее начальство не любило за

самостоятельность, резкость, строптивость, широкую популярность в войсках ».

В 1913 г. он назначен командующим войсками Виленского Военного Округа, а Государь дарует ему звание своего генерал-адъютанта.

Его душевное состояние хорошо вырисовывается из предисловия к его труду о Мукденской операции, появившемуся во Франции в 1910 г. :

« В дни сомнений и горьких мыслей, среди неприятностей и пакостей повседневной жизни, мои помыслы обращаются к русскому солдату в его скромной серой шинели и к простому армейскому офицеру, тем, которых я видел в боях под Матспаданом. Я видел как храбро они сражались и как безропотно они умирали. С чувством глубокой любви к этим людям, ко мне возвращается надежда и вера, что если для нашей армии возвратятся времена боевых испытаний, гордо воспрянут наши знамена, двуглавый орел широко распушит свои могучие крыла и мы все, с радостью и уверенностью, полетим в бой за Бога и Царя. Мечтая об этой минуте, я страстно желаю дожить и сохранить мои силы до этого дня, дабы принять участие в воскрешении нашей умершей боевой славы ».

В наши намерения совершенно не входит желание представить генерала каким-то сусальным героем, без всякого изъяна. Он был человеком и как таковой не был лишен недостатков. На крупных людей не следует смотреть в увеличительное стекло, так как тогда и на святых найдутся пятна. Наша цель только попытаться сказать о службе генерала существенное, выявив, поскольку это возможно, правду.

Не уверяют ли современники, что Кутузов возил с собой в походах девчонку переодетую казачком и мы знаем что великому Суворову поставляли разных « басурманских роз ». Любят « альковные историки » и перечислять любовников матушки Екатерины... но разве всё это имеет какое нибудь значение в главном, разве умаляет это в какой либо мере наше преклонение перед памятью этих великих служителей государства?

День так страстно ожидавшийся Ренненкампом настал 1-го августа 1914 г. Германия объявила войну России и генерал был назначен командующим 1-й армией, в которую вошли обученные им войска Виленского Военного Округа.

Для генерала Ренненкампа начиналась его драма в трех актах : 1) Наступление в Восточную Пруссию, 2) Отход из Восточной Пруссии, 3) Лодзинская операция и, как заключительный аккорд, после трехлетней душевной пытки, его мученическая смерть в Таганроге.

Наступление в Восточную Пруссию.

1-я армия должна была вступить в Восточную Пруссию на 15-й день мобилизации, тогда как оканчивала она ее только на 36-й. Можно задать себе вопрос почему, приняв на себя перед Францией обязательство атаковать немцев на 15-й день, не были приняты заблаговременно меры, чтобы закончить мобилизацию до этого срока. Это выходило из компетенции генерала. Мобилизация была делом всероссийским. Ему предписывалось атаковать « с чем Бог послал ».

Армия его входила в состав Северо-Западного фронта. Директивы он получал от своего прямого начальника, генерала Жилинского, послушаться которого он не мог, не погрешив против элементарного закона безусловного подчинения в бою.

Ему точно было предписано направление его удара и указаны рубежи, которые он должен был занять. Для заполнения фронта в 70 верст, он располагал недостаточными силами, всего 6 1/2 неполных пехотных дивизий. Это заставило его распылить свои войска, проклятым еще Суворовым, « кордоном », без резервов, что лишало его возможности маневрировать, т. е. лично влиять на события.

Перед ним был враг закончивший мобилизацию, обладавший возможностью широко пользоваться сильно развитой ж. д. сетью, опиравшийся на фанатизм местного населения и располагавший превосходством в силах. Правда, на всем фронте Восточной Пруссии, в живой силе, русские имели превосходство, но на участке Ренненкампфа немцы были сильнее его, а это и было для него главным.

Положение Ренненкампфа было не легким. Его армии было предназначено первой из всех русских армий сразиться с врагом. Исход первого сражения ставил на карту и личную его репутацию и репутацию русской армии в глазах всего мира.

Сражению под Гумбиненом предшествовал чрезвычайно тяжелый подход к нему. Шесть дней форсированных переходов войск, сильно разбавленных запасными, не втянутыми еще в лямку походной жизни, при перебое неналаженного еще снабжения.

Становилось необходимым дать измученным войскам день отдыха. Вместо него 1-й армии пришлось выдержать упорное, кровопролитное сражение под Гумбиненом, в котором дело шло о чести встретившихся в большом сражении, впервые после Семилетней войны, противников.

Немцы яростно атаковали, в числе 8 1/2 дивизий, 6 1/2 дивизий русских, причем в артиллерии враг был значительно сильнее, особенно в тяжелой.

Виртуозный огонь русской артиллерии, меткий огонь пехоты и отличное ее умение применяться к местности сделали свое дело, это был результат подготовки войск Виленского Военного Округа, которым они были обязаны генералу Ренненкампфу.

По вине конницы (не ее доблестных полков, а ее начальников) неприятель сокрушающими силами навалился на правый фланг Ренненкампфа, нанес ему тяжелые потери, но всё-таки был остановлен.

Отбит был враг и на левом фланге, центр же 1-й армии, старый Ренненкампфовский III-й корпус, разгромил центр германцев и обратил его в бегство.

Результат сражения всё-таки висел на волоске. Немцы могли атаковать на следующий день и окружение ген. Притвица советовало возобновить сражение, в то время когда штаб Ренненкампфа, учитывая потери, убеждал его в необходимости прервать бой и отойти до прибытия подкреплений.

В конце концов исход боя был решен «единоборством» генералов. Русский бесповоротно решил держаться, а немец, удрученный бегством XVII-го корпуса и обеспокоенный появлением новой угрозы со стороны ген. Самсонова, признал себя побежденным и приказал отходить.

Россия получила первую победу. Франции была дана возможность выиграть сражение на Марне, ибо германская ставка, под впечатлением поражения под Гумбиненом, ослабила свой западный фронт на три корпуса, два из коих были спешно переброшены против русских, накануне решительной битвы на Марне.

Это было результатом воли и выдержки генерала Ренненкампфа и героизма и выучки воспитанных и обученных им войск.

Едва ли найдется кто-нибудь, кто сможет предъявить какие-нибудь серьезные обвинения генералу в его деятельности до окончания Гумбиненского сражения. Разногласия в ее оценке придут позже.

Затем, в ходе операций в Восточной Пруссии, неожиданно наступает второй эпизод, разгром 2-й армии немцами, в котором многие обвиняют генерала Ренненкампфа. Одни, в желании найти козла отпущения и сложить вину с большой головы на здоровую, другие, ища случай придраться и убрать нежелательного им вождя из рядов русской армии и наконец третьи, которые в факте поражения хотят найти «предателя».

Сменивший Притвица Гинденбург произвел смелый маневр. Он оторвался от Ренненкампфа, прикрывшись заслоном и быстро собрал всю 8-ю армию в кулак против Самсонова. На-

помним, что немцы для своих перегруппировок широко пользовались ж. д., а русские всё проделывали «на своих двоих». Искусно воспользовавшись тем, что между 1-й и 2-й армиями образовался широкий разрыв, они проникли в него и окружили и уничтожили два русских корпуса. Во время этой операции, левое крыло германцев, отогнавшее правофланговый корпус Самсонова, 6-й, и затем охватившее его центральные корпуса, подставило свои тылы армии Ренненкампа. Как утверждали потом немцы, стоило бы Ренненкампу нажать на них в юго-западном направлении и два немецких корпуса были бы раздавлены и Танненберг вышел бы «наоборот».

И это правда, но действительное положение было Ренненкампу неизвестно. Для изменения направления своего движения у него не было никаких причин. Жилинский же определенно толкал его на запад.

Этим обстоятельством и воспользовались все бесчисленные недоброжелатели генерала, чтобы наперебой его очернить. Родилась легенда «бездействия» и еще более фантастические его объяснения. «Общественное же мнение» искало просто «изменника». Немецкая фамилия генерала давала, казалось бы, логичное объяснение.

Вот что пишет находившийся в Ставке адмирал Бубнов :

«Бездействие генерала Ренненкампа общественное мнение назвало преступным и усмотрело в нем даже признаки измены, ибо, главным образом, благодаря этому бездействию, немцам удалось нанести столь тяжелое поражение армии Самсонова. Доля вины падавшая на ген. Жилинского не освобождала однако ген. Ренненкампа от ответственности за непроявление инициативы, пассивность, неумение оценить обстановку и недостаточное стремление к установлению оперативной связи с Самсоновым».

В чем же заключалось это «бездействие»?

Некоторые писатели утверждают, что Ренненкампа оставался на поле сражения, в полном бездействии, три дня, а есть и западные историки, уверяющие нас, что он вообще больше не двигался, ожидая, повидимому, гибели Самсонова, его якобы личного врага.

В действительности остановка 1-й армии длилась по одним данным 36 часов, а по другим 48.

Части сильно перемешались, снаряды и патроны были на исходе, правый фланг был сильно загнут назад. Немцы оказались тяжелым и предприимчивым противником, от которого можно было ожидать всяких сюрпризов, а у Ренненкампа не было резервов. Обстановка требовала осмотрительности.

Всё утро 8-го, левый фланг находился в тесном контакте

с противником, правый же медленно выходил, преодолевая сопротивление немецких отрядов, на потерянную во вчерашнем бою линию. По существу дела, и день 8-го был боевым. Как мы уже упоминали, войска были утомлены форсированным маршем. К этому прибавилось сильное нервное напряжение боя. Необходимо было дать людям отдышаться.

Главные силы немцев стали выходить из боя в ночь на 8-ое, умело прикрыв свой отход сильными заслонами. Обыкновенно говорится, что против Ренненкампа они оставили только жидкую завесу. Это не совсем так. Против 1-й армии оставлена была вся конница (14 полков) поддержанная егерскими батальонами и арьергардами с артиллерией. Вполне достаточно, чтобы ввести русских в заблуждение.

Только вечером конница Гурко обнаружила отход германцев.

Дальнейшая задача была поставлена точно : преследовать на Вислу разбитого врага и двумя корпусами обложить Кенигсберг. В то время, когда, Жилинский оттягивал Самсонова налево, дабы добиться более глубокого обхода, внимание Ренненкампа обращалось на правый его фланг, к которому приковывался весь конный корпус хана Нахичеванского. В результате между двумя армиями образовался большой разрыв.

Отдых данный Ренненкампом своим войскам был кратковременным. Уже 9-го, после полудня, 1-я армия вновь перешла в наступление, в том направлении, которое ей было указано, т. е. на запад.

Впрочем, в определении дня перехода в наступление есть маленькое разногласие между ген. Головиным и приказом № 3 от 9/22 авг. генерала Ренненкампа. Первый пишет, что наступление началось уже 9-го пополудни, а приказ назначает выступление на 10-е утром.

Наступление ведется энергично. 13/26 августа армия достигает линии Дамерау-Гердауэн, т. е. в 5 дней проделав около 90 верст, что составляет около 18-20 верст в день. Генерал постоянно торопит. Вот что извлекаем мы из приказа № 4 по 1-й армии, отданного 13 августа :

« С Богом вперед, дорогие соратники, помните, что мы русские, что победа в ногах... »

Мы далеки от бездействия.

Ренненкампу ставят в упрек, что он не разгадал направления отступления противника. Дело в том, что первые дни немцы действительно отходили на запад и Ренненкампф шел по их следам. Поспешность мобилизации лишила пехотные дивизии своей конной разведки. Конный корпус был прикован к северу, а дивизия ген. Гурко шла на левом, висевшем в воз-

духе фланге. Приходилось вести разведку пехотой, а пехоте было не под силу угнаться за катившими на поездах немцами.

О Самсонове Ренненкампф знал мало. В известных нам телеграммах Жилинского Ренненкампфу, о Самсонове ни слова.

Почему-то и Жилинский, и Ставка были уверены, что немцы бегут на Вислу и что операции в Восточной Пруссии окончены. Отдаются даже предварительные распоряжения о передаче некоторых корпусов 1-й и 2-й армии в 9-ю, сосредоточенную в Варшаве для наступления на Берлин.

Но, видно, Ренненкампфа начинает беспокоить отсутствие сведений о противнике. 12-го он телеграфирует Жилинскому : « Новых сведений о противнике не получил... ». 13-го, утром : « Донесений о том куда отошли разбитые части еще не поступало... ». 13-го, вечером : « Конница до сих пор не обнаружила направления отступающих главных сил неприятеля... ».

Наконец 14-го, он получает от хана Нахичеванского, увы не соответствующее действительности, подтверждение отхода немцев на Кенигсберг. Вот что он сообщает Жилинскому : « Донесением разъездов хана Нахичеванского, 1-й корпус противника отошел в Кенигсберг, 17-й юго-западнее от Фридланда... Настигнуть отходящие части быстротой отступления противника не удастся ».

Итак, особенно беспокоиться, кажется, нечего, но отсутствие данных о Самсонове ему неприятно. Уже 12-го, он предписывает Гурко : « Войдите связь 2-й армией, правый фланг которой 12 ожидается Зенсбурге ».

Во всей массе опубликованных советским генеральным штабом документов относящихся к этим критическим дням, это единственное упоминание о связи с ген. Самсоновым и исходит оно от Ренненкампфа.

Только в ночь на 15/28 августа действительное положение дел сразу открывается. Корпуса 1-й армии круто поворачивают на юго-запад, но уже поздно.

По приказанию Государя особая Правительственная комиссия произвела тщательное расследование причин катастрофы постигшей 2-ю армию. В ее выводах нет ни одного слова упрека по адресу ген. Ренненкампфа.

Тщательно исследовавший в эмиграции эту операцию, известный военный историк профессор генерал Головин пишет :

« В действиях 1-й армии нельзя найти причин неудачи постигшей нашу 1-ю операцию в Восточной Пруссии. И войска, и сам командующий армией, с полным напряжением сил исполняли всё, что от них требовал Главнокомандующий Северо-Западным фронтом ».

Отступление из Восточной Пруссии.

После поражения 2-й армии, ген. Ренненкампф остается один лицом к лицу со всей победоносной 8-й германской армией, усиленной прибывшими из Франции двумя корпусами.

Расправившись с Самсоновым, Гинденбург принимает решение уничтожить и 1-ю армию. На правом фланге немцев создается мощный кулак. Он должен разгромить левое крыло Ренненкампфа и решительно наступая на северо-восток отрезать 1-й армии пути отступления.

Ренненкампф также получил подкрепления, — несколько второочередных дивизий. К югу от него начинает собираться новая 10-я армия. Накануне сражения у Мазурских озер, соотношение сил представляется так :

русские : 14 1/2 пех. дивизий с 99 батареями
немцы : 17 1/2 пех. дивизий с 174 батареями.

Налицо опять превосходство в силах немцев, особенно ошутительное в артиллерии.

Однако, умелое командование ген. Ренненкампфа сведет чемецкий план на нет. Правда, 1-я армия будет принуждена покинуть Восточную Пруссию, понеся при том большие потери, но дать себя уничтожить она не позволит.

7 сентября, на всем фронте завязывается сражение. Немцы упорно атакуют и левое крыло Ренненкампфа начинает гнуться под мощными ударами врага. Но Ренненкампф разгадал намерения врага. Стоявший на правом фланге 20-й корпус был заблаговременно сменен двумя второочередными дивизиями и выведен в резерв. Ренненкампф бросает его на маневренную группу германцев. Путем совокупных усилий русских корпусов, враг задержан и угроза охвата ликвидирована. 1-я армия благополучно отходит в пределы России. Вот что пишет о провале своего плана Гинденбург : « Удар, который был задуман германским командованием и который должен был привести к уничтожению русской армии, не удался... только энергичное преследование могло еще вредить врагу ».

И Гинденбург и Гофман отдают должное искусству, с которым генерал Ренненкампф провел это отступление.

Но если 1-я армия и сохранила свою боеспособность, что она не замедлит вскоре доказать на деле, то она понесла тяжелые потери. Около 100.000 людей и до 150 орудий. Враги Ренненкампфа вновь поднимают шум. На генерала вновь сыпятся обвинения. Жилинский даже отдает приказ о его смещении.

В. Кн. Николай Николаевич посылает для расследования

ген. Янушкевича. Правда ли, что Ренненкампф « совсем потерял голову »? Вот что он доносит Государю 1/14 сентября : « Мой начальник штаба вернулся от генерала Ренненкампфа. Вынес впечатление, что он остался тем же, как был... совокупность всех обстоятельств вынуждает меня оставить Ренненкампфа только на своем посту, а генерала Жилинского сменить Рузским ».

А вот и телеграмма, которую Великий Князь послал Ренненкампфу :

« От всего сердца благодарю вас за радостную весть. Поблагодарите доблестную армию за труды ею понесенные. С вашей энергией и Божией помощью я спокоен за будущее ».

Свалить Ренненкампфа, только что спасшего свою армию, было трудно. Но оказия не замедлила представиться.

Лодзинская операция.

В ноябре 1914 г. Гинденбург предпринимает Лодзинскую операцию. Цель ее предупредить вторжение русских в Силезию. Доведенная до состава 8-и корпусов, 9-я армия ген. Макензена должна прорвать русский фронт на стыке 1-й и 2-й армий и, круто повернув на юг, охватить и уничтожить русские 2-ю и 5-ю армии.

9 ноября Макензен обрушивается на 5-й Сибирский корпус армии ген. Ренненкампфа и после жестокого боя отбрасывает его. Стойкость этого корпуса отмечается германской официальной историей войны :

« Успех атаки против 5-го Сибирского корпуса не совсем соответствовал нашим ожиданиям. Несмотря на подавляющее превосходство в силах, 45 батальонов, 61 эскадрон и 260 орудий с немецкой стороны против 25 батальонов, 30 эскадронов и 102 орудий у русских, победа была скромной ».

Окружить корпус не удалось, но в русском фронте была пробита брешь. 14-го, развивая успех, немцы преодолевают отчаянное сопротивление 2-го корпуса (2-й армии) у Кутно. 16-го в расширенную брешь бросается, в направлении на Лодзь, отряд ген. Шефера, в числе 4-х дивизий. Положение кажется катастрофичным. Проникшие в русские тылы немцы грозят окружить 2-ю и 5-ю армии. Но русское командование принимает меры. 5-я и 2-я армии, объединенные генералом Плеве, частично поворачивают фронт назад и контратакуют немцев, в то время когда более на север Ренненкампф удерживает свои позиции. Из состава 1-й армии выделен особый « Ловичский отряд », который наступает в тыл Шеферу и занятием Брезин отрезает ему пути отступления. Положение

круто оборачивается в пользу русских. Налицо крупный успех, в котором, кажется, Ренненкампф играет не последнюю роль.

Русскому командованию мерещится реванш за Самсонова. Уже подготавливаются составы для вывоза в плен, почему-то, двух немецких корпусов. Но в ночь на 24 ноября, пользуясь оплошностью местных русских начальников, Шефер пробивается и выходит из окружения.

Выводит он из операции только ничтожные остатки своего отряда. Из 48.000 его войск, он спасает только 6.000. 16.000 взяты в плен, остальные погибли. По существу дела, отряд Шефера был уничтожен. Лодзь несомненно русская победа.

Но прорыв 6.000 немцев ставится генералом Рузским в вину генералу Ренненкампфу, который, без каких либо объяснений, отрешается от командования и даже лишается генерал-адъютантского звания.

Недоброжелатели генерала ликуют. Адмирал Бубнов пишет :

« Не прояви ген. Ренненкампф, которому было поручено с его войсками закрыть северный выход из окружения, полнейшей неспособности и бестолковости, немцы, в результате этой блестяще задуманной и твердой волей Великого Князя проведенной операции, потерпели бы катастрофическое поражение с пленением нескольких корпусов. Благодаря же бездарности ген. Ренненкампфа, который за это, наконец, был уволен со службы, окруженные немецкие корпуса, хотя и с большими потерями, но всё же вырвались из окружения ».

Вот как иногда пишется история.

Лучшее исследование Лодзинской операции вышло из пера советского военного историка Королькова, в 1934 г. В нем подробно, на основании подлинных исторических документов, день за днем, описываются и разбираются операции противников. Труд этот лишен специфической предвзятости свойственной многим советским авторам той эпохи.

На фоне сложной и запутанной операции, при отсутствии связи между начальниками и, главное, четкой воли у командования, перед нами проходят все русские генералы.

Ренненкампф проявляет свойственную ему кипучую энергию и стремление вперед. Правда, меры, принятые им, иногда не соответствуют действительной обстановке или сводятся на нет ошибками подчиненных, но он вкладывает всю свою волю к достижению победы.

Если судить по фактам, которые приводит Корольков, Рузский представляется в невыгодном освещении. Он слишком поздно уясняет себе действительную обстановку, часто отдает противоречивые приказания и в командовании его чувствуется

известная вялость. Между двумя генералами возникают постоянно разногласия.

Отнюдь не обеляя Ренненкампфа, которому он ставит в упрек не пассивность, как это делают многие, а скороспелость и даже опрометчивость, Корольков утверждает, что главным виновником в прорыве Шефера был ген. Рузский.

Из опубликованной «Красным Архивом» переписки между Сухомлиновым и Янушкевичем, мы узнаем, что министр всё время убеждает Янушкевича в необходимости отстранить Ренненкампфа.

И вот, в результате совокупных мнений Янушкевича и Рузского и появляется доклад Великого Князя Государю :

«Определенно выяснившееся отсутствие управления 1-й армией, тяжело отразившееся на общем течении Лодзинской операции, вынуждает заменить ген. Ренненкампфа генералом Литвиновым, избранным генералом Рузским».

Герой Китайской и Японской войн, победитель под Гумбиненом, спасший свою армию в Восточной Пруссии, талантливый русский генерал, был выгнан из армии за прорыв каких-то 6.000 немцев.

Тщетно просил ген. Ренненкампф указать ему причины его увольнения, Тщетно просился он на фронт, хотя бы простым солдатом. Все его просьбы остались без ответа.

Что вынес старый солдат, представить себе не трудно.

В 1915 г. генерала встретил в Петрограде его старый подчиненный, В. Н. фон-Дрейер. Вот что он вспоминает :

«Мы сидели в директорской ложе, ели, пили, смотрели на сцену, слушали хоры. Ренненкампф сидел грустный, ему видимо было не до веселья. И даже боевой номер кафэ-шантана Родэ не мог вывести Ренненкампфа из состояния подавленности, замеченной всеми. Он много пил и не выдержав вдруг начал говорить о том, как с ним несправедливо поступили.

— «Меня отстранили от командования армией совершенно ни за что; и всё это по проискам Сухомлинова. Я просил дать мне любое назначение, готов был принять даже эскадрон, лишь бы не оставаться здесь, без всякой пользы, без всякого дела; мне даже не ответили.

«И вдруг, к нашему ужасу и конфузу, этот сильный, мужественный и храбрый генерал залился горячими слезами».

Гадать вообще не целесообразно, но всётаки можно предположить, что если в феврале 1917 г. в Пскове был бы не генерал Рузский, а генерал Ренненкампф, то совета отречься он бы Государю не дал.

После революции, заключенный одно время в Петропавловскую крепость, он, как рассказывают близкие ему люди,

впоследствии получил предложение поступить в Красную Армию. Предложение это он отклонил.

Весной 1918 г. он принял в Таганроге мучительную смерть от рук чекистов, сохранив до самого конца непоколебимую твердость духа.

В военной истории он оставил память как победитель немцев под Гумбиненом и как один из самых талантливых генералов последнего царствования, запечатлевший мученической кончиной свою верность тем идеалам, которым он твердо служил всю свою жизнь.

С. Андоленко

ПОСЛЕДНЕЕ РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Пол века тому назад ген. П. Н. Врангель образовал последнее русское правительство в Крыму, которое работало до самой эвакуации в ноябре 1920 г. Так как многие обстоятельства, как организации его, так и его деятельности, мало известны, а отчасти остались вообще не известными, необходимо дать краткий обзор непосредственно предшествовавших образованию правительства событий и указать при каких трагических обстоятельствах оно возникло.

Кроме воспоминаний ген. Врангеля, довольно подробно описывающего развитие переговоров, у меня были в руках неизданные воспоминания сенатора Николая Николаевича Таганцева, который был Министром Юстиции у Врангеля и участвовал во всех работах в Крыму. Для характеристики работы в Париже, где готовилось признание Правительства, ценны материалы Совещания Послов и переписка А. В. Кривошеина с М. Палеологом. У меня лично были кроме того беседы с ближайшими участниками переговоров, которые потом почти все жили в Париже.

В конце января 1920 года Одесса была занята красной армией — и произошла первая трагическая эвакуация. В Крыму в это время началась авантюра капитана Орлова, который со своим отрядом занял Симферополь и «объявил войну тылу». Он был «разбит» ген. Слащевым и отошел в горы, но оттуда спускался к Ялте. Командующий в Северной Таврии ген. Шиллинг не мог справиться с положением, которое становилось всё опаснее. Сам Шиллинг, многие военачальники и вообще большинство военных настаивали на назначении ген. Врангеля, который жил тогда в Ялте с ген. Шатиловым, но тот не считал себя в праве идти на какие либо компромиссы и ждал прямого указания Главнокомандующего ген. А. Деникина. Тогда капитан Орлов разослал повсюду «призыв» о том, что ген. Врангель единственный начальник, который может спасти положение. Последний подтвердил, что он без указа главнокомандующего ничего не предпримет. Ген. Деникин со своей стороны отказался назначить ген. Врангеля начальствующим в Крыму на место ген. Шиллинга. Тут произошел печальный инцидент с английским представителем ген. Хольманом: он передал ген. Врангелю сообщение английского правительства, которое означало прямое вмешательство Лондона в наши внутренние дела. Англичане требовали от ген. Вран-

геля безоговорочного подчинения « демократической политике ген. Деникина » и « дезавуирования реакционеров ». На следующий день ген. Шатилов, посланный для переговоров, передал ген. Врангелю требование ген. Деникина немедленно покинуть пределы России. Ген. Врангель уехал в Константинополь, но положение настолько ухудшилось и всеобщее пожелание о призыве его вновь было так единодушно, что ген. А. Деникин, переехавший 14 марта из Новороссийска в Крым и поселившийся в Феодосии, вызвал его телеграммой на совещание в Севастополь. На нем должен был быть избран преемник на посту Главнокомандующего. Несмотря на то, что положение казалось безнадежным, ген. Врангель не считал себя в праве отказаться и решил принять, если надо, на себя командование.

При свидании с Верх. Комиссаром Англии в Константинополе адмиралом Робеком, последний передал ген. Врангелю копию текста « ультиматума », посланного Английским Правительством ген. Деникину, в котором говорилось, что Верховный Совет Союзников считает продолжение гражданской войны на юге России « самым тревожным фактом в современных европейских делах ». Далее в ультиматуме говорилось, что Правительство Его Величества предлагает ген. Деникину начать переговоры с Советским Правительством в целях амнистии как для армии, так и для населения, причем английское правительство принимает на себя хлопоты по ведению этих переговоров. Если же ген. Деникин будет настаивать на продолжении безнадежной борьбы, то английское правительство слагает с себя всякую ответственность и перестанет оказывать ему какую либо помощь (документ 2 апреля нов. ст. 1920 г.).

3 апреля/21 марта ст. ст. ген. Врангель в сопровождении ген. Шатилова поднялся на борт крейсера « Императрица Индии », предоставленного в его распоряжение адмиралом Робеком и отплыл в Севастополь, после чего крейсер должен был зайти в Феодосию чтобы вывезти оттуда ген. Деникина в Англию. 4 апреля (22 марта стар. ст.) состоялось историческое заседание Военного Совета. Ген. Деникин настаивал на том, чтобы преемник ему был избран, а ген. Врангель считал, что он должен быть назначен. После длительных и тяжелых переговоров между Севастополем и Феодосией, ген. Деникин подписал следующий приказ (Феодосия № 2899, 22 марта 1920). Ген. Лейтенант барон Врангель назначается главнокомандующим вооруженными силами Юга России. Низко кланяюсь всем, кто верно следовал за мной в тяжелой борьбе. Да даст Господь победу армии и спасет Россию. Ген. Лейтенант Деникин.

После этого ген. Деникин сел на английский крейсер и отплыл в Константинополь, где поселился в Посольстве. В тот

же день, в соседней комнате, неизвестным посетителем был убит ген. Романовский. Тогда была вызвана английская стража и под её охраной ген. Деникин на следующий день покинул Константинополь и уехал в Англию.

В тот же день ген. Врангель приступил, наряду с организацией гражданского управления Крыма, к устройству военных дел и выяснению взаимоотношений с союзниками. Временно новый Главнокомандующий поселился на крейсере «Ген. Корнилов». Вместе со своими помощниками ген. Драгомировым и ген. Шатиловым и управляющим Иностранными Делами Б. А. Татищевым он составил обстоятельный ответ на ультиматум Английского Правительства, который был передан по телеграфу 23 марта (5 апреля) Верховному английскому комиссару в Константинополе адмиралу Робеку.

В нем ген. Врангель категорически заявлял о невозможности переговоров с Советским Правительством и обращался с призывом к Английскому Правительству предоставить в случае надобности возможность устройства вне русской территории не только вождям, но и всему воинскому составу и населению, которое не пожелало бы остаться в Крыму.

С другой стороны он обратился к войскам с приказом, в котором призывал всех сплотиться для исполнения своего долга перед родиной. Несмотря на почти безнадежное положение и тяжелое наследство, ген. Врангель решил принять меры к устройству жизни и приступил к организации нового Правительства, так как большинство тех, кто был в непосредственном окружении ген. Деникина, оказались вне Крыма.

После приезда в Феодосию ген. Деникин поручил гражданские дела Михаилу Владимировичу Бернацкому, который заведывал при нем финансовой частью, но набрать необходимых сотрудников оказалось тогда очень трудным. Особенно тяжелой была проблема питания, так как Крым не обладает нужным количеством местных продуктов, а надо было кормить не только армию, но и многочисленных беженцев прибывавших с Северного Кавказа и возвращавшихся из Константинополя. Денежное обращение было в расстройстве, так как выпуск бумажек достиг необычайных размеров и они обесценились. В Крыму сосредоточилось также много раненых, больных и стариков. Из-за расстроенного транспорта подвоз зерна был затруднен и чувствовался в городах недостаток хлеба и жировых веществ. Недоставало и угля для кораблей и паровозов. Склады вооружений и обмундирования были брошены во время эвакуаций и был острый недостаток в лошадях. Дисциплина в войсках была тоже подорвана. Надо было восстанавливать жизнь небольшого клочка русской земли и, в

этих чрезвычайно трудных условия, ген. Врангелю пришлось организовать свое Правительство, так как ему необходимо было объединять командование на фронте с устройством тыла.

Первый период деятельности нового Правительства (апрель-май 1920) можно назвать Парижско-Севастопольским, так как часть его участников и, в частности, глава А. В. Кривошеин и Министр Иностранных Дел П. Б. Струве были в Париже и вели переговоры, как с союзными властями, так и с русскими общественными кругами.

Ген. Врангель пригласил в свое Правительство следующих лиц: Председателем стал б. министр Землеустройства и Земледелия А. В. Кривошеин, Министром Иностранных Дел П. Б. Струве, Министром Финансов проф. М. В. Бернацкий, Министром Юстиции сенатор Н. Н. Таганцев, Министром Внутренних Дел С. Д. Тверской, Министром Земледелия сенатор Г. В. Глинка, Государственным Контролером Никанор В. Савич. На время отсутствия П. Б. Струве его помощником был в Крыму б. российский посланник в Сербии кн. Гр. Н. Трубецкой.

До того как перейти к описанию переговоров в Париже и начала работы на месте, необходимо сказать несколько слов о главнейших сотрудниках ген. Врангеля.

Александр Васильевич Кривошеин, которого ген. Врангель выбрал в качестве своего ближайшего помощника по гражданской части, имел за собой большую административную карьеру и принадлежал к крупным государственным деятелям предреволюционной России. Он был деятельным участником земельной реформы Столыпина и ее продолжателем и в течение долгого времени возглавлял Министерство Землеустройства и Земледелия. Когда его проект Правительства Национального Объединения с участием представителей общественности не был принят Императором, он вышел в октябре 1915 года в отставку.

Академик Петр Бернгардович Струве, хотя и не был ни дипломатом, ни специалистом по внешней политике, но был настолько крупной и выдающейся личностью, обладавшей в Западном мире большим влиянием, что его призыв был очень полезен для дела.

Сенатор Николай Николаевич Таганцев, сын известного криминалиста Николая Степановича Таганцева, был в военные годы представителем Мин. Юстиции при Государственной Думе и Совете, а при ген. Деникине был ревизиующим сенатором.

Сенатор Григорий Вячеславович Глинка возглавлял долгие годы Переселенческое Управление и был одним из знатоков экономической жизни России и в частности Сибири.

Никанор Васильевич Савич был членом Гос. Думы от Харьковской Губернии и крупным общественным деятелем.

Михаил Владимирович Бернацкий, профессор финансового права Политехнического Института, стоял во главе Финансового Управления при ген. Деникине.

Сергей Дмитриевич Тверской был известным общественным деятелем и администратором.

Кроме А. В. Кривошеина, умершего в 1921 году, все сотрудники ген. Врангеля в Крыму играли потом видную роль в жизни Зарубежной России. П. Б. Струве, кроме преподавания в Высших Учебных Заведениях, издавал за рубежом газеты и был председателем Зарубежного Съезда, Н. Н. Таганцев — Ген. Секретарем Русского Комитета Объединенных Организаций, Г. В. Глинка участвовал в работе Красного Креста, Н. В. Савич был членом Эмигрантского Комитета и близким сотрудником В. А. Маклакова, а М. В. Бернацкий возглавлял Финансовую Комиссию при Совещании Послов.

Кроме гражданских лиц значительную общественную роль играл молодой епископ Севастопольский Вениамин (Федченко), бывший ректор Таврической Семинарии, который потом возглавил Военное Духовенство, был инспектором Богословского Института в Париже, а после второй мировой войны вернулся в Россию и занимал ряд кафедр на родине.

До того, как перейти к деятельности Министерства в Крыму, необходимо дать хотя бы краткие данные о подготовительной работе произведенной представителями ген. Врангеля в Париже, которая привела к признанию Крымского Правительства Францией.

В виду того, что Политическое Совещание, во главе которого стоял кн. Г. Е. Львов и представителем которого по Иностранным Делам был С. Д. Сазонов, прекратило свою работу, все сношения между Парижем и Севастополем установились через русское Посольство, возглавлявшееся Василием Алексеевичем Маклаковым и отчасти через, образованное в столице Франции, Совещание Российских Послов, возглавляемое Михаилом Николаевичем Гирсом. Сейчас же по прибытии в Париж из Сербии А. В. Кривошеин вступил в переговоры с управляющим Министерством Иностранных Дел Французской Республики Морисом Палеологом, б. французским послом в Петербурге, с которым он поддерживал близкие отношения. Благодаря его влиянию и чрезвычайно внимательному отношению главы Французского Правительства и Мин. Иностр. Дел Александра Мильерана, переговоры привели к признанию де факто Крымского Правительства.

Русские политические и общественные круги отнеслись к делу образования правительства ген. Врангеля более чем скептически. Одни по присущему им пессимизму, как гр. В. Н. Кокцов, другие по политическим соображениям. Многие уговаривали А. В. Кривошеина не ехать в Севастополь. Несмотря на почти всеобщее критическое отношение А. В. Кривошеин и П. Б. Струве провели большую работу в международных кругах и укрепили положение нового Правительства.

В Крыму первым административным актом был «Статут Управления территорией занятой Вооруженными Силами Юга России», изданный ген. Врангелем 29 марта/11 апреля 1920 года. Главнокомандующий соединял по этому статуту в своем лице военную и гражданскую власть. Казачьи области сохраняли свою административную автономию, но казачьи войска подчинялись общему командованию.

Так как надо было избежать катастроф, сопровождавших эвакуации Одессы и Новороссийска, были приняты уже в апреле меры на случай оставления Крыма. Ген. Врангель обратился с письмом к Принцу-Регенту Александру Сербскому с просьбой, в случае оставления русскими войсками и гражданским населением Крыма, принять их в его страну. Первое заседание по гражданским делам, еще в отсутствие Кривошеина и Струве, состоялось 9/22 апреля, а 11/24 апреля была образована, под председательством сен. Г. В. Глинки, Земельная Комиссия для обсуждения и решения земельного вопроса в занятых Армией областях. В отношении судопроизводства были приняты ген. Врангелем меры восстановления нормального гражданского судебного порядка. Только для преступлений касавшихся грабежа и разбоя были установлены военно-полевые суды.

Одновременно шли переговоры с английским и французским Правительствами, причем Англия продолжала настаивать на переговорах с РСФСР.

26 апреля/9 мая ген. Врангель переименовал Добровольческую Армию в Русскую Армию, а 29 апреля объявил амнистию всем присоединившимся к армии участникам гражданской войны со стороны Красной Армии.

Чрезвычайные меры были приняты против вздорожания жизни, которое было следствием как недостатка продуктов, так и обесценения бумажек. М. В. Бернацкий старался заключить Внешний Заем, но это ему не удалось.

В связи с повышением цен правительством был принят ряд мер для поддержки бедного населения и рабочих, для которых были установлены значительные скидки в государственных магазинах и раздачи продуктов. Угроза забастовки ра-

бочих в Севастополе была устранена после успешных переговоров между главнокомандующим и их делегатами.

Положение значительно улучшилось после занятия Северной Таврии и установления подвоза продуктов из Таврической Губернии, но это относится уже к другому периоду. Еще до начала наступления 20 июня, начались новые переговоры с союзниками, так как англичане были категорически против каких либо военных действий в Крыму. П. Б. Струве передал французскому Правительству обширный меморандум о положении дел на Юге России. К этому новому периоду деятельности Русского Правительства в Крыму мы вернемся в следующем очерке.

П. Ковалевский

Выбор невесты московского государя

Впервые упоминание о Москве появляется в летописи в 1147 г. В ней отмечается прибытие Великого Князя Юрия Долгорукова в вотчину боярина Стефана Кучко, которого приказано было казнить за числившуюся за ним провинность. Очарованный красотой одной из деревень, принадлежавших Кучко, расположенной на возвышенности, орошаемой Москва-рекой, где теперь стоит Кремль, Юрий Долгорукий основал город Москву. Наименование одной из старинных московских церквей — « Спас на бору » — ясно указывает на дремучие леса, покрывавшие некогда берега Москва-реки...

Однако, в продолжение целого века после своего основания, Москва всё еще продолжает оставаться малозначительным посадом Суздальского удела. Летописцы лишь говорят о ее сожжении татарами в 1237 году и в другой раз записывают подробности смерти брата Александра Невского, Михаила Московского, павшего в битве с литовцами в 1248 году.

Подлинным же основателем Московского княжества был сын Александра Невского Даниил, получивший этот посад в удел с несколькими прилегающими деревнями. Он увеличил свои поместья большим городом — Переяславлем Залесским, доставшимся ему по наследству от одного из его племянников, и завоеванной им у рязанцев Коломной. По его кончине, он был погребен в Данииловском монастыре, им же и основанном.

Но подлинное возвышение Московского княжества началось уже в XIV веке; и за какие-нибудь двести лет ему удалось не только поглотить земли соседних удельных князей, вольные торговые города и отдельные татарские царства, но и вполне наметить дальнейший путь развития будущего государства.

А сама Москва из маленькой деревянной крепости, окруженной дремучими лесами, превратилась в богатую, нарядную столицу; она стала центром просвещения, торговли и управления всей страны. Со всех концов Руси к ней потянулся приток разноплеменного населения.

Началось усиленное строительство царских палат, частных дворов, монастырей, соборов, башен и знаменитой каменной Кремлевской стены (1385-95).

Уже к концу царствования Ивана Грозного, Москва была огромным, по тому времени, городом с сорока тысячами дворов и семьюдесятью верстами « в округе ».

И если прежде, в удельный период русской истории, великие князья запросто женились на дочерях удельных князей, знатных бояр или на иноземных княжнах, то по мере возвышения Московского княжества и, одновременно с ним, непомерного роста великокняжеской власти, бракосочетание с простой смертной стало почитаться делом «ззорным» и потребовало иного решения этого вопроса.

Поводом для его разрешения послужило следующее событие : — 25 апреля 1467 года, во время повальной чумы на Москве, умерла первая жена Ивана III — Мария Тверянка.

Обстоятельства этой смерти крайне неясны и заставляют предполагать, что она была отравлена. Так или иначе, но ее кончина развязала руки Великому Князю и он начал помышлять о вторичном браке, но уже не со своей подданной, а на одной из иноземных принцесс.

С этой целью было им послано в Рим посольство в сопровождении доверенного грека — Траханиота.

После взятия турками Византии (1453 г.), в Риме находился в ту пору брат византийского императора — Фома, со своими двумя сыновьями : Андреем и Мануилом и дочьрью Зинаидой-Софией.

Члены императорского дома, как и многие видные греческие иерархи, ученые, артисты и литераторы были вынуждены покинуть свое поработенное отечество и перекочевать в Италию, под высокое покровительство самого Папы.

Но католический Рим был чужд по духу православной Византии. Поэтому немудрено, что царевна София благосклонно отнеслась к предложению московских послов, открывавшему ей возможность перенести и воскресить в православной Москве обычаи, обряды, дворцовый уклад жизни и государственные понятия, которые были присущи Византийской империи.

Ватикан же видел в Софии будущую покровительницу распространения католичества на Руси и браку не препятствовал, хотя и выдвинул ряд условий. После долгих переговоров и неустанных стараний, посольство прибыло, наконец, с царевной в Москву и в 1472 году состоялось торжественное бракосочетание Великому Князю Ивану III с Софией Палеолог.

С этого времени византийский двуглавый орел становится гербом Московского царского дома, к званию Великому князю впервые присоединяется громкий титул царя, а Москва в религиозном сознании народа становится прямой преемницей павшей Византии.

Быстро изменился и весь уклад дворцовой жизни : — Великий князь перестал « совет держать » с приближенными бо-

ярами, на Руси вводится даже восточный обряд целования государевой руки и т. д. ...

Русские люди горестно почувствовали эту перемену и один из них — Берстень — впоследствии прямо заявил Максиму Греку: « как пришла сюда мати великого государя, то наша земля замешалася »..., « к нашему нестроению пришла ».

Но Великий князь иначе смотрел на вводимые новшества и всячески стремился упрочить создавшееся положение. Поэтому он и женит своего старшего сына от первого брака — Ивана на дочери Молдаванского всеоды (1482), а дочь Елену выдает замуж в 1495 году за Польского короля и Великого князя Литовского Александра.

Через свою дочь он стремится завязать матримониальные связи с иностранными царствующими домами и установить непосредственные сношения с Венгерским, Германским и Датским королевскими домами.

Но, при первых же в этом направлении шагах, возникают крупные затруднения. Главные причины неудач: — различие вероисповеданий и полная неосведомленность иноземцев о Московском княжестве. Таким образом, от намеченной цели пришлось быстро отказаться, но почин, сделанный Иваном III, бесследно не исчез: — с XVIII века все наследники Русского престола женятся на иностранных принцессах. Москва же XVI века нашла выход из трудно создавшегося положения в том, что безоговорочно приняла древне-византийский обычай — общенародного, или земского, избрания невесты для особ царского рода.

На подобие тому, как некогда греческая царица Ирина избрала из прекраснейших девушек Византии невесту своему сыну — Императору Константину, так, впервые и в Москве, в 1505 году, была избрана, из 1.500 съехавшихся девиц, Соломонида Юрьевна Сабурова, — невестой Василия Ивановича (сына Ивана III от Софии Палеолог).

Займствованный обычай общенародного избрания царской невесты укоренился на Москве вплоть до 1680 года, когда брат Петра I, царь Феодор Алексеевич, избрал себе в жены Агафью Семеновну Грушецкую (правда, через два года, когда он вторично женился на Марфе Матвеевне Апраксиной, уже никакого чина больше не было).

Петр же Великий, после своего первого неудачного брака на Евдокии Лопухиной, состоявшегося по настоянию его матери, — раз и навсегда упразднил этот обычай в числе других пережитков русской старины.

Обычай общенародного избрания царской невесты заключался в том, что ее выбирали из всех девушек страны: и не только знатного рода, но и из служилого сословия и даже из купцов. Так, например, третьей женой Ивана Грозного была дочь простого новгородского купца — Марфа Васильевна Собакина.

Необходимо только было быть: «ростом, красотой и разумом исполненной».

В поисках царской невесты рассылались во все концы страны грамоты, повелевавшие всем подданным, имевшим на выданьи девиц, без промедления везти их в город для смотрин. Никто не смел уклониться от смотра под страхом царской опалы; грамота гласила: «а который из вас дочь девицу у себя утаит и к боярам нашим не повезет, и от меня быть великой опале и казни». — «А грамоту посылать меж себя сами, не удерживать ни часу».

В назначенный срок царские околичьы с дьяками, при содействии местных воевод, приступали к отбору девиц «с меркой возраста и роста». Избранных заносили «в особую роспись» и направляли в столицу, в сопровождении всей семьи, куда к положенному дню стекались красивейшие девушки того времени.

Что же подразумевали москвичи под понятием красоты?

У Ивана Забелина читаем: —

...«Белое лицо, как белый снег,
Ягодицы на щеках, как маков цвет,
Черны брови, как соболи,
Будто колесом брови подведены,
Ясны очи, как у сокола...
Она ростом-то высокая,
У ней кровь-то в лице словно белого зайца,
А и ручки беленьки, пальчики тоненьки,
Ходит она, словно лебедушка,
Глазом глянет, словно светлый день»...

До двух тысяч девушек собиралось иногда в Москву, из них выбирали несколько десятков, которых размещали в особом отведенном доме, по 12 в просторном покое. После подробного осмотра «в мыльне», — их подвергали испытаниям: — ума, находчивости... «приятности характера».

Наконец, наступал томительно-ожидаемый день царского выбора. Со старейшим из бояр проходил царь в подобие тронного зала и садился на возвышении.

Легко себе представить, что для столь торжественного вы-

хода девушки украшали себя парчей и золотом, надевали расшитые жемчугом и драгоценными камнями головные уборы; дорогие самотканые платья — сарафаны, разноцветные ожерелья, сафьяновые «шитые» сапожки... По установленному правилу они покрывали себе лицо и шею густым слоем белил; «сурмились»: — брови, глазные впадины и белки глаз чернили металлической сажой на розовой воде; а на щеки охрой наводили яркий румянец, руки же подкрашивали цветным мелом.

Иностранные путешественники того времени, восхищаясь в один голос природной красотой русской женщины, приходили в ужас от ее грубого и неумелого употребления косметики. Англичанин Самуил Коллинс, писавший о России, говорит: «румяны их похожи на те краски, которыми мы, англичане, украшаем летом трубы наших домов».

Увы, тогда как и теперь никто не мог противиться моде...

Закончив одевание, девушки одна за другой подходили с глубокими земными поклонами к трону Великого князя.

Он выбирал одну из них и подавал ей расшитую жемчугом «ширинку» из тонкого шелка и обручальное кольцо.

Остальных же девушек, щедро наградив, обыкновенно выдавал замуж за своих братьев, сыновей или ближайших приближенных.

Новоизбранную царскую невесту сопровождали наверх, в отведенные для нее покои, где совершался обряд освящения: на голову ей возлагали царский девичий венец, нарекали царевною и давали новое царское имя, которое рассылалось по всем церквам для поминания за великой ектеньей, вместе с именем Великого князя.

Во дворце же «верховные» боярыни, постельницы и дворовые люди царицына чина целовали крест новой государыне и приносили клятву верного служения:

«Над царицею никакого лиха не учинити и зелья и коренья лихого в платье и в иных ни в каких в их государевых чинех не положить»... — «ни в естве и в питье не испортити»... «волшебных слов не наговаривати»... «ни ведомством по ветру никакого лиха не насылати и следу не вынимати»...

Тем временем, будущая царица, сданная под опеку своей семьи (матери и теток), с трепетом ждала дня своей свадьбы.

С момента избрания, жизнь ее беспрестанно подвергалась смертельной опасности: царские любимцы прилагали все старания (вплоть до отравления), чтобы помешать водворению нового влиятельного лица.

Никакого избрания на государственные должности тогда не существовало, они просто распределялись царем между бли-

жайшими родственниками и приближенными и появление семьи новой государыни во дворце не могло не повлечь за собой смещения прежних вельмож; весь же род новой царицы, естественно, засыпался царскими милостями.

Вот почему и стремились до брака извести новоизбранную невесту, чтобы уберечь занимаемые места.

Одной из первых жертв такой расправы была как раз вышеупомянутая Марфа Васильевна Собакина — третья жена Ивана Грозного (в 1571 году).

Подозревая измену, царь велел посадить на кол своего шурина — Михаила Темрюковича Черкасского и одновременно с ним умертвить своего любимца, Григория Грязного. С ними сложили головы на плахе и другие лица из царского окружения.

Нередко случалось избранной невесте, вместо осуществления своих радужных грез, отправляться прямо из дворца в ссылку, никогда и не став царицею.

Так была сослана невеста Михаила Феодоровича Романова — полюбившаяся ему на смотре 1616 года — девица Марья Ивановна Хлопова.

Ее взяли во дворец, нарекли Настасьей, в память первой супруги Грозного, и начались обычные приготовления к свадьбе. Однако, она неожиданно стала хворать и вскоре слегла.

Под предлогом неизлечимой болезни, которая впоследствии может помешать ей стать матерью, ее со всем семейством заточили в Тобольск.

Михаил очень тужил по любимой девушке и, чуя недоброе, приказал боярину Федору Ивановичу Шереметеву начать расследование по этому делу.

Чудовский архимандрит показал, что его духовная дочь, девица Мария Хлопова, во всем здорова; врачи, пользовавшие ее, подтвердили под клятвой то же самое; наконец, и сама Марья Ивановна прямо заявила, что: « как была она у отца и матери и у бабки, и у ней болезни никакой не бывало; да и на государеве дворе будучи, была здорова шесть недель; а после того появилась болезнь: — рвало и ломало нутрь, и опухль была, а чаёт того, что ей учинилось супостать ее;... а всё от Михаила да от Бориса Салтыковых » (которые были в большой чести у матери молодого государя).

Несмотря на явное злоумышление против Хлоповой и несмотря на все старания отца государя — Патриарха Филарета Никитича, мать Михаила, великая старица Марфа Ивановна, наотрез отказалась дать сыну свое благословение и этот брак так и не состоялся; только ссылка Хлоповых была заме-

нена пожизненным поселением в указанном месте (с запретом, однако, выйти замуж за когонибудь другого).

Той же плачевной участи подверглась и избранная (14 февраля 1647 года) царя Алексея Михайловича — Евфимия Федоровна Всеволожская, дочь Касимовского помещика Феодора Всеволожского. Тот же Самуил Коллинс рассказывает: когда Всеволожская, получив от царя «ширинку» и кольцо, «явилась перед ним в царской одежде, Борис Морозов приказал так крепко привязать ей венец на голове, что она упала в обморок. Тотчас объявили, что у нее падучая болезнь» — и, таким образом, она оказывалась «к государевой радости непрочно»...

Всеволожские были сосланы в Сибирь на Тюмень в 1647 году.

По счастью, не все царские невесты были столь неудачливы. Для многих из них долгожданный день бракосочетания благополучно наступал. В этом случае, невеста, облеченная в своих покоях в царские одежды, выходила по зову Великого князя в среднюю палату, окруженная дружками, свахами и верхними боярынями. Перед ней торжественно несли образа, венчальные свечи разукрашенные соболями и большой каравай, усыпанный золотыми монетами.

Следом за невестой, входил «со своим поездом» и жених. Жених с невестой кланялись образам и садились на возвышении, также украшенном соболями.

К ним приступали ближайшие боярыни, расчесывали им волосы, на голову невесты надевали женский головной убор — «кику», а жениха осыпали хмелем. Священник читал молитвы и обжигал свечи новобрачных.

Затем, слегка подкрепившись, жених с невестой порознь ехали в собор, в котором их венчал сам Московский Митрополит.

После обычного поздравления, молодая царица возвращалась прямо во дворец, а царь на обратном пути из собора заезжал сначала в церкви и монастыри поклониться мощам святых угодников и чудотворным иконам.

Возвратясь со своим окружением во дворец, царь приглашал новобрачную к столу и начинался свадебный пир с шумными потехами: музыканты «играли в сурны и трубы и били по накрам».

Но, как только дружка царя брал завернутую в скатерть жареную курицу и уносил ее в спальню, пир прекращался и царица удалялась в украшенную соболями опочивальню.

Постель новобрачных приготавливалась на «тридцати сно-

пах, что называли сенник»; у изголовья ставили образа, «кладь со пшеницею и пивной мед».

Ближайшая боярыня в шубе, вывороченной мехом наизнанку, осыпала «молодых» хмелем при переходе из покоев. А конюший царя, получив в подарок царского аргамака, должен был всю ночь ездить на нем с шашкой наголо вокруг дворца, оберегая покой новобрачных.

**

*

За 175 лет своего существования обычай общенародного избрания царской невесты достиг особой пышности при Иване Грозном, который неоднократно созывал девиц на смотрины и не только для себя самого, но и для всей своей многочисленной родни. (Так, 18 сентября 1547 года царь женил своего родного брата Юрия на княжне Палицкой, а 1-го сентября 1549 года своего двоюродного брата Владимира Андреевича на Авдотье Александровне Ноговой).

Сам же царь впервые избрал себе в жены в 1546 году девицу Анастасию, дочь боярина Романа Юрьевича Захарина. Этот, как принято предполагать, счастливый брак был пресечен смертью царицы Анастасии 7 августа 1561 года. Но не успел еще окончиться срок положенного траура, как уже состоялись новые смотрины, а 21 августа 1562 года царь вторично женится на дочери татарского князя Темрюка Андроновича Черкасского — Марии. (Брак этот имел силу политического договора, который был выгоден Москве при стремительном продвижении ее юго-восточных границ).

Однако, в 1569 году умерла и она и царь, в третий раз, в 1571 году (28 октября), выбирает себе жену из двух тысяч прекраснейших девушек! На этот раз его выбор пал на Марфу Васильевну Собакину. (Одновременно была избрана и Евдокия Богдановна Сабурова невестой царевича Ивана).

Но Марфа Васильевна Собакина, будучи от природы вполне здоровой, сразу занемогла, как попала во дворец, и через несколько дней после свадьбы, несмотря на все старания лекарей, — скончалась.

Тогда царь обратился к Церкви за разрешением вступить в четвертый раз в брак, мотивируя свой запрос тем, что третий брак не может считаться действительным, ввиду болезни и скоропостижной смерти его супруги.

Церковный собор дал царю на то свое согласие. С благословения Леонида архиепископа Новгородского, царь, после очередных смотрин, женится великим постом 1572 года на

Анне Алексеевне Котловской, которую через год насильно пострижет в монастырь под именем инокини Дарьи.

Иван же Грозный, получив от Церкви согласие на свой четвертый брак, уже без всякого предварительного запроса и разрешения на то, стал заключать свои последующие браки по личному усмотрению и произволу.

Пятой венчаной женой царя (1573 г.) была Марья Долгорукова, которая, после венца, призналась царю, что любит другого, за что на следующее же утро была посажена в колымагу, запряженную дикими конями, и на ней пущена в пруд, в котором разводили особо жирные породы рыб для царского стола...

Участь двух последующих избранниц царя: Анны Васильчиковой и Василисы Мелентьевны остается неизвестной. Очевидно, их бесследно уничтожили по приказанию царя?...

Последним же браком Иван Грозный сочетался в 1580 году с Марией Федоровной, дочерью боярина Нагого. Не трудно представить себе, какая участь ждала и ее, если только вспомнить, что во время ее беременности царь послал боярина Федора Писемского к Английской королеве Елизавете — сватать ему племянницу последней — Марию Гастингс.

Лишь смерть Ивана Грозного спасла Нагую от неминуемой гибели и она не только пережила своего мужа, сына Димитрия, царя Федора Иоанновича, но и всех Годуновых и даже царя Василия Шуйского...

В. Маркадэ

Красная Площадь по гравюру Князюна 1610 года

Движущие силы истории

« Я всегда считал, что свобода сильнее страха смерти ». К. Паустовский.

В. Е. Жаботинский был несомненно крупнейшим деятелем освобождения еврейского народа. Ему, более чем кому бы то ни было, еврейская государственность обязана своим существованием. Он — организатор первых военных отрядов, еще в войну 1914-1918 гг., из которых, при его постоянном ближайшем содействии, развилась израильская армия, поразившая мир своими успехами за последние годы. До сих пор она жива его духом и положенными им в основу ее существования началами.

Но он был одарен не только в области государственного строительства. Подобно Юлию Цезарю в древности, в его лице сочетались исключительные военные способности с редким даром исторического предвидения и с недюжинным литературным талантом, до сих пор по достоинству не оцененным русской литературной критикой: его фамилия не фигурирует в указателе имен ни у И. И. Тхоржевского, ни у Д. П. Святополк-Мирского, ни даже у добивающегося полноты Э. Ло Гатто.

Жаботинский — один из крупнейших мастеров фельетона в русской литературе, наряду с Розановым, П. Б. Струве, В. Дорошевичем, А. Амфитеатовым и Г. Ландау. Писал он также и стихи. В числе прочего, его перу принадлежит лучший русский перевод « Ворона » Э. Поэ.

Но ценнейший его вклад в русскую литературу — автобиографическая хроника « Пятеро », по сути дела не укладывающаяся ни в какие рамки литературных жанров. Эту книгу трудно назвать романом, потому что в ней нет никакого вымысла. Все рассказанные в ней происшествия, все описанные в ней люди на самом деле существовали и во всем что их касается автор ни на пядь не отступил от истины. Мне это было засвидетельствовано другими лицами, проживавшими в Одессе, в пору описанных автором событий.

Невозможно эту книгу назвать и воспоминаниями, потому что в ней автор почти что ничего не говорит о себе самом, а описанный им эпизод отличается редкой законченностью и почти что параболическим единством.

Книга эта — редкого своеобразия и исключительных чисто литературных достоинств. Но она поражает также глубоким трагизмом своего содержания, живостью изображения и множеством незабываемо ярких человеческих фигур. Нисколько не сомневаюсь, что те из наших читателей, которые ее откроют, основываясь на моих словах, об этом не пожалеют. Думаю не преувеличить, ставя ее на один уровень со знаменитым шедевром французского писателя Шодерло де Лакло «*Les liaisons dangereuses*», с которым книга Жаботинского имеет что-то общее.

Мы не станем сейчас вдаваться в подробности ее содержания и ограничимся только приведением одного эпизода, м. б. имеющего лишь второстепенное значение, но очень важно для затронутой нами проблемы.

Возвращаясь с революционной сходки, одно из действующих лиц говорит автору :

«Вовсе не оттого треснет самодержавие, что люди бросают бомбы или устраивают бунты. По-моему, если хотите, чтобы непременно случилось какое-то событие, совсем не надо ничего делать для этого; даже говорить не надо. Просто надо хотеть и хотеть и хотеть.

— То есть как это? Про себя?

— Про себя. Где есть человек, хотя бы один на всю толпу, который чего-то хочет, но по-настоящему, во что бы то ни стало, — незачем ему стараться. Достаточно всё время хотеть. И чем больше он молчит, тем это сильнее. Кончится так, как он хочет.

— Что-ж это будет — черная магия, или гипнотизм какой-то новый?

— Гипнотизм, магнетизм, это разберут доктора, а я только аптекарь. Я знаю по аптекарски : если один человек в комнате, извините, пахнет карболкой, вся комната и все гости в конце концов пропахнут карболкой. И почему вы говорите : «новый»? Всегда так было, и в больших делах, и в маленьких делах; даже у человека в его собственной жизни...

... — Я вот там кис у себя в С... и мечтал уехать в Одесу и стать фармакологом, а денег не было; что-ж вы думаете, я барахтался, лез из кожи вон? Ничего подобного. Просто хотел и хотел, мертвой хваткой. Вдруг приехал дядя И..., посмотрел на меня и сказал : укладывай рубахи, едем. И во всем так будет. — Теперь мне направо; до свиданья, мсье такой-то, спасибо за приятную компанию ».

Другой пример :

Меня всегда поражала странная игра судьбы спасшая Фридриха Великого во время Семилетней войны. Он имел про-

тив себя коалицию из Франции, Австрии и России. Берлин был уже взят русскими войсками и все считали, что дни прижатого к стенке прусского короля непоправимо сочтены. Но несмотря на явно безвыходное положение, он внутренне оставался непоколебимым и, несмотря на уговоры окружающих, твердо решил не сдаваться, но бороться до конца, несмотря ни на что.

И вот, вдруг, 5 января 1762 года, умирает императрица Елисавета, совсем еще не старая женщина, а на российский престол, несмотря на наличие других возможных кандидатов, вступает Петр III, личный друг и восторженный почитатель Фридриха Великого. Жертвуя явными интересами России и вопреки элементарнейшему государственному смыслу, он эвакуирует всю Восточную Пруссию и русские войска получают приказ атаковать в Силезии своих-же вчерашних союзников, для того, чтобы вернуть и ее Пруссии.

Этими невероятными решениями, Петр III спасает Фридриха Великого и превращает его поражение в победу. Эта безумная с русской точки зрения политика сыграла немалую роль во вскоре за тем последовавшем свержении Петра III с престола, но, пока что, Фридрих был чудесно спасен.

Случай? Это было бы скорее отказом от объяснения. Случай — всегда только форма признания нашего неведения истинных причин случившегося. На самом деле случая нет и быть не может. Причины всего происходящего уходят в бесконечность непостижимой для человека глубины. Вполне реальные сцепления причинных серий продолжают происходить и в областях простирающихся далеко за пределами того, что доступно не только нашему глазу, но и нашему пониманию.

Гипотеза « немецкого » Бога, о которой иногда писалось и говорилось в Германии, конечно, еще менее способна привлечь наше внимание.

Что же тогда могло произойти?

Воля Фридриха Великого оказалась сильнее воли его противников. Хотя это и невозможно доказать математически или документально, слишком много имеется косвенных указаний на то, что человеческая воля приводит в движение какие-то космические рычаги, нашему непосредственному восприятию недоступные.

Такое предположение имеет не меньше шансов на подтверждение, чем большинство принятых наукою гипотез. Во всяком случае, эта наша гипотеза обладает существеннейшим для нее свойством : плодотворностью.

В данном случае, столь неожиданно-благоприятное сте-

чение, априорно мало вероятных обстоятельств, сыграло также крупную всемирно-историческую роль.

Следовательно, для понимания истории, необходимо включить человеческую волю, по крайней мере как одно из слагаемых причинности происходящих событий.

Утверждение марксистов, будто историей руководят экономические силы и интересы, в лучшем случае требует разъяснения и конкретного уточнения.

Каждодневный опыт показывает, что человек, в своих поступках, движим отнюдь не только своими экономическими интересами. Всевозможные страсти, слабости, неосознанные или мало осознанные склонности, опасения и привычки, личные или групповые симпатии и антипатии, вместе взятые, играют намного более значительную роль.

К тому же, материальные интересы каждого человека, в каждом отдельном случае, обычно бывают далеко не однозначными. Часто бывает нелегко сообразить, которое из нескольких возможных решений наиболее соответствует нашим интересам. Взять хотя бы такое экономически важное явление, как биржевая игра. Через какие муки, с холодным потом, приходится проходить каждому биржевому игроку, прежде чем решить, как и куда направить вложение своих, часто весьма скромных сбережений! Но напр. выбор профессии для каждого юноши, как и для его родителей, не менее, если не еще более серьезный вопрос.

В каждом таком случае, суть дела не в экономическом интересе человека взятом абстрактно, а в том, как он свои интересы понимает, т. е. в том, что он считает, правильно или неправильно, своими интересами.

Выходит, что даже в вопросах касающихся устройства материальной стороны его жизни, человек руководится не своими интересами, а своим пониманием их, т. е. опять таки мыслями, взглядами и представлениями, явлениями духовного порядка, идет ли дело о денежном капиталовложении, о выборе лотерейного билета или хода в карточной игре, или же о бессмертии души и о предпочтительности того или иного морального идеала.

Тем не менее, мы не отрицаем полностью возможной исторической роли денег и других экономических факторов. Но значение их опосредствовано тем, что и они лишь сгущение и конкретизация человеческой воли.

Вообще, для человека, ставящего себе целью обогащение, политика может быть только средством. Поэтому, роль такого человека в политике всегда будет менее заметной и решаю-

щей, чем роль тех, для кого политика бывает целью, а деньги, самое большее, средством.

Денежная форма политического воздействия действительно была очень распространенной, если не преобладающей, в XIX веке. Но с тех пор мир сильно переменялся, и ныне наиболее динамические ступки воли надо искать уже не в нестроимых шкапах банков, а в картотеках тайной полиции коммунистических держав. Из области экономики и предполагаемой эксплуатации человека человеком, сила явно перешла в область реальной власти человека над человеком, которая включает и эксплуатацию, но исключает всякую возможность сопротивления со стороны подвластного, из за свойственного ей неограниченного права распоряжаться его жизнью и смертью.

Но было бы ошибкой недооценивать и значение бескорыстия. Конечно, необходимо учитывать, что якобы бескорыстные намерения часто служат лицемерным покровом для скрытых целей самого низкого пошиба.

Но в большинстве случаев, это не так. Некоторый минимум положительных этических ценностей составляет непереносимое условие психического равновесия нормального человека. Даже заведомо нехорошо поступающий человек обычно ищет и находит, не только для окружающих, но и для своего внутреннего потребления, всевозможные фиктивные положительные-этические оправдания.

Никто не может жить, не питая хоть некоторой доли уважения к самому себе. Совесть — отнюдь не выдумка писателей и до какой бы гуттаперчевой растяжимости и гибкости ни доходила она у иных субъектов, существует некий предел, который никому не дано преступить безнаказанно: результатом непременно будет та или иная, часто чрезвычайно тяжелая форма психического заболевания.

Основатель научной психиатрии Филипп Пинель — видел в нарушениях нравственности главную причину сумасшествия. Того же самого взгляда придерживается в наше время другой крупнейший французский психиатр Анри Барюк, который разработал систему лечения душевных болезней развитием у пациента морального чувства.

Внутреннее существо человека имеет свои законы, нарушение которых приводит к болезни, точно так же как и нарушение законов биологии. Очень часто обе эти серии законов совпадают: человек, чересчур легко и грубо нарушающий законы бытия духа, рискует не только чисто психическими, но и физическими заболеваниями. Существование и успехи психосоматической медицины в наше время подтверждают эти поло-

жения огромным, беспрестанно возрастающим количеством проверенных наукою фактов.

Всем известно, что напр. пытающие арестованных чекисты, несмотря на дозволенное им потребление не только острейших спиртных напитков, но и кокаина, обычно быстро кончают смирительной рубашкой и редко доживают до старости.

Не случайно, именно в кругах близких к марксизму, возникло в наше время знаменательное выражение: «внутренний комфорт». Его наличие или отсутствие совершенно не зависит от степени удовлетворения материальных интересов заинтересованного лица. Но самый факт появления этого термина указывает на реальность соответствующей ему потребности. В жертву этому пресловутому комфорту приносится немало лжи и подлости. Но, какой угодно ценою, человек должен обладать хотя бы иллюзией моральной оправданности своего поведения.

Конечно, и такая ложь не может долго оставаться безнаказанной. Ее взрыв, психический или физический, часто рискует, рано или поздно, поставить под вопрос самое существование лица наделенного чересчур покладистой совестью.

Весьма любимый современной интеллигенцией, французский писатель XVIII века Донасьен де Сад давал советы, каким образом заглушить у себя угрызения совести. Для этого, по его словам, надо начинать с совсем маленьких нарушений морали, по своей незначительности рискующих не пробудить совесть и затем, постепенно, переходить ко всё худшим злодеяниям. Это значит, что для усыпления совести надо систематически работать над огрубением своей души, что, конечно, неизбежно приведет и к потере многих необходимых для жизни умственных и душевных качеств.

К тому же, нам не известно, действительно ли достигал Сад этим способом желаемых им результатов. В этом можно усомниться. Но самый факт его хитроумных измышлений, как с совестью бороться, доказывает, что даже у такого до мозга костей извращенного и психически тяжело больного субъекта (сколько бы ни возмущались и ни пытались доказать обратное его многочисленные нынешние почитатели), вопрос о совести был весьма актуален и требовал решения.

В случаях менее исключительных, чем истязатели из НКВД или современные коммунизирующие интеллигенты, сколько бы ни было лжи, трусости и мелкой подлости в жизни данного человека, если его послушать, всё всегда бывает, хоть на первый взгляд, внутренне оправдано.

Необходимость и постоянное наличие такого самообмана неопровержимо доказывает серьезность бескорыстных и иных

положительных импульсов, как в жизни отдельного человека, так и в крупных исторических движениях.

Сильнее всех людей на свете не Навуходоносор и не Чингиз-Хан и даже не Юлий Цезарь или Наполеон, а Будда на Востоке и Иисус на Западе, т. е. те, кого люди привыкли отождествлять с добром, с милосердием и с состраданием.

Поэтому, не наивно и не легкомысленно утверждать, что историей на самом деле двигают идеалы, часто весьма высокие, а не кроющиеся за ними материальные интересы.

Люди умирали за своих богов или за свои святыни и в этом состоит всемирная история. Итти же умирать за свои материальные интересы, т. е. ради денег, по крайней мере неблагоразумно. Деньги-то ведь нужны для того, чтобы жить.

Зачастую, выиграть данную историческую битву означало увлечь своей идеей большее количество людей и увлечь их сильнее, чем идеей противника. Победа всегда бывала победой духа. Подлинное духовное напряжение всегда добивалось реализации также и необходимых для победы технических и иных материальных средств. Воистину, «вера горами двигает» и «смелость города берет», не только в переносном, но и в самом прямом смысле слова.

И наоборот, оскудение воодушевлявшей данное общество руководящей идеи, рост скептического к ней отношения, всегда и всюду неизбежно приводили к потере также и политически-силовых и экономических преимуществ.

Жизнеспособна только идея, за которую молодежь готова жертвовать своей жизнью, и только общество, на такой идее построенное.

Рассмотрим еще одну сторону вопроса: *каким образом* та или иная идея захватывает власть над умами и душами людей?

Безотносительная ценность идеи особенно большой роли в ее исторически обусловленном успехе не играет. Часто повторяется нечто похожее на отношение толпы к материальным интересам. Обычно бывает легко внушить человеческой массе уверенность в качественном превосходстве любой идеи над всеми другими, как и в материальных преимуществах там, где их на самом деле нет.

Во всяком случае, одобрение масс зависит не от безотносительного качества или полезности предлагаемых целей или идеалов, а от умения руководить человеческой стихией, от убедительности выдвинутых доводов для тех, к кому они обращены, от доходчивости их словесного или зрительного оформления.

Секрет успеха дела зависит от умения увлечь толпу и по-

вести ее за собой. Но добро увлекает ее сильнее чем выгода. Наилучшими оказываются вожди и теории, которых человеческая масса признает таковыми. А это, как история показывает, удел далеко не всегда морально наилучших, ни даже наиболее умных и одаренных. Это зависит от особого рода очарования и, по словам Гюстава Лебона, даже магии.

Влюбленность тоже нормально вызывается физическими, духовными и моральными качествами возлюбленного. Но на деле часто обладают непреодолимым очарованием как раз наиболее низкопробные субъекты. Нередки случаи осознанного конфликта между сковывающим волю притяжением к предмету влюбленности и пониманием его недостойности.

Субъективно, каждый отдельный участник массового движения уверен в правоте дела, которому он служит, и даже часто бывает готов жертвовать ради него многим. Но для непредвзятого ока, идеи и идеалы — орудия для овладения симпатией масс, а через них и ходом истории. Двигателем остаются сильные личности, служащие катализатором латентных настроений, умеющие пускать идеи и верования в ход, увлекать ими толпу и вести ее за собой.

Корень рассматриваемого нами вопроса — в свойствах необходимых политическому деятелю для овладения умами людей. Тут одинаковую роль играют и накопленный историей практический опыт водительства и разработанная за последние десятилетия техника систематической пропаганды, использующая, в первую очередь, умножение зрительных передач — кино и особенно телевидение — почти безотказно действующее, наиболее сильное магическое средство современности.

Но конечно, намного важнее всего прочего — сила личности. Она одна излучает некий магнетизм, делающий ее обладателя неотразимым. Бывает почти что не важно, что именно такой человек говорит, порою это бывают граничащие с явным вздором общие места. Тут играют решающую роль какие-то иные, предваряющие мысль силы.

Применяя к такого рода явлениям термин «магия», мы не только подчеркиваем их иррациональную природу — вообще весь космос непостижим; мы плывем, погруженные в иррациональную стихию, которая не только окружает нас со всех сторон, но и проникает насквозь все фибры окружающей нас действительности и, в значительной мере, орудует внутри нас самих и двигает нами.

Магия, по сути дела, есть умение использовать эту омывающую всё иррациональную стихию, для определенных целей, могущих быть также и рациональными. Но она приближает нас к эзотерической стороне вопроса.

В наши дни, уже невозможно всерьез отрицать огульно всё эзотерическое, как «бабьи сказки» или «бесмысленные фантазии» и т. п. Самое существование, судьба и природа коммунизма, как и гитлеризма, грандиозность и неправдоподобие происходящих ныне событий, указывают на наличие какого-то темного, но реального эзотеризма за самую же революцией, пусть и не осознанного даже иными ее руководителями. Тем не менее, мне самому случалось среди наиболее одаренных и культурных представителей коммунистической интеллигенции встречать людей, вполне серьезно относящихся к эзотеризму и признающих его реальность. По понятным причинам, решаю назвать только покойника: поэта Клода Сернэ.

При ближайшем рассмотрении причин его возникновения, почти каждое крупное политическое событие упирается в ряд неизвестных, не поддающихся документально проверке. Обычно это принято называть кулисами истории.

Конечно, за этими кулисами скрывается далеко не только одна эзотерика. Чаще всего там предпочитают пребывать темные интриганы, обычно более паразиты исторического процесса, чем его двигатели.

Трудно также ограничить кулисы истории одними только политическими и государственными тайнами, обычно выплывающими на поверхность с течением времени. Часто их разглашают и круги, данной тайною не связанные.

Эзотерическая прослойка истории обычно простирается еще дальше и глубже и сведения о ней обычно имеются чрезвычайные редкие и отрывочные, почти что не поддающиеся проверке.

Примерами такого рода эзотеризма могут послужить роль тамплиеров в Крестовых походах и их разгром французским королем Филиппом Красивым, роль Калиостро в возникновении французской революции или баронессы де Крюденер в создании «Священного союза». Все эти явления так и не получили ни рационального объяснения, ни опровержения от официальных историков. Распутин, жертва интеллигентского тупоумия Милюкова и Пуришкевича, был возможно крупным эзотерическим деятелем, гибель которого сделала революцию неизбежной. То немного, что нам известно о советах даваемых им по вопросам большой политики, указывает на его неизмеримое превосходство над мудрецами приведшими к воцарению Ленина.

Так и оставшаяся загадочной фигура Зигфрида Требича, тоже несомненно, сыграла какую-то роль в возникновении гитлеризма, как и также не выясненная роль Николаи, полковника германского генерального штаба, связанного и со Стали-

ным. Так и не выяснены причины и виновники убийства немецкого дипломата Рехберга, после падения гитлеровского режима, как многое остается невыясненным в московских процессах, даже после хрущевского доклада.

Многое указывает на то, что в истории России, эзотерическая секта хлыстов сыграла, а м. б. и продолжает играть, какую-то очень крупную, хотя м. б. и не всегда положительную, во всяком случае далеко не всегда нам понятную роль. В частности, много говорилось о тесных связях Распутина с хлыстовством.

Но и прежде, многие представители российских правящих верхов и даже высшей церковной иерархии, вплоть до кн. А. Н. Голицына, обер-прокурора Синода при Александре Первом, поддерживали с хлыстами — порою весьма далеко идущую — связь.

Но и это всё — явления относительно близкие к поверхности. Подлинная эзотерика, фактически руководящая судьбами мира и человечества, уходит корнями в неисследимые глубины самих основ мироздания. Вполне возможно, что историей руководят немногие избранные, воплощенные исключительно для проведения в жизнь определенных эзотерических задач, известные лишь крайне узкому кругу посвященных.

Ведь сильнее всего даже не тот, кто ведет за собой полки или толпы, а тот, под чьим влиянием он находится, чью волю он вершит. Этими настоящими двигателями истории часто оказываются совсем незаметные личности, частные лица, личный друг, член семьи, духовник-исповедник, бывший школьный учитель, даже слуга вождя, которых он любит и ценит, которым он доверяет и с мнением которых считается.

Случается, что такая роль выпадает на долю какого-нибудь писателя, автора порою даже мало чем замечательной книжки, но которою крупный деятель руководится в своих решениях.

Что напр. Ленин, на самом деле, гораздо больше считался с мнением Клаузевица, чем Маркса, в настоящее время уже трудно оспаривать. Но Клаузевицем руководился и Геббельс. Вообще роль этого, несомненно эзотерически не заурядного «учителя» всё более приковывает внимание историков, не довольствующихся рутинной. Но, при нынешнем положении дел, узнать что-нибудь достоверное о влиянии на Ленина маркиза де Сада, понятно, не представляется возможным. А между тем, кое-какие намеки на вероятность такого влияния сделаны были.

Немалую роль играют и секретные общества, начиная с наиболее высоко почитаемых и серьезных, вроде элевзинских

тайнств древности или масонов и ротари современности. Но, конечно, еще серьезнее и влиятельнее секретные общества, самые названия которых остаются нам неизвестными.

Вступление в такого рода общества обычно бывает обусловлено высокими моральными качествами и выдающимися способностями кандидата. Следовательно, и тут воля играет немалую роль. Чем секретнее, чем эзотеричнее данное общество, тем труднее в него проникнуть и тем большая сила воли требуется для этого.

Не станем, в этом кратком очерке, касаться вопроса о силах таящихся за секретнейшими из эзотерических обществ. Гипотетически, можно даже допустить, что за какой-то чертой наступают явления сверхчувственного порядка. Но рассмотрение этого вопроса увело бы нас слишком далеко.

Индусский миф о мудреце, который молчит всю свою жизнь, потому что первое-же его слово потрясло бы троны царящих над миром богов, достаточно красноречив сам по себе.

Но чем дальше мы продвигаемся мыслью ввысь и вглубь, тем чаще мы сталкиваемся со всё более сгущенными формами воли, бесплотной, но движущей всем мирозданием.

Было бы ошибкой пренебрегать, пусть и недоступными нашему восприятию, рычагами воли, вроде тех, которые руководили Жаботинским, Фридрихом Великим и, я в этом уверен, всеми другими, по-настоящему великими политическими деятелями.

Всемирная история — борьба волей, в которой побеждают сильнейшие. Идеал становится силой только в руках сильной воли. Несомненно, что Будда и Христос также обладали исключительно сильной волей.

И злое начало бывает вооружено сильнейшей волей. По писаниям интенсивнейших аскетов христианства, даже человеку исключительной духовной силы, при максимальном его напряжении, невозможно оказать Дьяволу, принимающему форму полового соблазна, надлежащее сопротивление. Для этого, советуется уход мыслью в иные области, а не стойкое противодействие просачивающемуся в малейшие щели давлению.

Но имеется некоторая черта, преступить которую воле зла не дано. Наивысшие ступени воли требуют сочетания усилия с целенаправленностью в сторону добра. Выше мы уже указывали на теснейшую связанность добра с психическим равновесием. Она объясняется одноприродностью положительных моральных ценностей с основными законами и со структурой мироздания.

Самая сильная из волей существующих в мире, так сквинтэссенция волевого начала в максимальной степени — Бог. Он соединяет в Своем Лице максимум добра — будучи его первоисточником — с максимумом силы. В этом смысл атрибута всемогущества, приписываемого Ему богословами. Всемогущество не значит что Бог может сделать бывшее небывшим или объявить что $2 \times 2 = 5$. Но в исключительно редких случаях, Он совершает то, что мы называем чудом, т. е. нарушение действующих в созданном и устроенном Им мире законов. Чудо означает абсолют воли, т. е. способность добиться всего, чего Он пожелает.

Сотворение мира было, прежде всего, грандиозным актом воли, как и всякое творчество, невысказанное без волевого начала, единственно способного на реализацию замысла, без которой творчество остается только неисполненной возможностью.

Воля Бога, в сотворенном Им мире, конечно, наибольшая, решающая, хотя и не единственная. Сатана, как показывает этимология этого слова («сатон» на классическом еврейском языке значит «сопротивляться»), есть поляризация воли враждебной Божеской, направленной против осуществления Его намерений.

И воля каждого из нас независима и свободна. Каждый из нас волен выбирать между добром и злом и... потаканием похищению аэропланов. Никаких заранее установленных, по щучьему велению Маркса «железных» законов истории, конечно, не существует. Все разговоры о том, будто напр. крестьянство или торговый класс «осуждены историей на гибель», — не более чем злонамеренная, в лучшем случае основанная на полном невежестве в области экономики демагогия. Чаще всего, эти разговоры не что иное, как заведомое и отнюдь не бескорыстное содействие революции, новая форма коллаборантства с новым деспотизмом. История будет такой, какой мы сами, какой каждый из нас, ее сделают. Конечно, при условии и умении хотеть.

Будущее не предопределено, в любое мгновение все может полностью измениться и принять самый неожиданный вид. Тут ближе всего к истине народная мудрость, согласно которой «как постелишь, так и будешь спать». Это правило относится к истории не менее, чем к частной жизни отдельного человека. Будущее — пластический материал в руках человеческой воли. Любые попытки претворить этот материал заранее в мертвый камень — не более чем реакционнейшие потуги даже будущему навязать свойства прошлого, самую силу вещей осужденные на неудачу.

Проблема нашей эпохи, в частности коммунизма, состоит в том, что демократия, при всех своих достоинствах, не благоприятствует формировке сильных характеров.

Если сторонники добрых начал в современной истории не пожелают сделать суровое усилие для того, чтобы отстоять доверенные им судьбою ценности, злое начало может победить. Ответственность за это падет на тех, кто в течение десятилетий, обладая необходимыми для этого средствами, не использовал их, по халатности, по трусости и по невежеству.

В данном случае невежество западных демократий становится тяжкой виной, потому что оно коренится в недостатке воли к жизни. Всякая борьба предполагает бдительность, а бдительность требует осведомленности.

Западные же демократии равнодушны ко всему, что происходит за пределами каждого данного государства, из-за ни на чем не обоснованного самообожания, ленивой уверенности в собственном превосходстве и мелкого чванства своей принадлежности к когда-то культурному центру мира.

Это превосходство, уже сегодня, западные демократии в весьма значительной мере потеряли и продолжают терять со всё возрастающей быстротой. До недавних пор богатейшие и руководящие литературы Германии, Франции, Англии и США уже сейчас близки к полному бесплодию. Уже сейчас, литература некоторых маленьких или периферийных стран как Швеции, Голландии, многих стран Латинской Америки, Японии и даже напр. Югославии богаче нынешней литературы вышеуказанных четырех китов демократии.

Не стану писать о том, чего не знаю, поэтому не берусь судить, как дело обстоит в других областях деятельности, но вышеуказанный факт, даже если он действительно ограничивается одной только литературой, уже весьма показателен.

В час, когда на мировой арене развязаны грозные, разрушительные, бесчеловечные силы, картина позорного бездействия современных руководителей свободного мира производит впечатление жалкой трусости и смехотворной ограниченности кругозора.

Как могут претендовать, не то что на мировую роль в истории, но хотя бы на продление своего существования, люди неспособные приостановить ставшие чуть ли не ежедневными похищения самолетов их смертельными врагами, а то и просто шутниками и всякими бездельниками, всеми « кому не лень »?

Неужели они на самом деле не понимают, что для этого достаточно в каждом готовом к отлету самолете поставить двух — трех здоровенных верзил с приказом никого не подпускать к

пилоту? Или, м. б. и это было бы «насилием над совестью» похитителей?

Но всем уже ясно, что пораженная патологической абулией западная демократия потерпит всё, позволит все, лишь бы ее оставили «спокойно спать».

Спать ее спокойно, разумеется, никто не оставит: если сегодня от нее добились абсолютной безнаказанности и полного отказа от всякого сопротивления тем, кто открыто заявляет о своем намерении ее уничтожить, то завтра неприятель заставит ее активно служить своим целям. Этот последний процесс уже сейчас в полном ходу, напр. в университетах или по отношению к Греции. Завтра их заставят подавлять силой оружия своих же сторонников, в угоду своим заведомым противникам. Запад встал на путь самоубийства по внушению.

Тогда, конечно, прощай привольное житье по «повышенному стандарту», в жертву которому Запад приносит все свои и все общечеловеческие ценности. Полное рабство будет неизбежным последствием абулии и становящегося болезненным мелкого эгоизма.

Если западные демократии, по-видимому, уже непоправимо, осуждены историей на бесславный конец зябкого морфинмана, согласного принять яд за получение последней дозы наркотика, то это отнюдь не означает, для всего человечества, неизбежной гибели от повсеместного воцарения революционного тоталитаризма.

Сквозь переживаемую нами смуту, вызревает выход из положения. Переживаемые человечеством испытания неизбежно отзываются в душах м. б. большего количества людей, чем это может показаться на первый взгляд. Кто мог в свое время предположить, что казнь студента Ульянова, покушавшегося на жизнь Александра III, разожжет месть в груди его младшего бездарнейшего брата? Ведь это было единственное человеческое чувство, на которое был способен манияк Ленин.

Кто может знать, что происходит ныне в сотнях миллионов душ стенающих под пятою небывалого в истории угнетения, глядя на неисчислимые невинные страдания, вопиющие несправедливости, безнаказанные преступления режима, даже теоретически не признающего ценности человеческой жизни?

Чего стоит, хотя бы, один только Павлик Морозов!

Океан человечества всегда долго молчит перед бурей. А грузило способное исследовать мысли, силы и решения, зреющие в тайниках составляющих его неисчислимых душ, еще не найдено.

Каждая жертва или обман революции — удар молота вы-

ковывающий волю, которая ее победит. В этом суть диалектики истории нашей эпохи.

По формуле Ламарка, « функция творит орган ». Образование орудия способного сразить революцию — болезненный процесс, тем не менее неизбежно приводящий к результату.

За обманчивой видимостью всеобщей покорности, в молчании растут, крепнут и множатся волевые личности, которые, в нужную минуту, выкристаллизуют историческую силу, уже потому одному более мощную чем нынешний марксизм, что она вырастает из созданной им почвы и отвечает на поставленные им вопросы.

Эммануил Райс

Еще о Михаиле Булгакове

(Проза)

М. А. Булгаков большой, очень большой писатель, как по темам, им затрагиваемым, так и по высоко художественному языку своей прозы. Его последний роман, «Мастер и Маргарита», переведенный на французский язык, познакомил с ним новый круг читателей. Но хочется еще раз напомнить, что до написания «Мастера и Маргариты» Булгаков был уже вполне законченным мастером слова.

Юмористом, сатириком, мыслителем, каким проявил себя писатель в последнем романе, Булгаков был уже в своих первых произведениях, как в прозаических, так и в драматических.

К 20-ым годам относится ряд сатирических рассказов. «Записки на манжетах» — гротескная картина нравов литераторов, издателей, репортеров. Сборник «Дьяволиада», куда вошли «Роковые яйца» — сатира на тупость и невежество многих кадров того времени, «Дом № 13», «Похождения Чичикова», где мы встречаем старых знакомых, Собакевича и Ноздрева в современном обличье. С этого момента критика стала нападать на Булгакова, упрекая его в «злопыхательстве», в клевете на советскую действительность.

К 20-ым годам относятся также мелкие юмористические рассказы, изданные в 1926 г. Читая их, невольно думаешь о Зоценко. Но можно ли говорить о влиянии Зоценко? Писатели были современниками, Булгаков даже старше на четыре года, но он не остановился на этом жанре.

По всей вероятности, эти рассказы мало знакомы широкому читателю, поэтому приведу некоторые выдержки из них.

Вода жизни.

В лавку привезли водку. Люди дежурили заранее. Первые два уже ломались в дверь.

«...Номер третий летел в это время по дороге к лавке и, бухая кулаками во все окошки, кричал:

— Братцы, очищенное привезли!

Калитки захлопали.

Четвертый номер вынырнул из ворот и брызнул к лавке, на ходу застегивая подтяжки. Пятым номером вдавился в лав-

ку мастер Лукьян, опередив на полкорпуса местного дьякона (шестой номер —)... »

« ...Поселок оказался и люден и оживлен. Вокруг лавки было черным черно. Растерянная старушонка с бутылкой изпод постного масла бросалась с фланга на организованную очередь повторными атаками.

— Анафемы! Мне ваша водка не нужна, мяса к обеду дайте взять! — кричала она, как кавалерийская труба.

— Какое тут мясо! — отвечала очередь. —

Вон старушку с мясом!... »

Египетская Мумия

В Ленинграде граждане увеселяются в Народном доме. Там показывают египетскую мумию в виде живой головы. Председатель месткома задает мумии вопросы.

— « А скажи, дорогая мумия, что ты делала до февральского переворота?

И тут мумия побледнела и сказала :

— Я училась на курсах.

— Тэк-с. А скажи, дорогая мумия, была ты под судом при советской власти и, если не была, то почему?

Мумия заморгала глазами и молчит.

.....

— А что б ты сделала, если б ты увидела коммунистов в церкви? А кто такой тов. Стручка? А где теперь живет Карл Маркс?

Молодой человек видит, что мумия засыпалась, сам кричит по поводу Маркса :

— Он умер!

А председатель рявкнул :

— Нет! Он живет в сердцах пролетариата... »

Несколько рассказов в форме корреспонденций. Вот один из них.

Ванькин дурак

В одном провинциальном городе родилось у двух работниц по девочке. Ванькин (активист) предлагал имена : Баррикада и Бебелина. Матери отказались. Тогда Мессалина и Пестелина. Отказались. Общими усилиями дали : Роза и Клара. Решили устроить октябрины.

В клубе собрались все. Матерей усадили на сцену с младенцами в конвертах. Предложили желающим слово. Выступил Ванькин. Он предложил почтить память дорогих борцов

похоронным маршем. Грянула музыка. Все встали. « В это время вдруг окрестность огласилась рыданием матери № 2, Дарья, вследствие того, что ее младенчик Розочка на руках у нее скончалась. —

Была картина я вам доложу! Первая мать только сказав Ванькину: — Спасибо тебе, сволочь, — брызнула вместе с конвертом к попу и тот не Кларой, а просто Марьей окрестил ребеночка в честь матери.

Весь отставший старушечий элемент Ванькину учинил такие октябрины, что тот еле ноги унес через задний ход клуба ».

В 1916 г. М. Булгаков окончил медицинский факультет с отличием, но, по его словам, « судьба сложилась так, что ни званием, ни отличием не пришлось долго пользоваться ». Однако он все же проработал врачом около двух лет в далекой провинции, что дало возможность молодому писателю написать серию прелестных рассказов « Записки юного врача ».

« В начале 1921 г., рассказывает Булгаков в своей автобиографии, я бросил звание с отличием и писал. Жил в далекой провинции и поставил на местной сцене три пьесы. Впоследствии в Москве, в 1923 г., перечитав их, торопливо уничтожил. В конце 21-го г. приехал без денег, без вещей в Москву, чтобы остаться в ней навсегда. В Москве долго мучился; чтобы поддержать существование, служил репортером и фельетонистом в газетах и возненавидел эти звания, лишённые отличий. Заодно возненавидел редакторов, ненавижу их сейчас и буду ненавидеть до конца жизни ».

В 20-ые годы Булгаков сотрудничал в московских бесчисленных периодических изданиях. Надо полагать, что эти мелкие рассказы и были частью фельетонов и репортажей. Это живые сценки, выхваченные из жизни, из современного ему быта. Пусть они будут грубоваты, но в них молодой писатель вырабатывал свой стиль, пробовал свой юмор и сатиру.

Записки юного врача — рассказы из личной врачебной практики автора, в которых он, безо всякой рисовки и сентиментальности, с тонким юмором, описывает свои первые ошибки и удачи.

Прямо из Москвы, привыкший к культурной жизни, к театру, автор попадает в глушь и слякоть. Вот он едет с вокзала в больницу.

« ...А сверху сеет и сеет, и стынут кости... И пока умираешь медленно смертью, видишь одно и то же, одно. Справа горбатое обглоданное поле, слева чахлый перелесок, а возле

него серые драные избы, штук пять или шесть. И кажется, что в них ни одной живой души. Молчание, молчание кругом... »

А дороги!

— «Эх... товарищ доктор, — отозвался возница, тоже еле шевеля губами под светлыми усишками, — пятнадцать годов езжу, а всё привыкнуть не могу ».

И в первую же ночь — ампутация. Ему пришлось отрезать ногу молодой красивой девушке, попавшей в мялку.

«Как он влетел, я даже не сообразил. Помнится, болт на двери загремел, Аксинья что-то пискнула. Да еще за окнами проскрипела телега.

Он без шапки, в расстегнутом полушубке, со свалывшейся бородкой, с безумными глазами.

Он перекрестился, и повалился на колени, и бухнул лбом в пол. Это мне.

«Я пропал », — тоскливо подумал я...

...Только чтоб не померла. Только чтоб не померла. Ка-лекой останется — пуцай. Пуцай! — кричал он в потолок. — Хватит прокормить, хватит.

Бледное лицо Аксиньи висело в черном квадрате двери. Тоска обвилась вокруг моего сердца... »

Молодой интеллигент-идеалист, брошенный один в деревню, изнемогающий и от ответственности и от своей неопытности, борется со смертью, со своей робостью, с невежественностью.

«Тьма египетская » — название одного из рассказов.

«За окошками нет ничего! Тьма... »

Электрические фонари за сорок верст. Это снаружи. А больные! — один горчишник на тулуп налепил и удивляется, что не помогает; другой, мельник из «интеллигентных » — принимает зараз порцию хинина на десять дней, его едва спасли. Роженицам для облегчения дают волосы жевать, при неправильном положении подвешивают к потолку кверху ногами, засовывают сахар-рафинат, чтобы выманить младенчика на свет Божий.

«...потянулась плененою тьма египетская... и в ней будто бы я... не то с мечом, не то со стетоскопом. Иду... борюсь... В глуши ».

Рассказы эти проникнуты настоящим гуманизмом, любовью к ближнему, сознанием своего долга — всё лучшее, что заключала в себе русская интеллигенция. Спокойный повествовательный тон, который не нарушают лирические отступления полные иронии и легкой грусти. Вместе с тем автор за-

трагивает волновавшие его проблемы взаимоотношений культуры и стихии, народа и интеллигенции.

Врач, интеллигент, остаеся верен своему идеалу, он носитель культуры — кому много дано, с того много и взыщется. Каждый день начинался «новый бой». Одну мысль носил себе доктор — как спасти больного. Смерть — «я ее ненавижу», писал Булгаков.

«Крупный снег шел, всё застилало, фонарь горел и дом мой был одинок, спокоен и важен».

Образ метели, вьюги, пурги является фоном многих рассказов.

«Вьюга» — рассказ с глубоким содержанием. Эпиграфом к нему взят стих из пушкинской «Метели».

То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.

Перед нами встает образ врача, исполняющего свой долг как бы против воли.

«...А за окнами творилось что-то, мною еще никогда не виданное. Неба не было, земли тоже. Вертело и кружило белым и косо и криво, вдоль и поперек, словно чорт зубным порошком баловался...»

Больных было мало, доктор решил искупаться. Нагрели воду и доктор залез в корыто. Но ему не дали помыться. За ним приехали чтоб везти к больной с проломленным черепом. Врач «кротко простонал и вылез из корыта». Спасти умирающую ему не удалось. Несмотря на уговоры остаться переночевать доктор не соглашается и велит везти себя обратно. Их замело, лошади стали. Насилу он отстрелялся от волков, насилу они нашли дорогу и дом.

«Озолотите меня, — заговорил возница, — чтоб я в другой раз... — Он не договорил, залпом выпил разведенный спирт и крякнул страшно...»

«... — Озолотите меня, — задремывая, пробурчал я, — но больше я не по...»

— Поедешь... ан, поедешь... — насмешливо засвистала вьюга. Она с грохотом проехала по крыше, потом пропела в трубе, вылетела из нее, прощуршала за окном, пропала...»

Эти символические образы вьюги, бесов, пурги, связанные с именами Пушкина, Гоголя, Блока, встречаются у Булгакова не раз. В «Последних днях», драме о смерти Пушкина, Биткову, тайному сыщику, приставленному к поэту, запомнилось единственное стихотворение «Бесы», которое он считает лучшим произведением Пушкина.

**
*

Вьюга — символ стихийных сил, революции. Тема — культура и революция — одна из главных в «Белой Гвардии», создававшейся в ту же эпоху. Как у Блока :

«Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга, ой, вьюга!»

Эпиграф к роману взят из «Капитанской дочки».

«Пошел мелкий снег и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл, сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем. Все исчезло. — Ну, барин, — закричал ямщик, — беда : буран!»

Поэт, художник мыслит образами. Они сильнее действуют на воображение читателя и зрителя, непосредственнее доходят до его сознания. Булгаков — писатель обладал этим даром в совершенстве.

Культура и революция. Некоторые критики интерпретируют это «и» как «или» для писателя. Но одно дело обреченность и гибель старого буржуазного мира, другое дело гибель культуры, накопленной веками.

Носителями и продолжателями этой культуры была русская интеллигенция, ее представителями в романе были Турбины. Но так ли это? Можно ли считать Турбиных типичными русскими интеллигентами? Вопрос не такой простой. Как определить интеллигента?

Сейчас мы подходим к этому вопросу с психологией конца XX века. Перед нами живет французская интеллигенция, которая искажает образ русского интеллигента. О советской интеллигенции не берусь судить, но думаю, что она ближе к образу своих предшественников, чем к образу западного интеллигента.

Интеллигент отличается своим служением идеалу, незаинтересованностью, приматом духовных ценностей.

Симпатия автора явно на стороне Турбиных, в которых он вложил часть самого себя и своей семьи. Турбины — интеллигентная, честная благородная семья, как и семья Булгаковых, в которой было три брата и четыре сестры. Старшая сестра выведена в образе Елены. В семье еще царит покой, порядок, уют, традиции, унаследованные от родителей, которые кажутся детям единственными возможными и необходимыми для счастья людей. Они люди чести, верны своему офицерскому долгу, они защищают старый строй, потому что давали присягу. Они вовсе не защищают свои привилегии (да ведь они не высшая аристократия, не банкиры и не разбогатевшие бур-

жуи), они не трусы и не прячут, как Василиса, их домовладелец, « инженер и трус, буржуй и несимпатичный », за закрытыми ставнями ассигнации.

А вот Тальберг, муж Елены, чуждый по духу им всем человек, никакому идеалу не служит и при первой возможности бежит с немцами оставляя не только город, но и свою жену.

« Никогда не убегайте крысёй побезжкой на неизвестность от опасности. У абажура дремлите, читайте — пусть воет вьюга — ждите пока к вам придут ». Тальберг же бежал.

« О, чортова кукла, лишённая малейшего понятия о чести!... и это офицер русской военной академии. Это лучшее, что должно быть в России... » — думает Алексей Турбин. Лучшими оказываются другие.

Но можно ли назвать Турбиных и их друзей представителями русской интеллигенции? Нет. Они представители старой России, честных подданных Его Величества. Никто почти не задаёт себе вопросов, не мучается сомнениями, кроме старшего Турбина. Он единственный силится понять происходящее вокруг, т. к. видит, что наступивший буран сметает и разрушает весь прежний уклад, уничтожает прежние идеалы, на их глазах рушится старый мир и наступает хаос. Но культура не гибнет. Ведь « Фауст, как Саардамский Плотник — совершенно бессмертен », утверждает автор.

« Но как жить? Как же жить? » — восклицает автор-Турбин. Он устал, он измучен четырехлетней войной. Он мечтает о покое, а тут : « ...Давно уже начало мести с севера, и метет, и метет, и не перестает, и чем дальше, тем хуже... становится все страшнее и страшнее. На севере воет и воет вьюга... »

В 20-ые годы критика нападала на Булгакова, считая, что в « Белой гвардии » автор проводит апологию белого движения. Нужно быть слепым, чтоб утверждать это. Да, автор любит своих героев. Ведь он же сказал : « Героев своих надо любить; если этого не будет, не советую никому братья за перо — вы получите крупнейшие неприятности, так и знайте » (Театральный роман).

Алексей Турбин-Булгаков был свидетелем событий 1918 г. в Киеве. Он описывает предательство штабных, бегство гетмана и главнокомандующего. Город оставили Петлюре.

« ...И во дворце, представьте себе, тоже нехорошо. Какая-то странная, неприличная ночью во дворце суета... »

« ... и лица у лакеев стали как будто наглыми, и в глазах заиграли веселые огни... »

Как тонко и верно передает автор перемену положения.

Булгаков рисует положение в городе, психологию людей, жителей и беженцев из Москвы и Петербурга.

« Бежали седоватые банкиры... бежали журналисты, московские и петербургские, продажные, алчные, трусливые... Бежали князья и алтынники, поэты и ростовщики, жандармы и актрисы... »

« Большевиков ненавидели. Но не ненавистью в упор, когда ненавидящий хочет идти драться и убивать, а ненавистью трусливой, из-за угла, из темноты... »

Но другие, армейские штабс-капитаны, юнкера, поручики, бывшие студенты тоже ненавидели большевиков, но « ненавистью горячей и прямой, той, которая может двинуть в драку ». К таким принадлежали Турбины и их друзья.

Грозные события, непонятные события надвигались. Узнали, что металлический Вильгельм был повержен. И люди видели, как на глазах их линяли немцы. И ужас обуял их.

« Немцы побеждены, — сказали гады.

Мы побеждены, — сказали умные гады.

...Кончено. Немцы оставляют Украину. Значит, значит — одним бежать, а другим встречать новых, удивительных, незваных гостей в Городе. И, стало быть, кому-то придется умирать. Те, кто бегут, умирать не будут, кто же будет умирать? »

И честные офицеры, Турбины, Мышляевский, Карась, Най-Турс, верные своему идеалу, готовы были умирать. И умирали.

Но умирали и другие

« и судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими... »

Эти стихи из Апокалипсиса взяты вторым эпитафием к роману.

Алексей Турбин готов был умереть, хотя « и бежал по плацу достаточно большой и издерганный, сжимая браунинг в кармане, бежал чорт знает куда и зачем ».

Что же важнее, в конечном счете? Идея, теория, идеал, как бы велики и истинны они ни были, или человек, его жизнь, его судьба, его дела?

Булгаков дает ответ : человек. Одно из самых многозначительных мест в романе — сон Турбина.

Снится ему рай. И в нем полковник Най-Турс, спасший свой взвод юнкеров, но сам погибший. Он в светозарном шлеме и кольчуге, с сиянием над головой. В раю же вахмистр Жи-

лин, срезанный огнем в 1916 г., сам доктор Турбин перевязывал ему рану. Он тоже витязь и глаза сходны с глазами Най-Турса — « чисты, бездонны, освещены изнутри ».

У Турбина на душе « безотчетная радость », а от взора Жилина теплело в сердце. Жилин рассказывает: Прямо эскадромом, с обозом и приставшими бабами, попали в рай, и апостол Петр всех пустил.

« С бабами? Так и вперлись? — ахнул Турбин ». Жилин рассказывает, места уйма и видит еще хоромы — « звезды красные, облака красные ».

« А это, — говорит апостол Петр, — для большевиков, с Перекопу которые ». Турбин не верит. Жилин объясняет, что сам не верил.

« ...Как же так, говорю, Господи, попы-то Твои говорят, что большевики в ад попадут? Ведь это, говорю, что-ж такое? Они в Тебя не верят... »

« Ну, не верят? » — спрашивает....

« Пуцай. Ведь мне-то от этого ни жарко, ни холодно... Один верит, другой не верит, а поступки у вас у всех одинаковые... »

В самом конце романа показана станция, на которой стоит бронепоезд « Пролетарий ». А рядом с паровозом ходит человек, он устал и зверски озяб. Человек рвался взором к звездам. « Удобнее всего ему было смотреть на звезду Марс... Она сжималась и расширялась, явно жила и была пятиконечная... Изредка, остановившись, человек... мгновенно и прозрачно засыпал... Выростал во сне небосвод невиданный... Душа человека мгновенно наполнялась счастьем... Выходил неизвестный, непонятный всадник в кольчуге и братски наплывал на человека... сосед и земляк... »

— Жилин? — говорил беззвучно, без губ, мозг человека... »

Как бы заключительным аккордом, автор вновь повторяет слова взятые эпиграфом :

« ... и судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими... »

Судимы мертвые. — Это там. А здесь? Здесь вьюга, метель, здесь трупы, здесь « девичьи косы, метущие снег, огнестрельные раны, звериный вой в ночи, мороз... »

« А зачем оно было? Никто не скажет. Заплатит ли кто-нибудь за кровь? »

Нет. Никто.

Просто растает снег, взойдут пышные всходы... задрожит зной над полями, и крови не останется и следов. Дешева кровь на червонных полях, и никто выкупать ее не будет.

Никто ».

Можно ли назвать автора пессимистом? Нет. Булгаков — верующий христианин. Значит, верит в бессмертие души. Значит, здесь, на земле, не надо ждать не только вознаграждения, но и простой справедливости. Каждый исполняет свой долг, как он может и где он может. Поражает отсутствие злобы у автора. И хотя мы ясно видим к кому автор относится с любовью и кого осуждает, но в романе нет призыва к мести, нет даже желания возмездия.

Христианский подход ко всему вынес Булгаков из семьи. Образ Христа преследовал всех Булгаковых. Тема Христа, реального Христа, появляется уже в его первом романе.

Алексей умирает. Елена молит о чуде.

И вот « Он появился рядом у развороченной гробницы, совершенно воскресший, и благостный, и босой... Совершенная тишина молчала за окнами, день темнел страшно быстро, и еще раз возникло видение — стеклянный свет небесного купола, какие-то невиданные, красно-желтые песчаные глыбы, масляные деревья, черной вековой тишью и холодом повеял в сердце собор ».

Чтобы понять « Мастера и Маргариту », можно и не знать « Белой Гвардии », но, чтобы лучше понять самого писателя, эти два произведения надо связать. Отец Булгакова говорил : Зла отвергнуть нельзя, но зло можно побеждать.

Христос и дьявол.

Два главных и лучших произведения Булгакова затрагивают эту тему. Они — начало и конец, альфа и омега всего творчества Булгакова.

В первом романе еще есть надежда — после всех ужасов войны, жестокости, ненависти, Петлюры, бегства штаба и гетмана — большевики как строгая, карающая, но справедливая сила.

Но в глубине души у автора-Турбина родились странные мысли. Вначале носителем их стал несчастный сифилитик, поэт-неудачник, написавший богохульные стихи, которые были даже напечатаны в Московском сборнике, благодаря дружеской помощи « гениального » человека, Шполянского. Образ его довольно неясен. Он поэт, оратор, организатор. Он увлекает людей. Сначала бедный сифилитик молится на него, а потом молит Бога о прощении, просит помощи и излечения, а также избавить его от Мих. Сем. Шполянского. Шполянский оказывается большевицким шпионом.

Несчастный больной приходит к доктору Турбину на прием.

« Злой гений моей жизни, предтеча антихриста, — говорит он, — уехал в город дьявола ».

— Он приведет полчища аггелов на Город в наказание за грехи его обитателей, и виден уже издали лик Сатаны, — продолжает больной — и ждут еще людей великие испытания и придут они очень скоро.

Турбину кажется, что он уже слышал где-то эти слова, но он отмахивается от них, как от дурмана, советует больному поменьше читать апокалипсис. У него религиозное помешательство, кончит он в психиатрической больнице, предостерегает Турбин.

Над грешной землей поднимается в мрачную черную высь полночный крест Владимира, и кажется издали, что он превратился в угрожающий острый меч.

« Но он не страшен. Всё пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему? »

Ответ на заключительный вопросительный знак надо искать в последующих произведениях Булгакова. Но может ли человек дать ответ? Невольно на вопрос отвечаешь вопросом.

В других произведениях, главным образом драматических, автор говорит о волнующих его вопросах, о взаимоотношениях личности и среды, артиста и общества, гения и посредственности.

Многие критики стараются разгадать тайный смысл, заключенный в романе « Мастер и Маргарита », в котором писатель расширяет, углубляет тему, затронутую в первом романе, подводит нас к самым истокам метафизических начал — Добра и Зла. Существует ли абсолютное добро и абсолютное зло? Автор не дает, не может и не хочет дать ответа, но он остается верен своему внутреннему глубокому убеждению — зло нельзя отвергнуть, но Любовь побеждает зло.

Е. Николаева

Памяти Е. Н. Рощиной-Инсаровой

Исполнилось уже сорок дней со дня кончины талантливейшей русской актрисы Екатерины Николаевны Рощиной-Инсаровой, по мужу графини Игнатьевой.

Не буду писать о таетральной карьере Екатерины Николаевны — о ней уже писалось подробно в русской зарубежной печати, в частности, Норой Лидарцевой в «Русской Мысли» от 9 апреля. Мне же хочется помянуть Рощину не только как известную актрису, но и как прекрасного человека, талантливого, умного, сердечного и горячо любившего Россию. Поражала в ней необыкновенная молодость и сила духа, которые всегда, несмотря на недуги, убожество жизни, старость, не покидали ее. Должно быть, присущий ей талант был источником этой силы духа.

Она к тому же была глубоко религиозна.

Познакомилась я с ней в Париже. Случилось это так. Князю Феликсу Юсупову, жившему в 20-х годах в своем особняке в Булони, пришла мысль устроить любительский спектакль. В его чудесном доме был очаровательный маленький театр, весь расписанный художником Яковлевым. Князь пригласил Екатерину Николаевну, которую он очень любил, в качестве режиссёра и я, тогда еще совсем молоденькая девица, попала в образовавшуюся любительскую труппу.

Рощина-Инсарова хорошо знала нашу семью еще в Москве, бывала часто в гостях у моей бабушки Глебовой на Большой Молчановке и дружила с моими тетями и моей матерью; но я познакомилась с нею впервые в доме у кн. Юсупова. Екатерина Николаевна была в те времена далеко не старой, очаровательной тоненькой женщиной. Меня поразили ее грудной низкий голос, темные живые глаза и удивительно подвижное выразительное лицо. Она сразу привлекла к себе наши сердца. С ней всегда было легко, просто и весело. Без всякого, казалось, усилия с ее стороны показывала она нам как надо играть. Достаточно было ей самой, хоть на секунду, перевоплотиться то в Мерчуткину («Юбилей» Чехова), то в даму приятную во всех отношениях, — как показываемый ею образ выявлялся одним характерным жестом, интонацией, выражением лица. Спектакли эти имели большой успех и, помню, все — и зрители, и актеры — очень веселились, присутствуя или участвуя в них.

Позже Рощина ставила уже в Париже большие любитель-

ские спектакли: «Лес» Островского, «Завтрак у Предводителя», «Псишу», комедию из крепостной жизни, и наша любительская труппа пополнилась и другими актерами. Во время репетиций мы очень сблизились и полюбили «нашу Рощину», которая всю душу вкладывала в работу с нами.

Часто Екатерина Николаевна приезжала к нам в гости, — и Боже, как интересны бывали ее рассказы о Москве, о тогдашних знаменитых людях: писателях, актерах, художниках. Ек. Ник. не просто рассказывала, а умела передать, и часто с таким юмором, характер, повадку каждого из них. Весь быт старой дворянской, театральной, художественной Москвы, хлебосольной, уютной, своеобразной и забавной вставал перед нами. Будучи сама глубоко русским человеком, отлично понимала Рощина русскую душу. Рассказывая о моей бабушке, как веселила она нас, изображая бабушкину ворчливую горничную. Внезапно лицо у Рощиной изменялось — нижняя губа ее отвисала, глаза суживались — «Что это вы, Софья Николаевна, опять не ту шляпу надели!» — шамкала Рощина, и Аннушка как живая стояла перед нами. Так же легко преобразилась она в загулявшего русского парня с гармошкой и картузом на затылке. Знала Рощина разные прибаутки и поверья. Например, уверяла, что верит в домового и что надо, чтобы задобрить его, ставить горшок с кашей на стол. Она, видно, так любила этот народный русский быт, что невольно, слушая ее, верилось и в домовых и в русалок.

Хочется еще сказать о необыкновенном ее мастерстве читать стихи. Помню, как на одном концерте читала Рощина стихи Бунина «Алёнушка». Как это передать? Надо было ее слышать! Вспоминая ее чтение, кажется, что она сама и была та Алёнушка, которая «сожгла леса до пёнушка».

Но время шло, много тяжелого пережила наша Рощина. Жила она последние свои годы в русском доме для престарелых в Cormeille-en-Parisis. Поселилась она в маленькой комнатке, стены которой были все завешаны фотографиями. Любила она, когда к ней приезжали, любила угостить, напоить чаем; живо интересовалась всем, с участием расспрашивала о жизни, вспоминала старое. Лицо ее, несмотря на годы, было всё так же выразительно, она оживлялась, глаза сияли и не хотелось с ней расставаться. На прощанье водила она показать свой садик — цветы, которые выращивала она перед домом. Последний раз, прошлым летом, застала я ее лежащей в постели, худенькую, слабенькую. Как всегда, обрадовалась она, потому стала жаловаться на старость, болезнь, неотвязчивый бронхит.

— Ну, Катерина Николаевна, душечка! Прочтите, пожа-

луйста, стихи Некрасова, я так люблю, как вы их читаете, — попросила я ее и надо было видеть, как мгновенно преобразилось ее лицо, как молодо зазвучал ее голос.

«Звезды меркнут и гаснут, в огне облака...» — читала она, и видела я это раннее зарождающееся утро, где-то в России, небо розовеющее над большой тихой рекой и росу на кустах. «Далеко, далеко колокольчик звенит...» — колдовала Рощина, а у меня сдавило горло и я не могла удержать внезапных благодарных слёз.

Трудно поверить в ее смерть: не вяжется она с вечно живым вдохновенным образом Екатерины Николаевны и конечно, думается, не умерла ее живая горячая душа.

Похороны ее были очень торжественны — отпевание состоялось в кафедральном соборе на рю Дарю, много было людей, много цветов, прекрасно пел хор. Гроб ее был весь покрыт венками и еще и еще шли люди с цветами, которые складывали у гроба. Грустно и тяжело было провожать ее. Была она для меня и моей семьи настоящим другом, чутким, сердечным и незаменимым. С ней ушла целая эпоха блестящего театрального прошлого, в котором занимала она одно из первых мест.

А. Сагацкая-Толстая

В ГОСТЯХ У РЕЙНГАРДТА

Один из наиболее выдающихся деятелей театра нашего века, безусловно, Макс Рейнгардт — знаменитый немецкий актер и режиссер.

Свою актерскую деятельность начал он в 1894 году в Берлинском Немецком театре, играя преимущественно характерные роли (Энгstrand в «Привидениях» Ибсена, Аким — «Власть тьмы» Толстого). Как режиссер впервые начал работать в конце девяностых годов. Он первый поставил в Германии пьесу Горького «На дне», в которой сам играл роль Луки.

Основное внимание Рейнгардт уделял мастерству актера и культуре речи, утверждая, что «актер поэт, творец, которому принадлежит главное место в театре». Одновременно он придавал большое значение целостности спектакля, стремясь создать хороший ансамбль. Известный театральный критик П. Марков говорит: «Своеобразный талант Рейнгардта и его жадность к работе толкают его от одной постановки к другой. Он не только ставит спектакли, но одновременно руководит четырьмя театрами в Берлине и двумя в Вене. Он не только режиссер необыкновенной, поражающей и разнообразной фантазии, но и великолепный организатор, собиратель и открыватель актеров, увлекающий их своими замыслами, неожиданной сменой режиссерских приемов».

Перед первой мировой войной Рейнгардт привозил в Россию своего «Царя Эдипа», которого ставил на арене цирка. Постановка произвела огромное впечатление благодаря силе и мощи режиссерских приемов.

Он очень ценил Московский Художественный театр и его руководителей и в 1928 году прислал К. С. Станиславскому и В. И. Немировичу-Данченко адрес и бриллиантовые знаки почетных членов театров Рейнгардта.

Ему также принадлежит идея создания в Зальцбурге театральных фестивалей, где впервые в 1920 г. на площади перед собором он поставил средневековую мистерию «Каждый человек».

Режиссерские достижения Рейнгардта оказали большое влияние на развитие театрального искусства всего мира, в том числе и на театры России.

В 1938 г. Рейнгардт эмигрировал в США и в Голливуде поставил несколько интересных фильмов на сюжеты Шекспира...

В августе 1926 г., находившийся в то время в Берлине С. Л. Бертенсон получил приглашение Рейнгардта посетить вместе с директором кино-студии «Юнайтед Артистс» Джозефом Скэнком, его замок Леопольдскрон под Зальцбургом. С Рейнгардтом Бертенсон был знаком раньше, но в его замке никогда не бывал и с радостью принял приглашение. В его архиве имеются записи об этом коротком визите :

«Уже давно я много слышал об исключительных красотах замка Леопольдскрон под Зальцбургом, в котором проводит свои короткие досуги Макс Рейнгардт и потому, когда мне представилась возможность воспользоваться любезным гостеприимством знаменитого режиссера и побывать у него, я очень этому обрадовался. Правда, времени в моем распоряжении было чересчур мало для того, чтобы даже бегло ознакомиться со всеми достопримечательностями и замка и самого города Зальцбурга, в котором Рейнгардт каждое лето устраивает так называемые «Празднества», объединяющие драматическое, музыкальное и пластическое искусства, но всё же я решил, что лучше мало чем ничего.

Дорога из Берлина в Зальцбург, который расположен между Баварской границей и живописными равнинами австрийского Тироля, лежит через Баварию. Совершенно необыкновенно красивые ландшафты : изумрудная зелень садов и лугов, густота лесов, горы и лощины, извилистые речки и ручьи и какая-то особенная «прибранность» природы и окружающей его жилья.

После довольно серого утра, к полудню стало ярко солнечно и Зальцбург встретил нас жарким, чисто летним днем, хотя дело было уже в половине августа. Остановившись в городе было некогда и автомобиль мчал нас прямо в Леопольдскрон. Не широкая, но быстрая и извилистая речка Зальца как нельзя лучше окаймляет тесно расположенные по ее берегам старинные домики. Это еще пригород. По узеньким улицам въезжаем в город, в котором множество великолепных зданий в стиле барокко. Миновав город, автомобиль понесся мимо полей и затем мы очутились в аллеях тенистых каштанов и остановились у высокой чугунной решетки с гербом бывших владельцев замка. Шофер дал гудок и нас впустили в Леопольдскрон.

Краткая история замка такова : В половине XVIII века, в связи с выборами нового архиепископа, происходило много волнений в духовных и политических кругах. В то время архиепископ был главою маленького Зальцбургского герцогства и потому политические соображения играли не малую роль при

выборах. Кончилось тем, что был выбран совершенно чуждый краю человек — граф Леопольд Фирмиан, в котором борющиеся стороны видели лишь простую фикцию.

Новоизбранный архиепископ оказался самым яростным гонителем всех протестантов, евреев, цыган... и актеров. Его целью было очистить Зальцбург от всех этих «нечестивцев». Шло непрерывное гонение на всех, кто не принадлежал к католической церкви. Не обращая внимания на религиозную терпимость, провозглашенную Вестфальским договором, и вопреки возмущению протестантских правителей германских государств, он через несколько лет переправил всех «неверных» через границу Зальцбурга и обратил свой край в цитадель католичества. Когда это было достигнуто, он позволил себе отвлечь свои интересы в сторону художественную и в 1736 году построил замок Леопольдскрон, истинную жемчужину австрийского барокко. Замок этот Фирмиан перед смертью подарил своему племяннику.

Мог ли он думать, что устраивая свою замечательную резиденцию, воздвигая для нее стены из мрамора, украшая великолепными картинами и другими произведениями искусства, он построит дворец, который будет затем переходить из рук в руки, пока его наконец не приобретет Макс Рейнгардт, представитель того самого театра, который Фирмиан так ненавидел?

Замок построен в четыре этажа и в нем не менее сорока комнат. Из главного входа попадаешь в громадную приемную, которая имеет три выхода: центральный, на открытую террасу, сад и озеро; левый боковой в разные служебные помещения и правый боковой в парадные и жилые комнаты, куда ведет великолепная, массивная, мраморная лестница, которая по всем четырем этажам убрана старинными портретами бывших владельцев. Из парадных комнат центральное место занимает огромный двусветный зал с мраморными стенами. Затем две столовые, одна большая, другая поменьше, украшенные саксонским фарфором и наконец изумительная библиотека — одно из редчайших в Европе собраний по театру, литературе и искусству. Книги стоят на открытых полках вделанных в стены. Комната опоясана лестницей, так что книги, в сущности, расположены на двух этажах. Рядом с библиотекой комната для чтения и письменных занятий. Жилые комнаты находятся в двух верхних этажах.

Фасад дворца выходит на большое озеро, у берегов заросшее кувшинками. На противоположном берегу хвойный лес, а за ним дымка лиловатых гор. Парк, окружающий дворец, богат самыми разнообразными деревьями, среди которых наи-

большим великолепием отличаются гигантские каштаны. На особо отведенных участках живет несметное количество птиц всяких пород, тут и фламинго и страусы и черные лебеди на прудах и разная домашняя птица. В прудах и ручьях разведены форели и другие рыбы.

В руках Рейнгардта дворец стал не просто музеем или местом тщеславного великолепия и блеска пустой жизни, а лабораторией для осуществления творческих замыслов своего владельца. Здесь в долгие зимние ночи тех немногих недель, которые выпускают Рейнгардта из Берлина и Вены, когда дуют зимние альпийские ветры, он сидит в библиотеке и обдумывает постановки, составляет режиссерский план пьес. Или летом, после бесед с бесчисленными посетителями и гостями замка, после встреч с самыми разнообразными людьми, он так же отдает значительную часть ночей творческой работе. Когда он отдыхает — совершенно неизвестно.

С текущей жизнью связывают его также прогулки в город, по извилистым полевым тропинкам, окаймляющим городскую крепость. Там нередко можно увидеть его в какой нибудь маленькой кофейной или пивной, обсуждающим с кем нибудь разные насущные вопросы городского бытия.

Мое пребывание в Леопольдскрон совпало с началом нового, очень интересного этапа в творчестве Рейнгардта, именно, с его вовлечением в работу кино в Голливуде. Вместе со мной приехал директор кино-студии «Юнайтед Артистс» Джозеф Скэнк, пригласивший Рейнгардта для постановки одного большого фильма в Голливуде. Дело это было начато еще два года тому назад, во время приезда Рейнгардта в Калифорнию с его пантомимой «Чудо», которой знаменитый американский импрессарио Морис Гест, в течение нескольких лет, завоевывал всю Америку. Однако, тогда контракт не был подписан. Теперь решено было пригласить Рейнгардта для нового фильма с известной кино-актрисой Лилиан Гиш, учтя совершенно справедливо, что первый опыт с большим, новым режиссером лучше всего провести с актрисой совершенно непохожей по характеру своего таланта на обций шаблон кинематографических знаменитостей. Этим летом Лилиан Гиш приехала в Германию и Рейнгардт предложил ей погостить в Леопольдскрон, на что она с удовольствием согласилась. Здесь они имели возможность ближе познакомиться друг с другом и совместно разработали детали сценария и план постановки. Оригинал сценария принадлежит другу Рейнгардта и его долготеленному сотруднику Гуго фон Гофмансталю.

Джозеф Скэнк приехал для того, чтобы прослушать раз-

работанный текст сценария и высказать свои практические соображения о постановке.

Перед завтраком, на открытой террасе выходящей на озеро, мы познакомились с хозяйкой замка, которая угощала нас коктейлями. Затем пришел сам Рейнгардт и все отправились завтракать. Рейнгардт, как всегда, любезен и спокойно тих. Он сразу же осведомился о моем отце, с которым был знаком. Моя встреча с Лилиан Гиш была очень радостна. За завтраком я сидел рядом с ней и нам удалось о многом поговорить и многое вспомнить. Общий разговор велся по-немецки и по-английски. Сам хозяин сделал очень большие успехи в английском языке и если не всегда свободно объяснялся, то решительно всё понимал.

Скэнк много говорил о России, из которой только что вернулся, но, разумеется, очень поверхностно, хотя несколько раз подчеркнул то общее чувство печали, которое наблюдается у людей.

После завтрака перешли в комнату прилегающую к библиотеке и приступили к чтению сценария. Чтение происходило так: Рейнгардт читал по-немецки, а его секретарша фразу за фразой переводила на английский. Продолжалось это с половины четвертого до семи, а затем примерно час шло обсуждение. Мне бросилось в глаза то, что многие сцены написаны в таком виде, что не требуют ни исправлений, ни добавлений и совершенно готовы для съемки. Это лишний раз доказывает насколько разносторонне талантлив Рейнгардт. Скэнк сценарий принял и предложил начать съемку в ноябре, с тем чтобы картину выпустить в начале следующего сезона.

Рейнгардт будет готовить работу с актерами и вести главное наблюдение, техническим же режиссером пригласят хорошего экранного специалиста.

Разговор затянулся настолько, что я еле еле успел переодеться к обеду. Собралось много гостей. Обедали в большом зале, том самом, где года четыре тому назад играли «Мнимого больного». Обстановка обеда дворцово торжественная. Изумительная сервировка, хрусталь, посередине стола громадное плато из розового фарфора, вокруг него саксонские фигурки-куклы. Подают четыре лакея во фраках и белых перчатках и дирижирует ими дворецкий. Когда блюда поданы, лакеи, по два с каждой стороны стола, застывают в виде каменных изваяний. Все блюда исключительно изысканы, прекрасные вина различных сортов и шампанское. Кофе, ликеры и сигары подавались в библиотеке.

Секретарша Рейнгардта рассказала мне, что он все свои заработки, порой очень большие, вкладывает в этот замок.

Любит он свой Леопольдскрон трогательной и нежной любовью. Это его настоящая страсть. «Большой сезон» в замке длится в году недель шесть, а затем всё, в том числе и прислуга, сокращается до минимума.

Незаметно подошел вечер, сумерки быстро сгустились и после позднего обеда и гости и хозяева скоро разошлись по своим комнатам.

На другое утро я поднялся очень рано. Да и трудно было спать: в открытые окна глядело радостное солнце, пахло свежей скошенной травой и каким-то пряным ароматом зелени и деревьев.

Мне хотелось использовать несколько часов оставшихся в моем распоряжении, до отхода парижского поезда, чтобы хоть бегло осмотреть город.

С рождением Моцарта, Зальцбург стал колыбелью музыки Австрии и Германии. Со времени же перехода Леопольдскрона во владение Рейнгардта, город Моцарта сделался центром австрийско-германского музыкально-театрального искусства, привлекая широкое международное внимание. Сюда в летние месяцы съезжаются любители театра и музыки со всех концов света. Многие из них считают поездку в Зальцбург чем-то вроде аттестата на звание знатока искусства.

Рейнгардт сумел сделать так, что для жителей города искусство стало не только любимым времяпрепровождением, но насущной необходимостью. Зальцбург это не мертвый музей под стеклянным колпаком, а источник живой радости для людей. Прежнее место гонения на служителей свободного искусства превратилось в приют для их расцвета. Театр настолько завладел всем городом, что даже собор стал местом постановок больших мистерий.

Зальцбург это живое воспоминание о Моцарте. Здесь в узеньком переулке «Гетрейдгассе» стоит дом, в котором он родился в 1756 году. Дом этот превосходно реставрирован и представляет одну из главных достопримечательностей города вместе с открытым в 1914 году «Моцартеумом» — музыкальной школой с чудесным концертным залом.

Великолепен большой собор в стиле барокко. На площади перед ним, под открытым небом, идут спектакли народного характера. Здесь Рейнгардт ставит представления с участием масс, пользуясь башнями собора для выхода актеров.

На историческом месте, где в начале XVII века архиепископ Зальцбургский устраивал празднества и где был воздвигнут зимний и летний придворные манежи, теперь построен главный театр празднеств — «Фестшпильхауз». Этот театр

состоить из большого закрытого театрального помещения с прекрасно оборудованной вертящейся сценой. К нему непосредственно прилегает зал-фойе, украшенный гобеленами нидерландской школы 1660 года. Он перестроен из прежнего зимнего манежа и сохранил одну из старинных каменных стен прежнего здания. Летний же манеж, с его тремя рядами лож высеченных в стене, приспособлен для спектаклей на открытом воздухе.

На площади, против дома Моцарта, находится Городской театр, открытый в 1894 году. В том же году, в этом театре Рейнгардт начал свою театральную карьеру в качестве актера. На него сразу же обратил внимание знаменитый в то время немецкий театральный директор Отто Брам и пригласил молодого актера в Берлин. Юноша оправдал надежды и через 22 года вернулся в Зальцбург, но уже в качестве фактического художественного диктатора города.

Концертный зал «Моцартеума» и двор бывшей придворной резиденции отведены для симфонических концертов и вокальных «серенад» под открытым небом. Не ограничиваясь перечисленными театральными площадками, Рейнгардт пользуется иногда и большим залом своего замка. В нем устраиваются спектакли интимного характера.

К сожалению мне не удалось видеть ни одной из текущих постановок целиком. Но судя по той части спектакля возобновленных шиллеровских «Разбойников», которую я успел просмотреть, трагедия поставлена Рейнгардтом в совершенно новом виде. Освобожденная от всякого театрального и академического классицизма, она зазвучала с необыкновенной для нашего времени убедительностью. Время пролетело незаметно и я не успел, в сущности, осмотреть даже десятой доли того, что хотелось бы увидеть в Зальцбурге. Нужно было возвращаться в замок проститься с гостеприимными хозяевами и торопиться на поезд.

С грустью расстался я с Зальцбургом и Леопольдскроном, где кажутся такими далекими жизнь и суeta больших городов, где всё овеяно духом искусства и где вдохновляется творчество одного из крупнейших представителей мировой культуры».

В 1930 году В. И. Немирович-Данченко посетил Леопольдскрон. По целому ряду причин поездка его была во всех отношениях неудачна и вероятно поэтому Леопольдскрон не произвел на него благоприятного впечатления*). Особенно не

*) Подробно об этой поездке см. К. Аренский: «Письма в Холливуд».

понравился ему « дворцовый этикет » в замке, который Немирович-Данченко считал не совместимым с положением Рейнгардта и его достоинством большого артиста. Однако, внимательно присмотревшись к окружающей обстановке, Вл. И. изменил свое мнение :

« В дальнейшем я увидел, что не сам Рейнгардт такой, а его делают таким. Его медлительный императорский тон не оттого, что он так хочет, а от величайшей усталости. Он работает совершенно сверх сил... »

Скончался Рейнгардт в 1943 году в США.

К. Аренский

К концу театрального сезона

« БЕРЕНИС » в Театре « Монпарнас »

Постановка Роже Планшона.

« ...Расин велик, несмотря на узкую форму своей трагедии ».

А. С. Пушкин

В своё время Сумароков, получив в своё ведение первый Русский театр, обмолвился знаменитой фразой: « Расинов я театр явил, о Россы, вам ». Но дело не только в Сумарокове, ни даже в Пушкине, а в издавна внедрённом в сознание каждого русского интеллигента уважении к классикам вообще и к французским в частности. Возможно, что это чувство было несколько гипертрофировано. Слово « уважение » звучит странно в наше время, но, всё же, когда видишь классический репертуар в театре « Французской Комедии », то приходишь к выводу, что оно не везде потеряло свое значение.

Этого, конечно, нельзя сказать про « Беренис » в трактовке Планшона. Не везёт мне с его постановками. Так хотелось бы хоть раз дать совершенно положительный отчёт об его спектакле, чтобы не подумали о моей предвзятости по отношению к его артистической деятельности. Тем более, что режиссёр он безусловно талантливый.

На сей раз, даже показалось, что Планшон отнёсся серьёзно к знаменитой трагедии Расина, т. к. ничего существенного в тексте не урезано, ничего не от Расина не прибавлено.

Нельзя сравнить эту постановку с тенденциозными « Мертвыми Душами », « Фальстафом », « Тартюфом », « Разбитым на куски Сидом » и другими предыдущими операциями.

Общепринятый театральный тезис говорит, что та постановка хороша, где работа режиссёра незаметна. Так вот, в этой « Беренис » повсюду вылезает режиссёр, можно говорить только о нём, ибо он виден в каждом слове актёра, в его жесте, интонации, позе и движении; всех исполнителей он лишил свободы творчества. Затейливость декораций и костюмов тоже носит замысловатую печать Планшона... Как выше сказано, текст как будто бы и Расина, но ему придан такой колорит, что он кажется изменённым.

В программе спектакля имеется длинное предисловие, составленное самим режиссёром, в котором он высказывает ряд сомнений в правильности понимания трагедии всеми его вековыми предшественниками. Он, правда, говорит и о своей собственной неуверенности, но, всё же, навязывает зрителям совершенно ложное понимание текста, ведущее к искусственности поведения персонажей.

Например, передёргивая фразу императора Тита о когда-то имевшемся желании быть на месте своего отца, автор примечания подвергает сомнению дальнейшие три строки, в которых Тит говорит, что он пожертвовал бы днями своей жизни, лишь-бы продолжить жизнь отца. Вывод господина Планшона основан лишь на первой строчке, т. е. Тит мечтал о смерти отца. Точно так же искусственно и ни на чём не основано, кроме желания быть оригинальным, утверждение, что самый постулат « великой трагедии любви », т. е. все монологи и диалоги Тита, говорящие о дилемме : любовь или империя, доводящей его до мысли о самоубийстве, — что всё это « комедия », т. к. Тит давно уже не любит Беренис. Не то Расин, не то сам Тит сообщил это на ушко Планшону. Вероятно, и Антиох раскрыл ему свой характер и свои страсти больше чем Расину. В тексте Антиох настолько скромнен и скрытен в выражении своей любви к Беренис, что ни она сама, ни его фактический сеперник, Тит, ничего не подозревают до самого последнего действия. Планшон вывел и его на « чистую воду » и Антиох устраивает весьма шумный скандал.

В результате, все замечательные, патетические, возвышенные фразы произносятся фальшивым тоном, каждое движение, поза противоречат тексту.

Возможно, что в римские времена понятие о вежливости было иное, но всё же кажется странным, что Тит, обращаясь к царице Беренис, упорно поворачивает ей спину, или бежит по сцене по « геометрическим » линиям : это придумано режиссёром и несколько смутно объяснено. Царица Беренис, в припадке отчаяния, кидается на землю, срывая занавеси, царь Антиох бьётся головой о мебель, швыряется табуретами и вопит диким голосом, потрясая кулаками. В моменты большого возбуждения и драматического нарастания герои подбегают к многочисленным зеркалам и гримасничают своему отражению. (Три четверти сцены заполнены зеркалами для напоминания о зеркальной галлерее версальского дворца). Полон, приближённый и доверенный Тита, так покрикивает на своего повелителя и прибегает к столу угрожающим жестам, что становится страшно за императора, — вдруг ударит. Он же « согласно придворным римским манерам » одобритель-

но хлопает одетыми в перчатки ладонями и даже восклицает « Браво », узнав о решении Тита порвать с Беренис. Я уже упомянул о прямоугольных и прямолинейных перемещениях героев. ...Точно так же передвигаются и группы приближённых : мужчины и придворные дамы, вбегающие на сцену и удаляющиеся гимнастическим шагом, не произнося ни слова; ни дать ни взять парадное выступление военных отрядов, вызывающее смех в зале. Костюмы красивые, но почему они эпохи Людовика XIII, а не XIV-го или не условно-римские — это известно одному Планшону и его декоратору.

Нашлось, конечно не мало принципиальных поклонников сомнительного творчества, лишь бы оно называлось передовым. Не знаю почему пришли мне в голову строки из той же « Беренис » : « Я видел этот двор неискренний и льстивый... »

« УБИЙЦА БЕЗ НАЙМА »

Ионеско в Театре Марионеток

Предо мною лежит книжка Ионеско под названием « Фотография Полковника ». Так озаглавлена одна из семи новелл, составляющих её содержание. Большая часть этих рассказов была впоследствии переработана в пьесы. « Портрет Полковника » получил название « Убийцы без найма » и вышел впервые на сцену Театра Рекамье в 1959 году. Пьеса была превосходно разыграна и, как всегда, вызвала очень много толков об ее скрытом смысле, об идее автора, составляет ли она продолжение так называемого « театра абсурда » или следующую ступень к « постабсурду », и т. д.

Вся эта классификация сама по себе мне кажется абсурдной, т. к. в каждом произведении Ионеско можно обнаружить глубокий смысл, нужно лишь сделать небольшое интеллектуальное усилие.

Краткое содержание интересующей нас пьесы может дать лишь приблизительное представление о сути её, т. к. кажущаяся реальность тесно перемешана с фантастикой, символизмом, философией... Всё же попытаюсь.

Главный герой пьесы, некий Беранже, с восторгом приветствует новый « солнечный » квартал строящегося города и вдруг узнаёт, что именно здесь, где всё предназначено для счастливой жизни, во вновь вырытом бассейне для плавания, ежедневно происходят беспричинные убийства мужчин, женщин и детей. Поселившиеся там семьи бегут, оставляя « солнечные » мечты. Беранже возлагает на себя обязанность найти убийцу, обнаруживает компрометирующие документы и

самого преступника. Наш герой пытается его усюветить, внушить ему сознание своей вины, приводя филантропические, религиозные, патриотические и пр. доводы.

Длиннейший монолог постепенно приводит самого Беранже к выводу, что есть причины, говорящие скорее в пользу убийцы, т. к. всё нелепо, жизнь абсурдна и человек рождён только для страданий и смерти. В одном из своих суждений Ионеско говорит, что в этом монологе выясняется постепенное поражение идеалиста Беранже, «пустота его морали, которая испаряется как газ из лопнувшего шара». Беранже хочет заколоть убийцу, но у него не хватает моральных сил и он сам себя подставляет под нож, восклицая: «Боже мой, я ничего не могу поделать! Да и что можно сделать?» И всё же автор называет своего героя «истинным гражданином».

Эта пессимистическая сказка для взрослых была понята и истолкована по-разному. Некоторые считают её аллегорическим конфликтом между индивидуумом и общественной тиранией, другие находят в ней критику людей, желающих всё изменить, третьи видят прямое указание на бессилие человека перед неизбежностью смерти... Несомненно одно, что пьеса относится к категории тех произведений, в которых каждый из зрителей или читателей находит черты личных переживаний и дополняет недосказанное своими мыслями и идеями, т. е. принимает некое участие в сотворчестве.

По пути развития пьесы встречаются второстепенные персонажи, дающие возможность диалога: архитектор, он же, позже, комиссар, секретарша, в которую восторженный Беранже сразу влюбляется, вскоре погибающая от руки того же убийцы, затем, некий Эдуард, оказывающийся в обладании подозрительной папки с компрометирующими фотографиями странного полковника и дневником убийцы и пр. Но всё сводится к центральному персонажу, в самой сущности которого заключена драма.

Выше я употребил термин «сказка для взрослых»; поскольку она полна фантастики, то кажется вполне убедительным, что через одиннадцать лет после первой театральной постановки Ионеско разрешил знаменитому марионеточному мастеру, Темпоралю, поставить пьесу в кукольном театре: условные роли поручены условным персонажам. Это тем более оправдано, что автор в своих ранних высказываниях предлагал обращаться к истокам театрального искусства, т. е. к марионеткам, т. к. «им легче представить неправдоподобные, грубые образы, подчёркивающие примитивный гротеск условно-театрального преувеличения».

Посмотрим теперь, насколько деревянным артистам уда-

лись доверенные им роли. Куклы были сделаны по эскизам известного декоратора, Жака Ноэля, и, как мне кажется, вполне соответствуют замыслу автора. Удивлённо раскрытые глаза Беранже вопросительно смотрят на иллюзорный, ненужный мир, населённый глупой аморфной массой, приходящей в восторг и от пустомели-демагога, и от болтовни и суждений консьержки (кукла чрезвычайно типична).

Другая кукла, секретарши, своей бесформенностью и уродством как бы подчёркивает слепую восторженность Беранже, сразу в неё влюбившегося, ибо вначале всё ему кажется прекрасным. Серо-чёрная, полуабстрактная фигура архитектора, создавшего радужный город и не сумевшего насадить счастливую жизнь, говорит как бы о Творце, хотевшем сделать всё к лучшему, но сдающемся перед человеческой нелепостью.

Синхронизация диалога и, в особенности, монолога Беранже позволяет зрителю моментами забывать, что говорят не куклы, а артисты, зарегистрировавшие свои голоса. Пока я не различил знакомый голос и интонации Клода Нико, игравшего в своё время роль Беранже в театре Рекамье и играющего в данный момент в другом театре, я наивно воображал, что голоса принадлежат манипуляторам, скрывающимся за сценой.

Не берусь судить каково впечатление, получаемое в дальних рядах театра «Одеон», всё же слишком большого для марионеточного театра, даже если принять во внимание специальное сокращение зрительного зала. Но в первых рядах, где мне посчастливилось сидеть, жестикуляция, сказал бы, «выражение лиц» кукол показались мне на высоте поставленной задачи. Приветствую решение организаторов спектакля убравших физическое появление самого убийцы, заменённое его мрачным, потусторонним хохотком в ответ на отчаянные тирады Беранже. В этом механическом гоготе больше чувствуется издевательство безнадёжного рока над всеми усилиями идеалистов. Это смех беспощадности смерти.

И, всё же, именно потому, что перед нами не живые люди, а, лишь, марионетки, ощущение жуткости смягчается сознанием чего-то ненастоящего и потому смерть Беранже не оставляет того трагического чувства, какое мы имели в театре. Он оказался всего лишь паяцом, у которого лопнула пружина. Возможно, что Ионеско так и рассматривает своих героев, как осуждённых на слом паяцев.

« ЧЕЛОВЕК, УСТРАИВАЮЩИЙ СПЕКТАКЛЬ ДЛЯ СЕБЯ »

Перевожу приблизительно и не нахожу полезным дать французское название пьесы, идущей в театре «Атенэ», т. к.

уверен, что ничто не соответствует её английскому смыслу, тем более, что британский юмор трудно переводим.

Программа спектакля хочет уговорить зрителя, будто за полицейской интригой скрывается нечто более глубокое, даже нечто пиранделлевское, т. е. всё, что вы видите, есть « театр в театре ».

Внимательно прочтя это введение к программе, я всячески старался найти нечто более глубокое, чем полицейскую загадку. Приходится признаться в недостаточной игре моего воображения. Я так и не понял, почему, придя домой, не должен был смотреть в зеркало из опасения не узнать самого себя. (Таково предупреждение той же программы). Не послушался, посмотрел на своё отражение и узнал себя.

Поскольку действие развивается по прямолинейному трафарету полицейского романа, где всё шито белыми нитками, я позволю себе приблизительно рассказать содержание, не считая, что принесу ущерб интриге пьесы.

В глубине леса скрывается некий коттедж, в котором живёт пожилая хозяйка, притворяющаяся парализованной и тяжело больной. (Её замечательно играет Таня Балашова). Её мнимая беспомощность позволяет ей всячески издеваться над безденежной племянницей и прислугой. Как видите, « лес », только не Островского. Здесь же от поры до времени появляется некий Гюбер, роль которого заключается, насколько я понял, в « предложении руки и сердца » не решающейся на это племяннице. Может быть, автору понадобился лишний персонаж, чтобы подозрение зрителя в психологический момент пало на него. Молодую простоватенькую прислугу соблазнил грум какого-то отеля и хозяйка требует его немедленного привода для соответственного внушения. Играет его знакомый нам по « Запискам сумасшедшего » талантливый артист Коджио. Молодой человек обладает чарами, покоряющими всех особ прекрасного пола, попадающих на его пути. Не избежали этой участи и взбалмошная тётка и « замороженная » племянница. Где-то по соседству нашли обезглавленный труп женщины. Молодой шармёр по настоянию тётки переезжает в её коттедж и в его багаже имеется подозрительно тяжёлая шляпная коробка. Вы уже догадались, не правда ли? Ещё одно убийство и на преступника надеваются наручники. Невинная, холодная племянница настолько воспылала страстью, что готова спасти убийцу, взяв вину на себя.

Пьеса разыграна превосходно, но признаюсь ещё раз, что она не произвела на меня никакого впечатления не только в смысле загадочности, но и просто своей занимательностью.

Возможно, что смысл очень глубок, и нужно быть сверх-сензитивом, чтобы уловить, кто кому устраивает спектакль...

Разве что, загадка находится в самом конце, когда пойманный преступник в наручниках, страстно обнимая влюблённую девушку, показывает ей язык... Если этот язык был предназначен и для зрителей, то в нём, вероятно, и заключается весь скрытый смысл пьесы.

Л. Доминик

ПОЛУЧЕНО ДЛЯ ОТЗЫВА

Léon DOMINIQUE. « Le théâtre russe et la scène française ». Préface P. -L. Mignon. Ed. Olivier Perrin, Paris, 1969.

Архимандрит АЛЕКСАНДР (Семенов-Тянь-Шанский). « Пути Христовы. Проповеди и статьи ». Изд. УМСА-Press, Париж, 1969.

« Отец Алексей Мечев ». (Сборник). Воспоминания. Письма. Проповеди. Под ред. Н. А. Струве. УМСА-Press, Париж, 1970.

Александр ДЫННИК. « А. И. Куприн : очерк жизни и творчества ». Изд. Russian Language Journal, Лансинг, 1969.

Владимир САМАРИН. « Цвет времени. Рассказы ». Нью-Йорк, 1969.

А. Г. АЛДАН, Ген. штаба полковник. « Армия Обреченных ». Под ред. М. В. Шатова. Труды Архива Р. О. А., т. 3. Нью-Йорк, 1969.

Парадоксы советской уголовной юстиции

1. Преступление

СССР — страна сплошных секретов, очень часто вряд ли здравым смыслом оправданных, подчас явно нелепых. Неудивительно поэтому, что секретами оказываются не только сообщения о том или другом преступлении, но и общие сведения, и, конечно, уголовная статистика. И только из «Вечерки» — популярной, потому что более хлесткой, газеты «Вечерняя Москва» или из провинциальных органов информации узнают советские обыватели о совершении очередного преступления.

Только тщательное изучение таких источников осведомления и статей советских уголовных специалистов позволяет установить какое-то общее представление о положении дела в области «Преступления и Наказания» в СССР.

И всё же совершенно аполитичная статья старого русского судебного деятеля на эту тему представит не только полезную общую оценку, но и несомненный интерес для не-юристов.

Самое «вступление» в тему встречает элементы парадокса, окрашивающего составные части советской уголовной действительности. Пол века население СССР было и остается герметически изолированным от внешнего мира. После этого срока, значительная часть советских граждан принадлежит, как это часто ими признается, к «новому» поколению, не связанному с дореволюционной «формацией». И при всём этом, действительность свидетельствует о существовании в СССР «мира преступления».

Само собою разумеется, что насильственное лишение жизни, порою «под пьяную руку», или «в запальчивости и раздражении», ни о каком парадоксе не говорит. Он неотразимо являет себя в том, что мы определили как «существование преступного мира». Создают его не одни только преступления — кражи, кражи со взломом, вооруженные ограбления и убийства с целью ограбления. Парадоксально то, что за пол века существования ультра-полицейского режима, со стражайшими ограничениями передвижения и правилами установления самоличности, в СССР действует полностью сложный механизм нарушителей закона, нам известный как «преступный мир».

Специалисты разных стран, в согласии в экспертами полицейского розыска, давно установили основные и необходимые элементы интересующего нас «механизма».

В своей «активности», оставляющей профессиональных злоумышленников в качестве «постороннего тела» в общественном законопослушном организме, нарушители уголовного права нуждаются в поддержке присущими преступному миру соучастиями. И поразительно то, что поддержка и соучастие возникли и утвердились в условиях сверх-полицейского режима.

Неизбежными пособниками воров и грабителей выступают скупщики краденого. В свободном мире, эксперты давно уже пришли к заключению, что язва преступности в сильнейшей степени связана с существованием скупщиков краденого. Один из парадоксов советской уголовной действительности и заключается в связи между повсеместной практикой «черного рынка» и скупщиками краденого. Это обстоятельство в сильнейшей степени облегчает «работу» злоумышленников с одной стороны и усложняет полицейский розыск — с другой.

Столь же важную «катеорию» поддержки составляют технические сообщники воров и взломщиков. «Инструменты», подбор ключей и отмычек или ломиков для взлома — всё это, конечно, уступает по изобретательности и технике западной технологии «преступного мира». Но и то, что фабрикуют специалисты в этой области для советских злоумышленников, достаточно, по мнению розыскных органов, для умелой практики краж и взломов.

Не менее, а может быть еще более важную поддержку в условиях строжайшего надзора полиции в сфере пропуски и установления самоличности оказывают советским злоумышленникам специалисты по изготовлению фальшивых видов на жительство. Следует отметить, что задержанные розыскными органами советские злоумышленники, подобно своим европейским собратьям, никогда не выдают тех, кто им оказывает эту, хорошо оплаченную, поддержку.

Уже то, что мы перечислили, дает картину некоего особого «мира», географически неопределимого, живущего не только вне закона, но и подчиненного своим собственным законам. Это и есть классическое определение понятия о преступном мире, и через 53 года изолированного существования оно применимо и в СССР, — с той разницей, что режим дополнил классификацию уголовных деяний знакомую европейским специалистам еще и новыми. Одни из них применяются в СССР тамошними «новаторами», подчас обладающими опасным воображением. Другие, парадоксальные с точки зрения юстиции свободных стран, порождены условиями советской экономики. Для тех, кто был воспитан согласно классическим трудам уго-

ловных специалистов, все эти явления представляются уродливыми.

«Золотая лихорадка» служит основой курьезной изобретательности и нарушителей закона, и органов уголовной репрессии. Спекулируя на охоте за золотыми монетами, ловкие специалисты таких операций умудряются сдать наивным «клиентам» в подворотне пакет кирпичей покрытых слоем золотых монет. Инсценировка достойна фильма, с драматической конспиративностью и участием «махального», чей свист означает опасность. Невозможность подать жалобу властям обеспечивает безнаказанность, но усиление уличного надзора увеличивает риск и сокращает размеры деятельности.

В Челябинске полиция обратила внимание на чрезмерное количество обывателей с золотыми вставными зубами и в то же время на увеличение числа дорогих меховых манто и частных автомобилей. Была арестована работница фабрики изготовлявшей украшения из золота, Серафима Дубровская. Ее сообщник директор, меховщик изготовлявший манто, дантисты, покупавшие по черному рынку золото и другие участники операции — также пострадали.

Но черный рынок в СССР процветает и принимает, с точки зрения уголовной юстиции, формы почти анекдотические. Рабочие хронически воруют на заводах, где они работают, — болты и гайки. Это «узкое место» сов. экономики и от затруднения достать эти столь часто необходимые технические мелочи страдают и обыватели, и директора заводов. Черный рынок приходит на помощь и это хроническое явление парадоксальным образом дополняет существование преступного мира повсеместным массовым правонарушением двойного характера — воровством и черным рынком. Парадоксальность этого явления подтверждается процессами и осуждением «особо вредных» правонарушителей. Судили и расстреляли за хищение государственного имущества «короля красок для губ» Николая Котляра, организовавшего в Останкино, в подвале своего дома подпольную косметическую фабрику, расстреляли и главного организатора продажи «продукции» на черном рынке, несмотря на его 74 года. Сообщники в Риге, в том числе директор и главный инженер химической фабрики, отделались долголетними каторжными работами. Дело процветало и в доме Котляра полиция нашла скупленные им драгоценные камни и серебро.

Подробно рассказал «Огонек» арест и расследование преступных деяний Матюшина и Горбанюка, уволенных из института. При обыске обнаружили и чужие, и фальшивые паспорта, разные государственные бланки, пистолеты. Удалось разы-

скать и сообщников, в том числе служащего музея. Этот «опытный человек», Бунаков организовал операцию кражи ценного имущества из музея с «устранением» предохранительной электрической сигнализации. Описанный «Огоньком» арест «антикваров» любопытен и показателен тем, что подтверждает способность наделенных преступными наклонностями совграждан к организационной и технически обеспеченной системе «работы».

Подвиги «артели дяди Терентия» судя по заметке в «Правде» также эту способность подтверждают в красочной форме. В колхозы приезжает на стареньком грузовике дядя Терентий с помощниками — артелью для плотничьих работ. Инструменты и материал — налицо. Каждому почти колхозу плотничьи работы опытных специалистов — «на руку», уговор быстро делается, а с ним и выдача солидного аванса. Дядя Терентий со скоростью порожденной практикой сооружает сарайчик для работ и обещает на следующий день приступить к делу. Но на утро колхозники не находят ни сарайчика, ни дяди Терентия с его «артелью». Успели они проделать такую операцию в десятке колхозов, чтобы столь неожиданно исчезнуть и при этом бесследно. «Правда» дополнила статью пессимистической догадкой о том, что «дядя Терентий» способен применить свои таланты в разных других формах преступности.

Рекордной иллюстрацией этих организаторских качеств советских злоумышленников, а также и их удивительной дерзости может служить недавняя «операция» в Москве. Узнал о ней из беседы с советским кино-специалистом иностранный журналист. Этой зимой, в отсутствие из Москвы видного кинопостановщика, злоумышленники увезли всю обстановку его квартиры. К сожалению, подробности этого дерзкого ограбления не были сообщены, но и сказанного вполне достаточно. Нужна была, конечно, сложная организация и самого ограбления, при содействии наводчиков, и технического материала и затем сбыта похищенного имущества.

Косвенной характеристикой условий, при которых подвизаются советские злоумышленники, может послужить история напечатанная недавно в «Правде». В ней всё с начала до конца, как и комментарии газеты, парадоксально. «Правда» сообщает :

«Совершено дерзкое преступление : трое угнали из Бийска такси вместе с шофером в Красногорский район, там в Усть-Коже бросили машину и вернулись в Бийск. Через пять дней уже двое из них тем же манером (вместе с насильно увезенным таксистом) угнали другой автомобиль, отправились на

нем в Барнаул. Тут произошла авария и они сбежали. Пойманы были лишь спустя некоторое время уже в Новосибирске».

«Правда» спрашивает:

«Как же это? Среди бела дня преступники разъезжали на ворованных машинах, возили пленных шоферов, заходили в магазины, в столовые, заправлялись в колхозах горючим, стояли на оживленном Барнаульском вокзале, подвозили попутчиков и двоих из них ограбили».

Помимо упрека по адресу полиции (а теперь — милиции) «Правда» резко ставит вопрос о выполнении гражданского долга и осуждает полное равнодушие свидетелей этого преступления.

Этот краткий анализ необходимо дополнить беглым разбором положения в особо серьезной области преступлений связанных с лишением жизни. Судя по скудным опубликованным данным, убийства с целью ограбления остаются скорее эпизодическими и в зависимости от местных условий, главным образом вне колхозов. В виде исключения, по данным «Советской России», был убит милицейский пятью молодыми рабочими в «состоянии сильного опьянения»; пьяные, они забили насмерть капитана милиции. Все пятеро были расстреляны.

Поразительно, в этой области уголовного права, появление в СССР вида преступников, драматически хорошо известного европейской юстиции, — садиста. «Садист из Мосгаза», как его прозвала «Вечерка», а за ней и жители Москвы, являлся на квартиры под видом газового контролера. После его поимки напуганные обывательницы отказывались впускать настоящих контролеров.

В заключение остается привести случай, когда СССР «обгоняет» Запад в области преступной инициативы. Едва ли не все юристы и законодатели свободного мира озабочены вопросом о преодолении нового вида преступлений, связанных с появлением так наз. «воздушных пиратов».

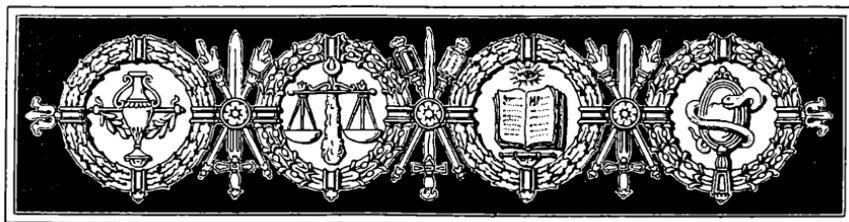
Такой «воздушный Вестерн» произошел в СССР еще до появления этого вида преступлений по эту сторону «железнодорожного занавеса». В сентябре 1966 года, трое советчиков, из коих один был вооружен револьвером, пытались овладеть пассажирским самолетом на границе Турции, в Грузии. Все трое — профессиональные преступники и они хотели попасть в Турцию чтобы избежать поимки и наказания. Один из них, Ивашко, при ночном ограблении в Славянске убил ночного сторожа. Попытка овладеть самолетом не удалась, пилот услышал крики пассажиров и ранил выстрелом из револьвера грозившего ему Ивашко.

Скудность информации и особенно уголовной статисти-

ки (если она вообще существует в СССР) могли бы вселить сомнение в том, что советская уголовная действительность заслуживает нашего внимания. В этом, однако, убеждает нас заключительный парадокс. Если систематически замалчивают в прессе, с исключениями нами отмеченными, совершаемые преступления, то за последнее время особенно часто подвергается обсуждению проблема наказуемости. Поневоле приходится при этом признавать и существование очень возросшей преступности и ее различные формы. Приведенный нами случай «угона» такси преступниками подробно обсуждался «Правдой» для внушения понятия об обязанности обывателя приходить на помощь полиции и правосудию.

Это обсуждение, с проявлением явных, хотя и робких, «сдвигов» в этой области, заслуживает неоспоримо нашего внимания и составит предмет следующей статьи.

А. Мищенко

Всеобъемлющий кризис ?

О самом декабрьском Пленуме ЦК, как это водится в Советском Союзе, было сообщение немногословное и мало вразумительное. Зато в последующее время «Правда» опубликовала целую серию редакционных статей, темой для которых послужили его постановления.

Еще недавно, особенно во времена властвования «дорогого» Никиты Сергеевича, чуть ли не на второй день после каждого постановления или решения, газетные полосы уже бывали забиты сообщениями о том, с каким неудержимым «энтузиазмом» решительно вся страна поднялась на осуществление «указаний». Теперь картина радикально изменилась. Говорить приходится не об энтузиазме, а о причинах, вызвавших минорный тон редакционных статей в «Правде», которых мы за два месяца заметили около двадцати.

Первая из них названа «Бережливость — всем!» (17. 1. 1970).

Начинается она, как и положено :

«Борьба за экономию и бережливость — важнейшая часть хозяйственной политики Коммунистической партии и Советского государства».

Опустив большой пропагандный абзац с обязательной цитатой из Ленина, перейдем к фактическому материалу статьи.

«На декабрьском Пленуме ЦК КПСС и седьмой сессии Верховного Совета подчеркивалось, что решающим стратегическим направлением хозяйственного развития СССР на нынешнем этапе стало максимальное повышение эффективности общественного производства... рачительное отношение к народному добру — каждой машине и механизму, каждому грамму сырья и топлива, каждой минуте рабочего времени».

Интересное сочетание: Пленум и сессия Верховного Совета! Не кроется ли за этим желание партии переложить всю вину или часть ее на чужую голову? Принимая во внимание, с какой тщательностью отбирается каждое слово для таких статей, следует заметить, что в данном случае говорится о «народном», а не о социалистическом добре. Это, конечно, сделано тоже не без умысла.

«Возможности для экономии есть на всех предприятиях, всех участках производства», — продолжает ЦК в «спущенной» редакционной статье. «К сожалению, не все предприя-

тия, министерства и ведомства проявляют должную заботу о полном использовании производственных мощностей, материальных, трудовых и финансовых ресурсов. Особенно крупные потери допускает Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР. Сотни тысяч кубометров теряются при сплавке и распилке на предприятиях. Министерство целлюлозно-бумажной промышленности длительное время не сумело организовать в нужных масштабах технологической щепы, что позволило бы использовать для других целей миллионы кубометров деловой древесины».

Необходимо заметить, что не так давно в московской печати было сообщено, как попытка одного из предприятий переслать щепу бумажной фабрики окончилась ничем, оттого, что железнодорожники не обнаружили тарифной ставки подходящей для оплаты перевозки такой малостоящей вещи. И все усилия «вышестоящих» органов окончились тоже полной неудачей. Так что непроизводительность предприятий в данном случае можно отнести за счет введенных партией порядков.

«Машиностроители затягивают внедрение новых методов литья, прогрессивных способов обработки металлов давлением. Из-за этого свыше пятой части металлов идет в отходы.

«Один из примеров бесхозяйственности — большие остатки неиспользованного оборудования на складах строящихся и реконструируемых предприятий. Эти остатки не только не сокращаются, но напротив, даже растут. Значительно увеличились запасы бездействующих механизмов в системе станкостроительной и инструментальной, угольной, нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности.

«Сейчас, в разгар зимы, особенно важно бережно расходовать топливо, тепло и электроэнергию.... Однако, для иных хозяйственников урок (прошлой зимы) не пошел впрок. В «Правду» поступают сигналы, что в ряде мест небрежно хранят и расходуют уголь, нефть, газ.

«Чтобы покончить с расточительством, в чем бы оно ни выражалось, нужно прежде всего повысить уровень организации производства и труда, настойчиво укреплять трудовую и государственную дисциплину....»

«Борьба за экономию и бережливость — важнейшая часть хозяйственной политики коммунистической партии» — сказано в редакционной статье.

Давно ли так стало?

«Новый мир» (№ 8/1964) поместил выдержки из записок инженера-изыскателя, названные «Мертвая дорога». В них автор А. Побожий рассказал печальную историю постройки в

Заполярье железной дороги Салехард-Игарка, общим протяжением свыше 1700 км.

« Вечная мерзлота, оттаивая, превращала насыщенный льдом пылеватый грунт в жижу... вода размывала грунт везде, где она хоть немного скапливалась, а крепить канавы и кюветы было нечем — не было ни камня, ни дерна... Мы прошли километров десять и везде было одно и то же — сверх меры тяжелый и малопроизводительный труд тысяч людей ».

Смерть Сталина позволила прекратить эту бессмысленную и никому не нужную работу (С. В. Славин. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. Экономиздат, М. 1961, стр. 203-209).

« Вскоре после смерти Сталина строительство заполярной дороги, фактически замиравшее с каждым месяцем, прекратилось совсем. В тундре остались рельсы, поселки, паровозы, вагоны ».

Если поселки нельзя было увезти, а рельсы снять со шпал, то ведь паровозы и вагоны могли быть собственным ходом уведены из тундры. Но они остались там. Вот это и есть « экономия и бережливость » Партии, десятилетиями практиковавшаяся.

« Завод и зима » — заглавие редакционной статьи « Правды » от 22 января.

Вопреки обыкнованию, она не начинается победными фанфарами. Прямо « берет быка за рога », заявляя :

« Решение ключевой проблемы советской экономики — повышение эффективности общественного производства... Надо добиться такого положения, чтобы коллективы заводов, фабрик, строек, транспорта с самого начала года неукоснительно выполняли государственные планы и договорные обязательства, не допускали бы отставания, которое потом пришлось бы наверстывать ценой больших усилий и дополнительных затрат. На декабрьском Пленуме ЦК КПСС и седьмой сессии Верховного Совета подчеркивалось, что нам нужно решительно бороться с такими нетерпимыми явлениями, как бесхозяйственность, штурмовщина. Особенно важно не допускать « сбоев » в работе сейчас, когда зимние условия усложняют производственную деятельность... Однако далеко не везде подготовились к зимнему периоду работы. Большие трудности возникли в одной из ведущих областей народного хозяйства — черной металлургии. Уже в декабре из-за неудовлетворительной подачи вагонов металлургическим заводам было поставлено на миллион тонн железнорудного сырья меньше, чем планировалось. За первую половину января не вывезено с горных предприятий еще свыше полумиллиона тонн руды. В январе со-

кратилась вывозка руды с Курской магнитной аномалии... Отчасти в этом повинны железнодорожники, которые дают под погрузку руды вагонов значительно меньше, чем необходимо. Но вместе с тем сами горные предприятия из-за неорганизованности в работе недогрузили 4.450 вагонов.

«Простои железнодорожного подвижного состава на ряде заводов значительно превышают норму... Каждый случай задержки вагонов сверх норм должен рассматриваться как нарушение государственной дисциплины, с привлечением виновных к ответственности.

«Отлично начали новый год шахтеры Донбаса... добыли 130 тысяч тонн сверхпланового топлива. Но значительная часть этого угля лежит на складах шахт, он не вывозится. Ведущие угольные бассейны страны не выполнили дополнительного задания по отправке топлива энергетикам, металлургам, химикам, а горняки Казахстана не справились даже с основным планом вывозки угля... Металлурги получают также с перебоями металлолом и известняк... Особенно неудовлетворительно завозится сырье для огнеупорных изделий. А отсюда — большие простои в ремонте мартеновских печей.

«Зима осложняет работу не только металлургов, горняков и железнодорожников. Редакция «Правды» получает много писем от тепловых электростанций и т. д... в ряде цехов холодно... не везде позаботились об освещении, ремонте систем кондиционирования воздуха. Дорожные службы предприятий не всегда справляются с расчисткой производственных территорий... В неудовлетворительном техническом состоянии находятся кое-где подъездные пути, что не позволяет использовать их с полной нагрузкой... До конца зимы еще далеко, впереди — февральские метели, мартовский гололед и распутица... Партийные организации призваны строго спрашивать...»

Это — единственное, на что партийные организации способны.

После приведенной картины полного промышленного развала по всей стране, статья «Правды» от 26 января начинается очень бодрым вступлением.

«...На всех участках коммунистического строительства сделано немало, и за данными статистики встает яркая панорама созидательных усилий рабочего класса, колхозного крестьянства, нашей народной интеллигенции... Последовательное развитие советской экономики позволило... улучшить жилищные условия еще около 11 миллионов человек».

Между этими миллионами находятся и те, о которых идет речь в «Комсомольской правде» от 31 января 1970 года.

В Днепропетровске строят много квартир.

« Но странное дело, в адрес горисполкома, взвалившего на свои плечи все заботы, связанные со строительством жилищ, несется не хвала, не благодарность, а резкая критика.

— Как только произойдет массовое распределение квартир, так у нас выстраивается очередь на увольнение... »

Всё объясняется очень просто. Горисполкомовские вершители судеб самых свободных в мире граждан с новыми квартирами и их будущими квартирантами поступают довольно странно. Если рабочий или служащий занят на юге города, то квартиру ему отводят на севере. А в городе есть концы и по тридцать километров!

« — Заводы наши на противоположном конце города. Ехать на трех видах транспорта. Даже сейчас затрачиваем на поездку в один конец полтора-два часа. А как же зимой?

« Действительно, почему новая квартира для многих людей оборачивается чуть ли не несчастьем? Ведь дело доходит прямо до абсурда! В одном из домов по улице Мощеной, 24 квартиры пустовали больше трех месяцев. Работники облпотребсоюза, которым они были предоставлены, отказались сюда переезжать — слишком далеко до работы. Их вселяли в новые квартиры по решению... суда ».

Вот до чего доходит « повседневная забота партии о человеке »!

28 января 1970 года редакционная статья « Правды » была озаглавлена « Овладевать наукой управления ».

Несколько странно читать это через пятьдесят с лишком лет после захвата власти, и первый же абзац это впечатление усиливает.

« Народное хозяйство нашей страны вступило ныне в такую стадию, когда важнейшим направлением его развития стала интенсификация производства. Она требует глубоких качественных изменений во всех отраслях социалистической экономики, и прежде всего создания подлинно научной, наиболее рациональной системы организации и управления производством ».

Мысль эта не подлежит оспариванию. Но всё дело в том, что для ее осуществления нужен отказ партии от втискивания « подлинно научной, наиболее рациональной системы организации и управления производством » в партийно-пропагандный кафтан.

« За время после XXIII съезда КПСС значительно улучшился качественный состав руководящих хозяйственных кадров. Однако жизнь, практика развития экономики в условиях хозяйственной реформы, быстрый научно-технический прогресс (как они боятся слова « революция », вошедшего уже во

всеобщее употребление. — Б. С.) во всех отраслях ставят перед руководителями производства новые, сложные проблемы. В современных условиях даже опытным талантливым организаторам становится не под силу управлять хозяйственным строительством старыми методами. Вот почему каждому руководителю надо учиться, настойчиво овладевать наукой».

Но если управлять хозяйством «старыми методами» больше невозможно, то нет возможности применять и политические старые методы, а между тем не видно тенденции к их устарению. И потому все разговоры об улучшениях — разговоры для детей младшего возраста.

Очередная статья (от 29. 1. 70) названа «Хлеба растить молодым»

И само название статьи мало вразумительно, — и общее положение в земледелии в настоящее время очень неясно. Еще недавно партийная печать ликовала по поводу того, что молодежь возвращается в село. Этими сведениями была особенно богата «Комсомолка». А теперь мы читаем, что заботы об условиях труда молодежи на селе ложатся прежде всего на «партийных руководителей» и «там, где эта забота стала повседневным делом, семья механизаторов постоянно растет, юноши и девушки остаются в родных селах. К сожалению, так дело обстоит не везде. Не потому ли из колхозов и совхозов Куйбышевской, Смоленской, Пензенской, Карагандинской областей, Хабаровского и Красноярского краев за последние годы ушло немало механизаторов?»

Из партийной же печати известно, что там, где введены были хозрасчетные безнарядные звенья, в этом отношении не было забот. Но у партии решительно не хватило мужества провести эту важнейшую для страны реформу до конца. Получилась своеобразная «чересполосица». В одном колхозе или совхозе существуют и работают звенья с несравненно лучшими условиями труда и заработка, чем в соседнем.

А примерным колхозным уставом введение звеньев поручено правлениям самих колхозов, находящимся, как известно, под сильным влиянием местных партийных организаций. Не здесь ли ключ к разгадке этого положения?

31 января редакционная статья опять возвращается к декабрьскому пленуму и поставленным им задачам. На этот раз она названа — «Индустрия информации».

«На каждом этапе коммунистического строительства жизнь выдвигает новые задачи. Одна из таких задач... заключается сейчас в совершенствовании методов, самой системы управления народным хозяйством».

Что авторы статьи подразумевают под «совершенствованием»

нием самой системы», остается неизвестным, потому что до сих пор говорится о крупных недостатках министерств, ведомств и учреждений, но о самой системе — ни слова.

Так и здесь речь только об «индустрии информации», о ее совершенствовании, и не больше.

«Новые сложные задачи развития народного хозяйства, науки и культуры требуют дальнейшего улучшения информационного дела в стране».

«К сожалению, далеко не все министерства и ведомства по достоинству оценили важную роль мощных автоматических информационных систем. Разве не об этом говорит тот факт, что министерства энергетики и электрификации, сельского хозяйства и здравоохранения, некоторые другие ведомства мало что сделали для перевода информационных подразделений на передовую информационную базу?»

Видимо, это следует понимать, как отсутствие ясной и полной картины народного хозяйства в «общегосударственном» центре информации.

«Должна быть значительно повышена эффективность службы патентной информации, организация которой возложена на Комитет по делам изобретений и открытий. Нельзя больше мириться с тем, что предприятия и исследовательские учреждения получают материалы о важных научных открытиях с большим опозданием. К тому же полнота и качество этой информации явно недостаточны, что снижает возможности ее практического применения... Ученым и специалистам приходится затрачивать много времени на самостоятельный поиск... Многие машиностроительные Министерства не информируют проектно-конструкторские организации об оборудовании, которое намечено выпускать в будущем, а также об изделиях, снимаемых с производства. Из-за этого в проекты новых предприятий нередко закладываются устаревшие оборудование и технология...»

«Дал слово — сдержи!» — озаглавлена редакционная статья (от 10. 2. 70), опять «о повышении эффективности общественного производства». Теперь это самая больная тема компартии. Все статьи, «спущенные» из ЦК за последнее время, так или иначе связаны с ней. Меняются только персонажи, уличенные в неисполнении партийных требований в этом отношении.

На этот раз разносу подвергается Министерство химической промышленности.

«Ряд заводов этой области в прошлом году снизил производительность труда, недодал много продукции. Такое положение сложилось в частности на Уваровском химическом за-

воде, Сумгайтском химкомбинате, Самаркандском и Джамбулском суперфосфатных заводах. Соревнование здесь формально, но что сделало министерство, чтобы помочь правильно организовать дело? К сожалению, очень мало ».

Появляется новая нотка, которая до сих пор (в статьях после пленума) не звучала :

« С первых дней следует установить широкий общественный контроль... нужно строже спрашивать с людей, которые легко дают обещания, но быстро о них забывают, не дорожат словом ».

Здесь уместно привести отрывок из сообщения, помещенного на противоположной стороне той же газетной полосы и озаглавленного « Внимание качеству ».

В Молдавии « труженики закладывают основы будущего урожая ». А делается это при следующих обстоятельствах :

« Некоторые машины из мастерских выходят с недоделками... на отдельных тракторах поставлены изношенные детали... В первой половине января здесь подготовлено только три машины при месячном задании отремонтировать 20 тракторов... испытывается острый недостаток запасных частей. Парк машин увеличивается, а поставки запасных частей сокращаются »....

И в то же самое время —

« Колхозы и совхозы Молдавии в нынешнем году взяли высокие обязательства по производству зерна, сахарной свеклы, подсолнечника, овощей, винограда и фруктов ».

А « слово сдержанность надо », — говорят из ЦК партии. Как?

17 февраля « Правда » напечатала статью « Стройки мелиорации ».

Она начинается достаточно мажорным тоном, который приблизительно в середине постепенно съезжает на минор.

« Низки темпы строительства оросительных систем в Голдодной и Каршинской степях. Затягивают ввод новых мощностей многие строительные организации Российской Федерации, Казахстана. Нередки факты, когда колхозы и совхозы пердъявляют серьезные претензии к мелиораторам за низкое качество работ. Порой объекты сдаются с большими недоделками. Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР, его строительные организации обязаны повысить темпы и качество ирригационных работ... К сожалению, некоторые министерства и ведомства, выполняющие заказы мелиораторов, не проявляют должной ответственности за порученное дело. Так, многие организации строительных министерств не выполнили в минувшем году обязательства по подрядным работам, не обеспечили ввод в действие первоочередных водных объ-

ектов. Серьезные затруднения испытывают гидростроители из-за недостатка леса, цемента и других ресурсов... В большом долгу перед мелиораторами находятся также предприятия Минстройдормаша и Минсельхозмаша, поставляющие землеройную и строительную технику ».

С кого же спрашивать, если мелиораторам не поставляют нужного « многие » министерства и ведомства?

« Дисциплина городского строительства », — так названа редакционная статья « Правды » от 24 февраля.

« В некоторых городах и республиках в ущерб сооружению жилья, школ, больниц, детских учреждений в первоочередном порядке строят дорогостоящие зрелищные и административные учреждения, спортивные комплексы. Работа здесь подчас ведется вне плана и за счет ассигнований, выделенных на жилищное и промышленное строительство. В городах Казахстана, например, сейчас возводят свыше 30 клубов и дворцов культуры, из них десять были заложены более четырех лет назад. Не сдав их в эксплуатацию, в прошлом году начали строить еще одиннадцать новых дворцов и клубов, причем многие с излишествами. Для отделки дома культуры в Алма-Ате, который обойдется в восемь с лишним миллионов рублей, запроектировано применять мрамор, гранит, ценные породы дерева. Сюда вне очереди было поставлено 1500 тонн металлоконструкций за счет снижения поставок на промышленные стройки ».

Дальнейшие выписки из статьи были бы повторением сказанного.

« Неотложная весенняя забота » (« Правда » 26 февраля).

Сначала названо несколько колхозов, в которых успешно идет приготовление к весенним работам, а во второй части статьи читаем :

« К сожалению, далеко не везде еще удобрения правильно используются. В ряде хозяйств их хранят под открытым небом, нарушают сроки и нормы внесения, не учитывают особенностей почвы и возделываемой культуры... В колхозе (имярек) в минувшем году под картофель было внесено по 4 центнера калийной соли на гектар, хотя рекомендовалось только 1,5 центнера. Других удобрений, требующихся почве, здесь совершенно не применяли. В то же время под сахарную свеклу по 4 центнера азотных и столько же фосфорных туков, а калийных — ни грамма... Надо приложить максимум усилий, чтобы не повторялись ошибки прошлых лет, когда химкомбинаты отправляли колхозам и совхозам низкокачественные, слежавшиеся удобрения, допускали недогрузку вагонов ».

6 марта « Правда » опубликовала статью « Специалист на

производстве », теперь уже со ссылкой « на письмо ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ партийным, советским, профсоюзным и комсомольским организациям, трудящимся Советского Союза *Об улучшении использования резервов производства и усилении режима экономии в народном хозяйстве* ».

В ней находим сведения о том, о чем уже давно пописывали московские газеты : что у специалистов нет времени работать по специальности.

« Выяснилось, что во многих случаях на творческую работу и решение организационных вопросов, требующих высокой квалификации, инженер расходует всего лишь до 25 процентов рабочего дня, а остальное время уходит на поиски дефицитных материалов, « проталкивание » заказов, составление всевозможных справок и отчетов. Немало рабочих часов отнимают различные совещания и заседания.

« Прямая обязанность парторганизаций — помочь каждому специалисту четко определить свою творческую задачу в общей работе по повышению эффективности производства... »

Но создавшееся положение есть дело рук тех же « парторганизаций ». И поручать им же оздоровление хозяйства — дело явно безнадежное.

2 марта опять о сельском хозяйстве : « Организаторская работа на селе ».

« В государственные ресурсы поступило 55,5 миллионов тонн хлеба. Выполнен план закупок скота и птицы, молока, яиц ».

И здесь же, в следующем абзаце :

« Однако в ряде районов уменьшилось поголовье скота и птицы, не были использованы все возможности для наращивания производства продукции ».

Жаль, что не сообщено, когда все это « уменьшилось » : до того как « выполнен план », или после?

« Недавно ЦК КПСС обсудил работу Воронежского обкома партии по руководству сельским хозяйством и признал ее неудовлетворительной ».

Каждый раз, когда дело не клеится, партия выбирает какой либо обком и грехи всех партийных установлений изобличает в нем одном. Так и здесь.

« Несмотря на рост технической оснащенности и укрепление материальной базы колхозов и совхозов, Воронежская область по уровню и темпам сельского хозяйства фактически топчется на месте, валовая продукция земледелия и животноводства уже несколько лет почти не растет. Сбор зерна за годы пятилетки увеличился всего на 9,6 процента. А производ-

ство и закупки основных продуктов животноводства даже снизились... Подобные недостатки к сожалению имеют место не только в Воронежской области».

5 марта появилась еще одна статья из этого цикла «Долг каждого!»

Это самая настоящая агитка и интересна она только одной своей небольшой частью.

Во-первых, вынырнуло сообщение о «собраниях» в Москве, Ленинграде и Киеве, где обсуждалось всё то же «письмо Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ». По словам статьи, оно направлено не только партийным организациям, но и «трудящимся Советского Союза», иначе говоря — всему населению страны. Но нигде в печати его содержание не появилось.

Это дает серьезные основания сблизить его по важности с знаменитой речью «дорогого Никиты Сергеевича», положившей начало десталинизации. Она тоже была сообщена партийным организациям, и огласке не подлежала.

Надо полагать, что статьи со ссылкой на Пленум и сессию Верховного Совета, а еще более, вероятно, на письмо всех партийных верхов будут продолжаться. А потому сегодня закончим наш обзор разбором статьи от 11 марта 1970 года «Выше качество продукции!»

Качество советской «продукции» предметов домашнего обихода давно и хорошо известно. Поэтому из данной статьи возьмем только то, о чем раньше не было помина, или же поминалось только вскользь и редко.

«До сих пор есть еще немало фактов, когда руководители предприятий, стремясь любой ценой выполнить план по количеству, не заботятся о качестве, внешней отделке вещей... В результате заводы машиностроения, например, в прошлом году получили от потребителей немало рекламаций на выпущенные тракторы, электродвигатели, металлорежущие станки, кузнечно-прессовое оборудование и другую продукцию. Торговые организации перевели в пониженные сорта и возвратили предприятиям легкой промышленности на доработку значительное количество тканей, швейных и трикотажных изделий».

Договорились! Партийная редакция объявила во всеуслышание, что вопреки Марксу «количество не переходит в качество». Жаль только, что для уяснения такой простой вещи партии понадобилось более полу столетия.

Б. Сибирский

Литературные заметки

МИХАИЛ БУЛГАКОВ — «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»

Изд. УМСА-Press, Париж, 1969

От того времени, когда «Собачье Сердце» было написано, до опубликования его сначала в зарубежных журналах и потом издания отдельным томом прошло более сорока лет. Что издать эту книгу в Советском Союзе было немислимо, — вполне понятно. Можно даже спросить себя: попытался ли автор ее где нибудь поместить? Каждая ведь страница этого тома — прямой удар по Ленинской роже. Теперь книга вышла за границей лишь «по счастливой случайности», — как-то, кому-то удалось переправить ее список в свободный мир. Как всегда у Булгакова в книге этой много иносказательного, а то, что она появилась у порога «ленинского года», придает ей еще особый оттенок: кому следует она даст повод задуматься перед тем, как идти на какое нибудь торжественное собрание, проинзносить речь, или писать панегирик.

Замысел Булгакова прост: знаменитый, с европейским именем, профессор, названный Преображенским, решается произвести никогда ранее никем не производившуюся операцию, именно прививку человеческой гипофизы собаке. Очень рискованная операция эта удастся и собака превращается в отвратительного субъекта человеческого образа. В прямой связи с этим хирургическим опытом возникают для Профессора Преображенского всякие затруднения практического характера: конфликт с домовым комитетом, выправление для неожиданно появившегося нового обитателя квартиры документов, его прописка и т. п. Но у Преображенского большие связи в правительственных кругах, в частности с каким-то советским вельможей, ожидающим быть подвергнутым операции, пославившей, в свое время, доктора Воронова. Профессор по телефону говорит вельможе, что его собираются «уплотнить» и что назначенная на один из ближайших дней операция из-за этого состояться не может. И, само собой разумеется, чающий омоложения вельможа дает профессору охранную грамоту, исключаящую всякое уплотнение: у Преображенского остаются его семь комнат! Но этот эпизод — хотя и многозначительный — только один из эпизодов, возникших в связи с превращением пса Шарика в гражданина Шарикова. Домовой комитет и сам Шариков чинят профессору множество неприятностей. И на-

столько делается его существование невыносимым, что он, по зрелом размышлении, «решается» на вторую операцию — т. е. на замену вновь собаке человеческой гипофизы ее прежней, собачьей, сохранившейся в спирту. Вторая операция (контр-операция!) тоже удается. Пес, постепенно, но в общем довольно скоро, возвращается в «первобытное состояние», и — хэппи энд — профессор, оставшись в своей просторной квартире, вновь обретает нарушенное было душевное равновесие и спокойно готовится к дальнейшим омоложениям лиц обоего пола, к замене некоторых человеческих органов обезьяньими и т. п.

Возьмись за такую тему какойнибудь писатель проживающий в свободном мире, он мог бы конечно написать весьма занимательный роман или повесть, мог бы поставить своих героев в положения исключительные, мог бы найти удовлетворяющую читателя развязку, словом, мог бы пожать лавры: успеха в прессе, успеха на книжном рынке. И было бы это, в некотором смысле, чем-то обратным тому, что выпало на долю Булгакова. Как мы указали, опубликование такого текста в Советском Союзе просто немыслимо. И можно сказать, что именно эта полная невозможность опубликования «Собачьего Сердца» по написании его — т. е. больше сорока лет тому назад — и есть настоящий успех, успех, так сказать, химически чистый, совершенно свободный от тщеславия, никак не сопряженный с авторским самолюбием, далеким от уверенности в своем превосходстве и независимым от коммерческих побуждений.

Как почти всегда у Булгакова, по-просту и без затей передаваемая действительность сопряжена с тем, что одни называют игрой фантазии, другие чертовщиной, третьи бредом наяву. Нельзя, разумеется, отрицать, что к требованиям реалистов (и тем более социал-реалистов!) Булгаков относится с презрением. Il prend son bien où il le trouve. Совсем особенная его способность передавать видимое и предполагаемое в упрощенном, иной раз почти фамильярном ракурсе придает его тексту столь ярко выраженную непосредственность, что временами — в тех нескольких отрывках, где он дает «необходимые пояснения» — чтение превращается в беседу с автором, и, по неволе, читатель задаст ему тут и там вопрос, на который всегда последует ответ.

Несколько страниц достаточно Булгакову, чтобы обрисовать состояние пса ошпаренного поваром «столовой нормального питания Центрального Совета Народного Хозяйства», воспроизвести его «собачью психологию», рассказать, как его взял на ремешок профессор Преображенский, как возникла

в нем преданность, как он был введен в роскошную, теплую благоухающую квартиру, как был накормлен и прочее и прочее. Появление собаки Шарик в этой квартире как раз совпадает с попытками домового комитета вселить в нее новых жильцов с целью уплотнения. Домовому комитету кажется, что семь комнат на одного — хотя и ученого с европейским именем — слишком много. Все разговоры, которые ведут с ним председатель и члены домового комитета, полны самого ядовитого сарказма. При этом в дураках остаются не сами члены комитета и их председатель, а та, если можно так выразиться, «теория», на которую они ссылаются и из которой черпают аргументы. Сам большевистский социализм тут подвергается издевательствам. И что носители и исповедники этого социализма невежественны и глупы, поступает в поле зрения скорей в виде общего фона. К этому же приему противопоставления бессмысленного исповедания марксо-ленинского завета советчиками реальности Булгаков, в еще большей мере чем в «Собачем Сердце», прибег в «Мастере и Маргарите», романе, с которым у «Собачьего Сердца» можно найти много точек соприкосновения. Отметим, и отметим настоятельно, что описание операции, производимой Преображенским и его ассистентом доктором Борменталем, буквально насыщено — хочется сказать до гениальности насыщено! — виртуозной способностью автора не сказать ни одного лишнего слова и не пренебречь ни одной деталью. Занимает это описание шесть страниц. Но каких страниц!

Пересказывать перипетии, или, если, угодно, приключения заполняющие сто сорок шесть страниц «Собачьего Сердца», почти невозможно. Так всё сжато, так всё полно намеков, так всё побуждает к размышлениям на затронутые темы, что пересказ, — хотя бы утрировано краткий — вынуждено оказался бы слишком длинным для журнального отчета. Но за строчками, абзацами, страницами, главами, разделами книги есть некая общая, точная мысль и не будет с нашей стороны преувеличением сказать, что именно для того, чтобы найти этой общей мысли выражение, и написал Булгаков «Собачье Сердце». Уже в «Роковых Яйцах», — почему-то не запрещенных — был довольно прозрачный намек на то, что привезенные из Европы злокачественные мысли едва не погубили всё население бывшей Российской империи и что только благодаря невероятному морозу, ударившему в середине августа, вылупавшиеся из яиц чудовища не обратили страну в пустыню. В «Собачем Сердце» можно найти если не ту же, то параллельную символику. Добродушный, несчастный, ошпаренный, голодный пес Шарик, в голове которого нет ни одной

противуестественной мысли, который, увидав профессора Преображенского, думает о нем, что это не « товарищ » и даже не « гражданин », а Господин, оказывается подвергнутым невероятной операции. Частичку его мозга изымают и на ее место вводят частичку мозга сознательного пролетария. И превращается он тогда в до последней степени отталкивающего человека. Все в нем недостатки и ни одного достоинства. И все недостатки его как раз равны тем недостаткам, тем даже порокам, которые характерны для взявшего в свои руки диктатуру пролетариата. Никакие ухищрения, никакие угрозы, никакие увещавания не помогают. Единственное, что остается сделать профессору — это вставить обратно на причитающееся ему от природы место отросток мозга — собачьего — и тогда Собачьему Сердцу вновь откроется свыше ему предназначенный удел : верности, привязанности, послушности, искренности, благодарности.

Слишком, как видно, показалась соблазнительной возможность сравнения операции, перенесенной Шариком, с операцией, проделанной над русским пролетариатом товарищем Лениным. Только операция профессора Преображенского повлекла за собой им же проделанную контр-операцию. Если допустить, что у НЭП'а и есть некоторые черты, позволяющие сделать соответствующее сравнение, то нельзя забывать, что НЭП был лишь временной уступкой здравому смыслу и что если бы Ленин не заболел и не умер, то НЭП был бы им отменен и к старому возврата не произошло бы.

Так что удары, которые нанес бы Булгаков Председателю Совнаркома, появившись его книга в год ее написания, даже при НЭП'е сохранили бы всю свою силу. Издание « Собачьего Сердца » теперь, за рубежом, почти приуроченное к столетней годовщине, не может, конечно, быть столь же острым. Но исключительная талантливость автора и удивительная свежесть его текста сохранили за собой все права и преимущества.

Я. Н. Горбов

Мао Цзе-дун это Ленин сегодня

В Москве среди населения есть такой разговор: отпраздновали столетие Ленина — китайцы. Нельзя, действительно, не заметить, что лозунги и революционные гимны, передаваемые первым китайским искусственным спутником, оказались единственным настоящим — и первостепенно важным — событием среди пустословия советских торжеств, на которых «сам» Брежнев говорил три с половиной часа для того только, чтобы еще раз не сказать ничего.

Не было почти никаких официальных советских комментариев к этому новому грозному предупреждению, полученному из Пекина, где печать предварительно изругала на все корки советскую «ревизионистскую клику» в самый день ленинского торжества, — и само это молчание правящих кремлевских верхов красноречиво говорит о их странном состоянии, когда сказать надо было бы очень многое — и невозможно серьезно говорить ни о чем.

Что-то происходило несомненно за кулисами советского Политбюро в последние недели перед ленинским празднованием, а в итоге до сих пор не произошло как будто вовсе ничего. Нельзя же в самом деле принять за событие кое какие перетасовки в «аппарате», произведенные не на его высшем этаже и означающие неизвестно что, да несколько возросшую настойчивость Брежнева лично появляться при всех подходящих и неподходящих случаях. Некоторое укрепление его положения — может быть, а может быть и тревога за прочность этого положения, просто — старание не дать себя оттереть, к чему, по-видимому, были поползновения. Чтоб это положение теперешнего генсека могло уподобиться положению не то что Сталина, но даже Хрущева, при нынешних обстоятельствах трудно и вообразить. Правящая группа продолжает выглядеть так, как за все последние годы. Реформа, связанная с именем Косыгина, застряла на полдороге и поэтому не может приносить своих плодов, но сам Косыгин снова оказался там, где был прежде, может быть потому, что неудобно выкидывать окончательно за борт человека, которого в России многие привыкли считать всётаки наиболее государственной головой на нынешних верхах. Ничего явного не происходит и с загадочной фигурой Шелепина — где-то он есть и

ни к зениту не восходит, и не закатывается за горизонт. Что означает, какую «линию» представляет или может представить тот или другой из участников этой правящей верхушки Советского Союза? Всё дело может быть в том, что и в отдельности и все вместе они сами этого не знают. Не знают потому, что необходимость что-то делать ясна, вероятно, каждому из них и им всем, а решиться на что либо им трудно почти до невозможности, и очень уж страшно каждому из них принимать настоящую ответственность на себя. Так и продолжается, куда возможно, это «временное правительство», как его окрестили в России уже давно, озабоченное консервированием всего, что только можно законсервировать, старающееся больше всего выигрывать время и от этого всё больше забредающее в тупик.

Что экономической жизни Советского Союза грозит паралич, сомнению больше не подлежит. Сознательно пропущенные в казенную печать, приглушенные, но уже достаточно ясные отклики тревоги, охватившей по этому поводу партийные верхи, тому доказательство. Их в этом нашем выпуске подробно разбирает Б. Сибирский. Здесь об этом остается только добавить, что и речь Брежнева на ленинских торжествах оставила по-прежнему в полной неясности, какие же конкретные меры против этого принимать. Подобие внутреннего кризиса, разыгрывавшегося на верхах и в какой-то форме почти наверняка продолжающегося, несомненно вращалось и продолжает вращаться вокруг этой проблемы. Всё и происходит именно так, как если бы ни у кого наверху не было особой охоты высказывать вперед и рушить «коллективность» руководства — ввиду тяжести наследства, которое тогда пришлось бы принять.

Своим искусственным спутником красные китайцы драматически подтвердили верность утверждения Академика Сахарова и его соавторов о том, что при этом восточном соседстве для России никак уж не время превращаться в «державу второго разряда» и впадать в паралич, к чему ее прямо ведет развал ее народного хозяйства. А вместе с тем та же угроза с Востока, становящаяся постоянной, затяжной, в свою очередь осложняет еще больше экономическую проблему, тем военным усилием, которое она уже теперь навязала стране. Содержание многосоттысячных армий в Восточной Сибири и в новом, теперь только созданном Среднеазиатском военном округе, закрепление за Россией ее азиатских окраин путем ускоренной их колонизации и экономического освоения, укрепление самой границы, растянувшейся на 7000 километров, возведение защитной системы от ядерной угрозы со стороны Китая

— всё это ложится новым тяжким бременем на экономику Советского Союза, расстроенную уже и без того. И это в то время, когда Москва только начинает переговоры о возможности ограничить гонку вооружений между СССР и США. Технически, сами эти переговоры тоже осложняются китайской угрозой: отказаться от создания антиракетной системы обороны против Китая Советский Союз, очевидно, уже не может, — а как доказать, что эта система предназначена для защиты только от китайских ракет и не послужит против американской « стратегической силы »?

Доказательство могло бы быть только одно: полностью переключить свою внешнюю политику на откровенное и честное сотрудничество с Западом для устранения военно-революционной угрозы с Востока, — тот именно отказ от (партийно-коммунистических) « мессианских » претензий, о котором уже довольно откровенно сказано в меморандуме советских ученых. Только этим можно рассеять ту атмосферу недоверия и взаимной боязни, при которой между Советским Союзом и западным миром, включая Соединенные Штаты в первую очередь, возможны в лучшем случае только какие-то гнилые компромиссы, обреченные рухнуть при любом непредусмотренном кризисе. Тот факт, что Акад. Сахаров и его соавторы решились представить свои соображения нынешней правящей советской верхушке, позволяет думать, что и она уже не может совсем закрывать глаза на положение вещей, которое само по себе ясно давным давно, настолько, что мы в « Возрождении » о нем писали уже без конца. Но нет, конечно, никакого сомнения в том, что откровенный отказ от революционно-« мессианских » претензий Кремля был бы равносильен отречению от марксистско-ленинской идеологии, составляющей единственное возможное обоснование однопартийной диктатуры в России. Отсюда — основной парадокс, до сих пор продолжающийся: власть, давно ставшая « консервативной » в самом худшем значении этого слова, старается « законсервировать » саму себя тем, что перед внешним миром она выступает под видом силы будто бы революционной. И этим своим старанием она сама создает новые кризисы, грозящие опрокинуть то шаткое равновесие, лишиться которого она же боится больше всего.

Именно такой кризис, непредусмотренный, но прямо вызванный основным внутренним противоречием всей советской политики последних лет, теперь и разразился в юго-восточной Азии. И нелепость положения советского правительства тут особенно усугубляется тем, что для соблюдения своего идеоло-

гического «лица» ему опять остается только вытаскивать каштаны из огня — для китайских коммунистов.

**
*

Никакими полумерами из этого противоречия выбиться нельзя. В современном мире, основную революционную силу, угрожающую также и России, и ей в особенности, представляет красный Китай. Только в этом удалась революционная стратегия, изобретенная Лениным: вопреки всем марксистским пророчествам, промышленный пролетариат не взорвал изнутри ни одно из передовых индустриальных государств, он давно уже вообще перестал быть революционной силой благодаря происходящей мирной эволюции так называемого «капиталистического» строя; осталась только возможность изолировать и «окружить» эту наиболее развитую — европейско-американскую — часть современного мира — разжиганием «мирового пожара» из тех стран, где недовольство поддерживается пока еще низким уровнем экономического развития и может принимать особо разрушительные формы из-за малой просвещенности их народных масс. Так или иначе, это и есть теперь стратегия маоизма, китайская военно-революционная стратегия. Классовая борьба, в передовых странах сама по себе затухающая, обернулась разжиганием расовой ненависти «неимущих» народов к народам «имущим». И при этой перетасовке Россия — ближайший «белый» сосед «желтой» революционной империи Мао-Цзе-дуна — с полной неизбежностью оказалась причисленной к миру «сытых» «империалистических» стран. Противопоставить этому можно только одно: общим усилием всех более развитых стран, к которым Россия всётаки принадлежит, помочь так называемому «третьему миру» мирным эволюционным путем преодолеть свою нищету. В принципе, этим занимаются пресловутые международные организации, но, судя по очень многим данным, особенно последнего времени, занимаются из рук вон плохо, в значительной степени оттого, что слишком считаются с революционной демагогией и личной алчностью весьма многих поводырей пока еще только «развивающихся», т. е. еще недостаточно развитых, прежних колониальных и полу-колониальных народов. Продолжая упорно играть на демагогии и алчности тех же поводырей, советская политика затрудняет еще более положительное решение проблемы и увеличивает риск взрывов военно-революционного характера. А каждый раз, когда такие взрывы происходят, они неизбежно протекают теперь по маоистской схеме и служат усилению китайского коммунизма.

Только врагу можно пожелать быть на месте Косыгина на его последней пресс-конференции, посвященной Индокитаю. Годами советское правительство тянуло дело так, чтоб «соревноваться» с китайцами в поддержке революционерам юго-восточной Азии и при этом не «достукаться» до прямого конфликта с Америкой. Годами давалось понять, что *если* Москве удастся перевесить в этом секторе влияние Пекина, то некое мирное решение станет возможным (какое — нельзя было понять никогда). В действительности, чем дольше тянулся конфликт, тем больше весь его ход контролировался не Кремлем, а китайцами. И его новое расползание, подготовленное всем предыдущим, привело прежде всего к немедленному образованию блока, ясно и определенно возглавляемого Пекином.

По самому своему типу, эта война, постепенно расползающаяся на весь прежний французский Индокитай, есть изобретение китайское и служит проверкой тех самых приемов, которые китайская диктатура предполагает применять в «планетарном масштабе». В частности, войной именно этого типа Мао уже теперь грозит Советскому Союзу на тот случай, если советско-китайский антагонизм выльется в большой вооруженный конфликт... И не только методам этой революционной войны ее заправили в юго-восточной Азии учатся всё время у Китая, — для ее ведения они нуждаются прежде всего в близком тыле, китайском, а не в далеком советском, и гораздо больше в легком вооружении, быстро поставляемом из соседнего Китая, чем в тяжелом советском вооружении, которое не для партизанщины создано и в ней может играть только подсобную роль. Чтобы на этом плацдарме в военном отношении «обогнать» китайцев, Советскому Союзу надо было бы свою военную технику применить в «большой» войне, на которую эта техника главным образом и рассчитана, — но такое столкновение с Соединенными Штатами и есть именно то, на что в Кремле решатся только, если окончательно лишатся рассудка. По совокупности всех этих причин, нет ничего удивительного в решении Сиханука после его свержения не делить свое время между Москвой и Пекином, на что Кремль сначала как будто надеялся, а просто обосноваться в китайской столице на прочное жительство. Нет никаких причин удивляться и тому, что все революционные организации азиатского Востока, по-видимому, вовсе ни о чем и не спросили Москву предварительно, когда собрались где-то в Китае на общее совещание и вместе с Китаем — т. е. под его фактической гегемонией — провозгласили свою решимость объединенными силами вести борьбу «до победного конца». В Москве могут

быть еще благодарны за то, что « советских ревизионистов » на этом совещании не заклеямили прямо за « потворство американским агрессорам », — хотя Сиханук не удержался и бросил камешек в советский огород, помянув « некоторые великие державы, которые мечтают о каком-то компромисе на (индокитайском) полуострове ». Но говоря серьезно, — имеют ли в Москве основания быть благодарными за такую сдержанность, сопровождаемую безудержными излияниями благодарности Председателю Мао Цзе-дуну и великому китайскому народу? Если бы « московских ревизионистов » на совещании расчеховостили так, как их без усталости честят в Пекине, то положение по меньшей мере стало бы ясным. Но этой-то ясности советскому правительству и не захотели дать, конечно, сознательно. Так как « московских ренегатов » в данном случае не обозвали прямо таковыми, им не дали повода обидеться и отойти в сторону, их не освободили от обязательства оказывать помощь « братским партиям » и всем их попутчикам, которым нет никакого смысла отказываться от советской поддержки, если ее можно иметь ни за что.

Как в Индокитае, советское влияние долго и упорно пыталось и в Северной Корее бороться с китайским. И так же безуспешно. К новому восточно-азиатскому военно-революционному блоку теперь отчетливо примыкает и северо-корейский коммунистический режим. Тут дело даже не только в том, что корейским коммунистам, как и индокитайским, Москва не может обещать против Америки безусловную поддержку до конца, не может, как Пекин, поощрять их на развязывание новой революционной войны, которая добавилась бы к индокитайской. Есть еще и нечто иное, что окончательно толкнуло северо-корейских властителей в объятия Мао Цзе-дуна. В противовес китайской опасности, для ускоренного развития русского Дальнего Востока Советский Союз должен сблизиться с Японией, особенно при теперешнем состоянии его собственной экономики он ищет японского сотрудничества для дальнейшей разработки сибирских богатств. Все реальные факторы действуют в одном и том же направлении. Есть серьезные основания думать, что не только с советским золотым запасом, но и с советской добычей золота дело не обстоит благополучно, и сейчас в Москве речь пошла о еще не затронутых, огромных, но технически особо трудных для разработки залежах желтого металла, находящихся на Дальнем Востоке и в Средней Азии — опять как на грех в тех именно местах, которым китайцы угрожают в первую очередь. Снова Китай выступает опасным врагом, тогда как Япония готова сотрудничать, но ведь Япония — союзник Соединенных Штатов. Осудив в сов-

местной декларации с Чжоу Эн-лаем «всякое братание с японскими милитаристами», корейские коммунисты круто повернули от Москвы к Пекину, вслед за Пекином бурно приветствовали индокитайский революционный блок и без промедления, вслед за Пекином, признали зарубежное правительство Сиханука.

Вот положение, в котором председателю Совета министров СССР пришлось давать пресс-конференцию об Индокитае.

**
*

Ни малейшего восторга по поводу совещания революционных сил Индокитая Косыгин не проявил, он постарался даже не сказать, какую власть в Камбодже СССР намерен признавать. Порывать венские переговоры с Америкой было бы, конечно, безумием, — на вопрос, прямо ему об этом поставленный, Косыгин и отозвался с чрезвычайной осторожностью. О бесконечно тянущихся советско-китайских переговорах он тоже не мог сказать ничего кроме общего пожелания успеха.

После этого, что может означать его фраза об «усилении единства всех социалистических сил»? Это «единство» явно немыслимо без полного примирения между СССР и Китаем. Те иностранные компартии, которые, как итальянская, взяли в привычку устраивать неприятности советскому «руководству», поспешили прямо на это указать. Характерно и то, что зарубежное правительство Сиханука первым признал самый неудобный из «союзников» СССР — Румыния. Если стараться еще больше запутать Советский Союз в противоречиях его азиатской политики, то так именно и надо поступать... Примирение между СССР и Китаем возможно только в порядке полной капитуляции Москвы перед Пекином, в Москве это знают, но и прекратить разговоры о «единстве социалистических сил» не могут «идеологически».

«Идеологически», Косыгин должен был «с силой осудить» «новую американскую агрессию» и после этого должен был пригрозить «соответствующими выводами». Какими? Продолжение помощи Северному Вьетнаму (только ему) — вот всё, что председатель Совета министров СССР мог об этом сказать непосредственно. Но вопрос поставлен, самим ходом событий: «соответствующие выводы» советскому правительству теперь придется делать в самом ближайшем будущем. Некие попытки столкнуться с Китаем, по-видимому, предпринимаются (в который раз!), увенчаться успехом они могут только в том случае, если какие-то элементы советской верхушки решат подчиниться военно-революционной стратегии Пекина и

этим поставят на карту существование режима и судьбу управляемой им страны. На этом катастрофическом пути, революционное свержение режима стало бы неотложной обязанностью всех патриотических сил России. Если же не сдаваться в плен китайцам, то советскому правительству придется признать, что никакая международная революционная активность для него больше не возможна, за туманными угрозами не следует вовсе ничего и роль мирового революционного центра окончательно и явно, как и в первом случае, перейдет к Пекину, но с той разницей, что Россия окажется не привеском революционного Китая, а его откровенным противником. Третьей возможности нет, потому что ленинский план мировой революции теперь можно осуществлять только по китайской указке, « Мао Цзе-дун это Ленин сегодня » и Москве остается либо подчиниться ему, либо менять свою собственную сущность.

Если здравый смысл возьмет верх и на советских верхах поймут необходимость отрешиться от своей партийной « мессинской претензии », то те же верхи сначала попытаются, по всей вероятности, « законсервировать » при этом из своего прошлого всё, что им покажется возможным. Об этом говорит тот « успех консолидации », который кремлевские заправилы на самых этих днях отпраздновали в Праге, на это же указывает и продолжающийся « идеологический » террор в самом СС СР. Но после крушения советского всемирно-революционного мифа, т. е. основного элемента партийной идеологии, такое консервирование вряд ли окажется возможным на скольконибудь продолжительный срок.

Оно станет невозможным из-за ненавистной партийным идеологам « конвергенции » России и Запада, из-за дальнейшего обострения антагонизма с тоталитарно-революционным Китаем, из-за нового импульса, который будет дан развитию свободной мысли в России самым фактом провала мировой политики КПСС. Начав обнаруживаться теперь, сразу после ленинских празднеств, этот провал сводит на нет последнюю попытку партии подновить свой авторитет раздуванием культа Ильича. Само это раздувание проводилось с такой нелепой ретивостью, что разрыв между мифом и современной реальностью от этого только еще больше бросается в глаза. Уже и Ленин больше не « тянет » — неумеренность употребления обесценила этот последний пропагандный козырь КПСС. Анекдоты, теперь начавшие доходить из России, об этом свидетельствуют.

Перед портретом с надписью « Ленин умер, но дело его живо » стоит женщина, утирает слёзы и приговаривает :

— И чего это ты, батюшка, помер? Уж лучше бы ты жил до ста лет, а дело твое кикнуло бы.

Другие анекдоты, самые хлесткие, к сожалению, не совсем годны для печати. Но сейчас нам и приведенного достаточно. Гнет и застой внутри страны, китайский спутник на орбите и каша в Азии, с которой само советское правительство решительно не знает что делать, — вот, действительно, всё, что для России осталось от «дела Ленина». Психологически и морально — абсолютная пустота, в которую неизбежно ворвутся новые, свежие силы.

Становящаяся неотложной, коренная перемена внешней политики неотделима от хотя бы минимальных внутренних перемен в том направлении, на котором настаивают наиболее смелые советские ученые. И даже минимальные перемены открывают путь качественно новым силам, которые от марксо-ленинского «мировоззрения» не оставят вовсе ничего. Пережитый опыт слишком страшен и они от него отталкиваются безусловно.

В те самые дни, когда Ильич красовался на всех кондитерских и колбасных изделиях по всей необъятной стране, современные русские интеллигенты черпали духовные силы, например, из такого рассказа :

« Оказывается, есть не только иноки в миру, но и настоящие пустынноики — только не в пустыне, а в горах. Один такой живет в пещере, много километров от дороги. Итти тропинкой, над пропастью, а когда почти дойдешь, недалеко от пещеры над дорожкой над пропастью — медведь. Лежит и рычит... Если не испугаешься — пропустит, а если побежишь — бежит по пятам рыча, не набрасывается, но слабым духом прогоняет. Постричься в монахи без разрешения и искуса у старца нельзя, а когда разрешит, то прежде чем принять постриг — собороваться ».

Ручаемся, во-первых, что рассказ этот здесь приведен точно таким, каким он до нас дошел из России, в сем месяце мае 1970 г., и во-вторых, что не мы его «подогнали» в тот же номер нашего журнала, в котором печатается глубокий рассказ Лукаша о преподобных Сергии и Серафиме с их медведями, а просто это получилось само собой. Затем сопоставим : Иван Лукаш сетовал о том, что «ни Пушкин, ни Гоголь не видели преподобного Серафима... кажется, и не слышали о нем», — и теперь вот вам русская интеллигенция 1970 года. И еще заметьте : «собороваться», — люди о смерти помнят и как бы к ней идут. Однако, будем уверены : если только «Бог ордем переменит», как при Сергии Радонежском, то люди, через

это прошедшие, сумеют строить и созидать, как их предки умели в XIV и XV веке.

Конечно, не всё живое в России стремится сейчас, мимо умного медведя, к пустынночку. Знаем, что настроения там очень пестры. Но откат от тоталитарно-материалистического зверства будет, по всей вероятности, всеобщим. Здесь, опять для нас самих неожиданно, мы возвращаемся к тому прогнозу духовной революции, которую, как отмечено в нашей предыдущей статье, М. Н. Михайлов предвидит именно после опыта, пережитого в коммунистических странах. А в дополнение приведем только еще одно свидетельство, опять нам кстати подвернувшееся в новом выпуске всегда интересного журнала «Exil et Liberté», — свидетельство бывавшего в России католического Монакского епископа Рюппа, встающее словно в продолжение также и тому, что в этом нашем выпуске пишет проф. Н. С. Арсеньев :

«Такого опыта — говорит Монс. Рюпп — нет у Запада. Здесь часто воображают, что христиане восточных стран осуществили синтез Маркса и Христа. Ничего подобного нет... Ни «Смерть Бога» в тот самый час, когда Он воскресает, ни синтез христианства с марксизмом не интересуют молодежь коммунистических стран, которая заново открывает Евангелие».

Как видим — всё сходится. Не трусливые компромиссы, облыжно называемые «синтезом», а совершенно иное духовное качество готовится «там» для заполнения пустоты, оставаемой догнивающим марксизмом-ленинизмом.

Кн. С. Оболенский

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛ

« Ч а с о в о й »

Орган связи Российского Национального Движения

Под редакцией В. В. ОРЕХОВА

Подписная плата во Франции: 20 фр. (год), отд. ном. 2 фр.

Представитель для Франции :

Librairie « Кама » — 27, rue de Villiers, 92 — Neuilly.

C.S.P. 18. 446.32

Продается во Франции в книжных магазинах :

E. de Sialsky, 2, rue Pierre-le-Grand, Paris 8°; « Кама », 27, rue de Villiers, Neuilly-sur-Seine; Magasin du Livre, 10, rue des Carmes, Paris 5°; « Дом Книги », 9 rue de l'Éperon, Paris 6°

« РУССКАЯ МЫСЛЬ »

« LA PENSÉE RUSSE »

Главный Редактор : Зинаида ШАХОВСКАЯ

« Русская Мысль » — самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 12-ти страницах большого формата и предлагает своим читателям широкий обзор международных событий, статьи о вопросах религии и философии, о науке, литературе и искусстве, интересные архивные материалы, документы о жизни в СССР.

Все, кто интересуется русским вопросом, читают

« Русскую Мысль »

Адрес РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ :

LA « PENSÉE RUSSE », 91, rue du Faubourg-Saint-Denis, Paris 10°

Tél. : 824-83-16

C.S.P. 5883-44 Paris

Прием по делам редакции и конторы ежедневно от 10 до 18 ч., кроме суббот и воскресений.

В экстренных случаях звонить в типографию: 636-01-29

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА : на 3 мес. — 22,50 фр.

на 6 мес. — 42,00 фр.

на год — 84,00 фр.

ДЛЯ ЗАГРАНИЦЫ : на 3 мес. — 25,00 фр.

на 6 мес. — 48,00 фр.

на год — 96,00 фр.

Цена отдельного № 2,00 фр.

Наши представители за-границей:

АВСТРИЯ : Frau Kira Wolff, Bartensteingasse 8, Wien I.

АРГЕНТИНА : Mr. Jorge Knircha. Villa Balester, Jose Hernandez 149 dep.
2, Prov. Buenos-Aires.

БЕЛЬГИЯ : « La Sentinelle ». Belgique. Boite postale 31. Ixelles-4 (Compte
postal 3925.03).

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ : Iskander Ltd., 56, Ennismore Gardens, London S.W.7

ГОЛЛАНДИЯ : N. V. Martinus Nijhoff-Librairie. B. P. 269, 9, Lange Voor-
hout. La Haye. Pays-Bas.

ЗАП. ГЕРМАНИЯ : Dipl.-Ing. N. Alimov. München 22. Liebigstrasse 16/II.

США : « Slavonic Bazaar », 31 Middle Street, Bridgeport, Conn. — 06603,
Mrs. M. S. Kingston. Russian Book Store « Russ », 443, Balboa Street.
San-Francisco, 18. Calif. 94118, U.S.A.

ВЕНЕЦУЭЛА : Mme G. Balitzky Sur 5, № 88. Caracas.

БРАЗИЛИЯ : Mr. L. Rubanov. Livraria « KNIGA ». Rua Quintino Bocaiuva,
22 - 2. - S/8 — Caixa Postal 8405. Sao-Paulo.

АВСТРАЛИЯ : «Unification », 497 Collins St., Melbourne, C. I., Australie.

« П О С Е В »

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Содержит информационный материал об актуальных событиях в СССР и остальном мире, аналитические статьи по социально-политическим проблемам современности (особенно общественного развития России).

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

В Германии и во всех других странах, кроме США, Канады

При подписке непосредственно от издательства на 1 год — 40 нем. мар.
(включая стоимость пересылки).

При получении авиапочтой добавляется стоимость авиапересылки.

В США и Канаде (включая стоимость пересылки)

При подписке непосредственно от издательства на 1 год :

а) Авиапочтой — 24 ам. долл.

б) Простой почтой — 18 ам. долл.

В Австралии подписка принимается нашим представительством « Единение », Мельбурн

Подписную плату следует посылать почтовым переводом или чеком
по адресу :

POSSEV-VERLAG

D 623 Frankfurt/Main 80, Flurscheideweg 15

или банковским переводом на :

Konto 215 640, Dresdner Bank, Frankfurt/Main

Из Германии удобнее всего пересылать на :

Konto 33461, Postscheckamt, Frankfurt/Main.

ПОДПИСКА НА
НЕЗАВИСИМЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВОЗРОЖДЕНИЕ

принимается временно по адресу :

М. Serge Obolensky,
Chemin de la Côte-du-Moulin, L'Etang-la-Ville, 78 — France
C.C.P. 21148 15 — Paris.

Банковские чеки и почтовые переводы должны быть выписаны
обязательно на имя М. Serge Obolensky с пометкой
« для **Возрождения** ».

Спрашивайте « Возрождение » во всех русских книжных
магазинах

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

Во Франции :

на 12 номеров 80 фр.

на 6 номеров 45 фр.

За границей :

на 12 номеров 21 долл., или 8 фунтов ст. 8 шилл., или 80 НМ.

на 6 номеров 12 долл., или 4 фунта ст. 16 шилл., или 45 НМ.

Цена отдельного номера :

Во Франции : 8 франков.

За границей : 2,50 долл., или 1 фунт ст., или 9 НМ.

**Не забудьте возобновлять Вашу подписку своевременно : от
регулярного поступления средств зависит успех нашего
издания.**